

Жюль Верн Лотерейный билет № 9672

Глава I

— Который час? — спросила фру¹ Хансен, вытряхнув золу из своей трубки после того, как последние клубы дыма растаяли под крашеными потолочными балками.

— Восемь часов, матушка, — ответила Гульда.

— Вряд ли кто из путешественников пожалует к нам нынче ночью, слишком уж скверная погода.

— Да, наверное, никто не приедет. Но даже если и приедет, — комнаты готовы, и стоит путнику позвать с улицы, я мигом услышу.

— Твой брат не вернулся?

— Нет еще.

— Разве не обещал он возвратиться сегодня?

— Нет, матушка. Жоэль провожает туриста к озеру Тинн, и вышли они из дому очень поздно, так что наверняка он придет обратно в Дааль не раньше завтрашнего дня.

— И стало быть, заночует в Меле?

— Скорее всего так, если не отправится в Бамбле повидать фермера Хельмбе...

— И его дочку.

— Да, и его дочку, а мою лучшую подругу Зигфрид, которую я люблю, как родную сестру! — с улыбкой промолвила молодая девушка.

— Ну ладно, тогда прикрой дверь, Гульда, и пошли спать.

— Вам неможется, матушка?

— Нет, но завтра я собираюсь встать пораньше. Нужно будет наведаться в Мел.

— По какой надобности?

— И ты еще спрашиваешь! Да разве не пора припасать провизию на предстоящий сезон?

— А, значит, поставщик из Христиании² уже прибыл в Мел в фургоне с винами и припасами?

— Да, Гульда, нынче днем, — ответила фру Хансен. — Ленглинг, старший мастер лесопильни, повстречал его и по пути домой сообщил мне об этом. Наши консервы — ветчина и копченый лосось — на исходе, а я не хочу, чтобы меня застали врасплох. Со дня на день, особенно если погода улучшится, начнут прибывать туристы, что идут на Телемарк.³ Нужно, чтобы наша гостиница смогла достойно принять их и предоставить все необходимое для приятного отдыха. Знаешь ли ты, Гульда, что нынче уже пятнадцатое апреля?

— Уже пятнадцатое апреля! — прошептала девушка.

— Вот я и займусь всем этим завтра, — продолжала фру Хансен. — Сделаю за два часа покупки, поручу рассыльному доставить их сюда, а сама вернусь вместе с Жоэлем в его

¹ Фру — госпожа; обращение к замужней женщине в скандинавских странах; употребляется главным образом вместе с именем или фамилией.

² Христиания (или Кристиания) — главный город Норвегии, основанный в 1048 или 1054 году королем Харальдом III под названием Осло. Это имя носил до 1624 года, когда после пожара Осло был построен на новом месте и получил наименование Кристиания — в честь датского короля Кристиана IV (1577–1648), под чьим владычеством находилась Норвегия. В 1814 году Кристиания объявлена столицей государства, а в 1924 году ей возвращено историческое название Осло, существующее поныне.

³ Телемарк — плоскогорье на юге Норвегии высотой около 1883 метров над уровнем моря. (Примеч. перев.)

повозке.

— Матушка, если встретите почтальона, не забудьте спросить, нет ли у него писем для нас...

— А главное, для тебя! Да, возможно, что и есть, — ведь последнее письмо от Оле пришло месяц тому назад.

— Да, целый месяц!.. И такой долгий месяц!

— Не горюй, Гульда! Ничего удивительного в такой задержке нет. И даже если почтальон из Мела не принесет письма, разве не может оно прийти через Берген⁴ вместо Христиании?

— Да, конечно, матушка, — ответила Гульда, — но не бранитесь за то, что у меня тяжело на сердце, — ведь от нас до рыбных промыслов Ньюфаундленда⁵ так далеко! Между нами лежит целое море, а уж когда оно разбушуетя!.. Мой бедный Оле год как плавает, и кто знает, когда он снова вернется в Дааль!..

— Да и застанет ли он нас здесь по возвращении! — пробормотала фру Хансен, правда, так тихо, что дочь не услышала ее.

Гульда встала, чтобы прикрыть поплотнее дверь гостиницы, выходящую на дорогу Вестфьордааля. Но она и не подумала запереть ее на ключ. В такой гостеприимной стране как Норвегия, подобные предосторожности излишни. Любой путник может войти днем и ночью в сельский дом без стука, не заставляя хозяев отпираться ему.

Сюда не наведываются ни воры, ни бродяги, — во всей округе, вплоть до самых отдаленных хуторов, о таких даже и не слыхивали. Никогда еще покой обитателей этого края не смущали ни кражи, ни разбой.

Мать с дочерью занимали две комнаты на втором этаже, окнами на дорогу, — светлые и чистенькие, обставленные, правда, небогато, но так заботливо и уютно, как бывает лишь у самой хорошей хозяйки. Над ними, в мансарде,⁶ под нависающей, как у шале,⁷ крышей, располагалась комната Жоэля, освещенная одним-единственным окошком в затейливых, прямо-таки кружевных наличниках. Оттуда взгляд охватывал величественную горную гряду, замыкающую горизонт, а затем спускался вниз, к узкой лощине, по которой с ревом несея бурный Маан — не то река, не то горный поток. Из просторного зала первого этажа наверх вела деревянная лестница на толстенных подпорах, с навощенными до блеска ступеньками. Словом, ничего не было уютнее и приветливее этого дома, где путешественники находили удобства, весьма редкие для обычных постоялых дворов Норвегии.

Итак, Гульда и ее мать жили во втором этаже. Именно туда они и уходили пораньше с вечера, когда оставались одни. Фру Хансен уже поднялась на несколько ступенек, освещая себе путь свечою в разноцветном стеклянном подсвечнике, как вдруг ей пришлось остановиться.

В дверь постучали. С улицы донесся голос:

— Эй, фру Хансен! Фру Хансен!

— Кто это может быть так поздно? — удивилась она.

— Уж не стряслось ли что худое с Жоэлем? — вскричала Гульда.

И она живо подбежала к двери.

⁴ Берген — город и порт Норвегии, второй по значению в стране. Основан около 1070 года.

⁵ Ньюфаундленд — остров в Атлантическом океане, у берегов Северной Америки, часть одноименной канадской провинции, район международного промышленного рыболовства. Расстояние от норвежского побережья до Ньюфаундленда по прямой — около двух тысяч морских миль (примерно 3800 км).

⁶ Мансарда — жилое помещение на чердаке под скатом крыши.

⁷ Шале — в странах Европы — строение дачного типа, своеобразной и оригинальной архитектуры.

За нею на пороге стоял мальчик-подросток — из тех, что занимаются ремеслом skydskar1, то есть ездят сзади, на запятках наемных карет или повозок, а потом приводят лошадь обратно на почтовую станцию. Но этот паренек прибыл пешком и теперь стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, что же привело тебя в такой поздний час? — спросила Гульда.

— Сперва разрешите пожелать вам доброго вечера! — степенно промолвил парень.

— И это все?

— Нет, не все, но разве не следует для начала показать себя вежливым?

— Да-да, ты прав! Тебя кто-нибудь послал сюда?

— Я от вашего брата Жоэля.

— От Жоэля? Это еще почему? — вмешалась фру Хансен.

И она двинулась к порогу тем несуетливым, мерным шагом, что так характерен для норвежцев. Конечно, в земле Норвегии таится немало ртути, чьи капельки столь быстры и юрки, но в крови обитателей этой страны ее или очень мало, или же нет вовсе.

И однако, слова парня взволновали мать Жоэля, ибо она поспешно спросила:

— Надеюсь, с моим сыном ничего не приключилось?

— Как сказать... Прибыло письмо из Христиании, и почтальон привез его из Драммена...⁸

— Письмо из самого Драммена? — встревожено откликнулась фру Хансен, понизив голос.

— Этого я не знаю, — ответил паренек. — Мне велено только передать, что Жоэль до завтра домой не вернется, вот он и послал меня к вам, наказав доставить письмо.

— Стало быть, оно спешное?

— Похоже на то.

— Дай же его сюда, — сказала фру Хансен тоном, в котором сквозило живейшее беспокойство.

— Вот оно, как видите, чистое и не смятое. Но только письмо это адресовано не вам.

Казалось, фру Хансен при этих словах вздохнула с облегчением.

— А кому же? — спросила она.

— Вашей дочери.

— Мне! — воскликнула Гульда. — О, я уверена, что это письмо от Оле, раз оно прибыло через Христианию. Братец не захотел, чтобы я ждала лишний день!

Гульда взяла конверт и, поставив рядом с собою на стол свечу, принялась разглядывать надпись на нем.

— Да!.. Это от него!.. Это, конечно, от него!.. Господи, хоть бы там было написано, что «Викен» возвращается!

Тем временем фру Хансен обратилась к пареньку:

— Что же ты неходишь?

— Ну разве что на минутку! Мне нынче же вечером надобно вернуться домой: назавтра я нанялся сопровождать повозку.

— Ну ладно, тогда прошу тебя, передай Жоэлю, что завтра я приеду к нему в Мел. Пусть дождет меня.

— Завтра к вечеру?

— Нет, поутру. И пускай не уезжает из Мела, не повидавшись со мною. Мы вернемся в Дааль вместе с ним.

— Так все и передам, фру Хансен.

— Ну а теперь выпей-ка глоточек виноградной водки.

— С удовольствием!

Парень подошел к столу, и фру Хансен налила ему немного крепкого согревающего

⁸ Драммен — город примерно в 100 километрах к западу от Осло.

напитка, особенно полезного при ночной пронизывающей сырости. Он выпил водку, не оставив ни капли на дне маленькой чашки, после чего промолвил:

— God aften!

— God aften, мой мальчик!

Так звучит по-норвежски «доброй ночи». Присутствующие просто обменялись этими словами, даже не кивнув друг другу. И парень тотчас вышел, ничуть не озабоченный предстоящей долгой пешей дорогой. Вскоре звук его шагов смешался с шелестом деревьев, росших по берегам бурной речки.

Тем временем Гульда продолжала разглядывать письмо Оле, не торопясь вскрывать конверт. Подумать только! Этот тонюсенький бумажный пакетик пересек целый океан, целое необъятное море, куда впадают все реки западной Норвегии, чтобы попасть наконец в ее руки! Она с любопытством изучала пестрые марки на письме. Оно было отправлено пятнадцатого марта, а прибыло в Дааль только пятнадцатого апреля. Боже мой, Оле написал его месяц тому назад! Сколько же событий могло произойти за это время в морях близ Ньюфаундленда, как называют эту землю англичане! Ведь тогда весна только-только начиналась, и это было самое опасное для мореходов время — равноденствие. Недаром рыбный промысел в тех местах считается самым опасным из всех по причине жестоких шквалов, внезапно налетающих через Северную Америку с полюса. Да, тяжелое ремесло выбрал Оле, тяжелое и чреватое многими бедами! Но разве не потому он занялся им, что решил заработать побольше денег для своей невесты, с которой должен был обвенчаться по возвращении домой?! Бедный, бедный Оле! О чем писал он в этом письме? Без сомнения, о том, что любит Гульду, как и она всегда будет любить его; что они думают об одном и том же, несмотря на разделяющее их море; и что он ждет не дождется своего возвращения в Дааль!

Да, конечно, Гульда была уверена, что речь шла именно об этом. Но, может быть, он пишет еще, что возвращение не за горами, что рыбная ловля, увлекшая бергенских рыбаков так далеко от родной земли, наконец завершается? Может быть, он сообщает ей, что «Викен» уже загрузил трюмы рыбой и теперь готовится к отплытию, что не успеет кончиться апрель, как они соединятся узами брака в этом счастливом доме Вестфьорддааля? Может быть, он считает, что пора уже назначить день, когда пастор приедет в Мел и обвенчает их в скромной деревянной часовенке, чья остроконечная колокольня выглядывает из-за густых крон деревьев в нескольких сотнях шагов от гостиницы фру Хансен?

Для того, чтобы узнать ответ на эти вопросы, достаточно было всего-навсего сломать печать на конверте, вынуть письмо Оле и прочесть его сквозь слезы печали или радости, которые оно могло вызвать у Гульды. Разумеется, любая более нетерпеливая дочь Юга — девушка из Швеции, Дании или Голландии — давным-давно узнала бы то, что юная норвежка никак не решалась узнать! Но Гульда погрузилась в мечты, а мечты кончаются лишь тогда, когда их угодно прервать Господу Богу. И как часто приходится сожалеть о них перед лицом суровой и печальной действительности!

— Дочь моя, — спросила фру Хансен, — письмо, которое брат переслал тебе, оно, конечно, от Оле?

— Да, это его почерк, я узнаю!

— Уж не вздумала ли ты отложить его чтение до завтра?

Гульда в последний раз взглянула на конверт. Потом медленно, не торопясь, распечатала его, извлекла аккуратно написанное письмо и прочла нижеследующее:

«Сен-Пьер и Микелон, ⁹ 17 марта 1862 года.

⁹ Сен-Пьер и Микелон — группа из восьми низменных островов у южного побережья о. Ньюфаундленд, владение Франции.

Дорогая Гульда!

Тебе приятно будет узнать, что сезон у нас выдался удачный и закончится через несколько дней. Да, именно так, сезон подходит к концу! Как я счастлив буду вернуться после целого года разлуки в родной Дааль и увидеть там единственную семью, какая есть у меня на этом свете, — твою семью, милая Гульда.

Моя доля в выручке оказалась немалой, она пригодится нам, когда мы станем обзаводиться своим хозяйством. Наши бергенские арматоры,¹⁰ господина брата Хелл, компания «Хелл и сыновья», уже уведомлены о том, что «Викен» вернется скорее всего между 15 и 20 мая. И, стало быть, ты можешь ожидать меня домой к этому времени, то есть всего через несколько недель.

Дорогая Гульда, я надеюсь по возвращении застать тебя еще более красивой, чем раньше, а также в добром здравии тебя, твою матушку и, конечно, храброго и доброго моего товарища и кузена Жоэля, твоего брата, которому вскоре предстоит стать братом и мне.

Когда прочтешь письмо, передай мой почтительнейший поклон фру Хансен; я так и вижу ее сидящей в глубоком деревянном кресле возле старенькой печки в большой вашей зале. Скажи ей, что я люблю ее вдвойне — как твою мать и как мою тетушку.

Очень прошу вас не беспокоиться и не приезжать в Берген, чтобы встретить меня. Вполне вероятно, что «Викен» прибудет в гавань раньше указанного срока. Как бы то ни было, милая Гульда, но через сутки после того, как я сойду на берег, ты увидишь меня в Даале. И не удивляйся, если я пожалую к вам даже раньше обещанного.

Нашу ихуну здорово потрепало этой зимой, самой скверной из всех, какие помнят наши моряки. К счастью, нам попался огромный косяк трески, и теперь «Викен» доставит в своих трюмах в Берген более пяти тысяч центнеров этой рыбы, которая уже вся запродала стараниями господ Хелл. А вот последняя новость, интересная для нашей семьи: поскольку лов оказался удачным, моя часть в выручке будет довольно велика, ибо теперь я имею право на полную долю.

А впрочем, если я и не привезу в дом большого состояния, то надеюсь, вернее, предчувствую, что оно ждет меня там, на берегу, по прибытии. Да! Целое богатство... не говоря уже о счастье! Что за богатство?.. Пока я держу это в секрете, дорогая Гульда, и, думаю, ты простишь, если до возвращения я не откроюсь тебе. Но это единственная моя тайна, и скоро ты все узнаешь. Когда? Как только настанет нужный момент, — до нашей свадьбы, если она отодвинется из-за какого-нибудь непредвиденного обстоятельства, или после нее, если я приеду в Дааль в назначенный срок и на следующей после этого неделе ты станешь моей женой, чего я жду не дождусь! Целую тебя, дорогая моя Гульда. Поцелуй от меня фру Хансен и моего кузена Жоэля. И еще хочу поцеловать тебя в лоб, над которым скоро засветится сияющая корона невест Телемарка, точно святой нимб.¹¹ В последний раз прощаюсь с тобой, дорогая Гульда, до скорого свидания!

Твой жених Оле КАМП».

Глава II

Дааль состоит всего из нескольких домиков; одни стоят вдоль дороги, скорее похожей

¹⁰ Арматор — владелец или арендатор судна; снаряжает его в плавание, снабжает средствами, нанимает экипаж, приглашает капитана и несет ответственность за действия последнего.

¹¹ Нимб — условное, в виде круга, изображение сияния вокруг головы человека в религиозном искусстве; знак святости.

на тропинку, другие лепятся по склонам окрестных холмов. И все они глядят окнами на узкую лощину Вестфьордааля, как бы отворачиваясь от северных взгорий, у подножия которых бушует неукротимый Маан. Ансамбль этих строений можно было бы назвать «gaards» — вполне типичным для этой страны селением, находишься он во владении одного земледельца или фермера-арендатора. Но Дааль имеет право на звание если не городка, то, по крайней мере, поселка. Неподалеку от него высится часовенка, воздвигнутая в 1855 году; ее стены, главная из которых, алтарная, прорезана двумя узкими окнами с витражами,¹² и ее четырехгранная колокольня — все срублено из дерева. Там и сям над бурными стремительными потоками перекинуты мостики в один пролет, также деревянные и выложенные поверх балок ромбовидными дощечками; проемы между ними заложены мшистыми камнями. Чуть поодаль стоят одна-две простенькие лесопильни, приводимые в действие силою течения; каждая снабжена парой колес, — первое позволяет маневрировать пилой, второе — передвигать балки и брусья; визг пилы и скрип колес доносятся до самого селения. С небольшого расстояния все это: часовня, лесопильни, дома и амбары — кажется окутанным легкой зеленой дымкой растительности, темной хвоей ели, чуть голубоватой листвою берез; деревья, поодиночке или группами, поднимаются снизу, от извилистых берегов Маана, до самых гребней гор Телемарка.

Вот таков Дааль — веселый, приветливый, с живописными домиками, с фасадами, раскрашенными в разные цвета, где мягкие — нежно-зеленые или розовые, — где яркие, даже режущие глаз, ядовито-желтые или кроваво-красные. Их крытые березовой корою крыши за лето обрастают зеленой порослью, которую по осени скашивают; на коньках цветут пестрые цветы. Словом, это прелестное местечко, расположенное в прелестнейшей из стран. А если быть совсем точным, Дааль находится на Телемарке, Телемарк в Норвегии, а Норвегия — это настоящая Швейцария, только с несколькими тысячами фьордов,¹³ позволяющих морским волнам шуметь у подножия гор.

Телемарк — лишь часть той гористой возвышенности, какую представляет собою обширная территория страны между Бергеном и Христианией. Этот округ, находящийся в подчинении префектуры¹⁴ Братсберга,¹⁵ может похвастаться такими же горами и ледниками, как Швейцария, однако это не Швейцария. Здесь имеются такие же грандиозные водопады, как в Северной Америке, но это и не Америка. Сельские пейзажи, с раскрашенными фасадами домов, с праздничными процессиями жителей в старинных нарядах, напоминают некоторые пейзажи Голландии, но это не Голландия. Ну а Телемарк и сравнивать не с чем, Телемарк есть Телемарк, — быть может, самый оригинальный и примечательный по своей природной красоте уголок на земле. Автор этих строк имел счастье посетить Телемарк, проехать по нему в повозке, нанятой на почтовой станции и запряженной лошадьми — когда их можно было достать. Он навсегда сохранил в душе воспоминание о поэтической прелести тех мест, столь свежее, что хотелось бы украсить им свое незатейливое повествование.

В то самое время, когда происходит действие нашей повести, а именно, в 1862 году,

¹² Витраж — цветные стекла в окнах, дверях, составляющие картину, узор или расположенные в декоративном продуманном «беспорядке».

¹³ Фьорд (фиорд) — узкий и сильно, на десятки километров, вытянутый в длину, глубокий, часто разветвленный морской залив с крутыми и высокими (более километра) берегами. Фьорды характерны для Скандинавии, особенно Норвегии.

¹⁴ Префектура — орган управления административно-территориальными единицами в различных государствах; в Норвегии XIX века назывались округами.

¹⁵ Братсберг — один из двадцати тогдашних округов Норвегии, десятый по площади и двенадцатый — по численности населения.

Норвегию еще не прорезала железная дорога, позволяющая ныне доехать от Стокгольма до Тронхейма¹⁶ через Христианию. Этот длинейший железнодорожный путь связывает скандинавские страны, весьма, впрочем, мало склонные к совместному существованию. Но зато путешественники, запертые в вагонах поезда — куда более быстрого, нежели дилижансы,¹⁷ что правда, то правда! — лишены удовольствия любоваться нетронутой красотой старых проселочных дорог. Они больше не пересекают южную Швецию по любопытнейшему Готскому каналу, где суда и баржи поднимаются от шлюза к шлюзу вверх на целых триста футов. И наконец, поезда не делают остановок ни у водопадов, ни в Драммене, ни в Конгсберге,¹⁸ ни на полном чудес плоскогорье Телемарка.

А в те времена железнодорожное сообщение было только в проекте. Еще двадцать лет отделяли Норвежское королевство от той поры, когда стало возможным, имея билет в оба конца, пересечь его за сорок часов от одного побережья до другого и добраться почти до мыса Нордкап и самого Шпицбергена.

Так вот, именно Дааль был тогда — и дай Бог, чтобы остался как можно дольше! — тем центральным пунктом страны, который привлекал иностранных и местных туристов, а в числе последних более всего студентов из Христиании. Отсюда они могли отправиться в любую точку Телемарка и Хардангера, подняться вверх по ущелью Вестфьорддаала, пройти между озерами Мьоос и Тинн и полюбоваться изумительными пещерами Рьюкана. Напомним, что Дааль располагал всего одной гостиницей, но она была самой гостеприимной и уютной, о какой только можно мечтать, а также и самой вместительной, ибо предоставляла в распоряжение путешественников целых четыре комнаты. Словом, то была гостиница фру Хансен.

Попытаемся описать ее. Несколько скамей тянутся вдоль окрашенных в розовое стен, отделенных от земли внушительным гранитным фундаментом. Балки и еловые доски, из которых сбиты стены, приобрели с годами такую твердость, что о них сломался бы и стальной топор. Между едва обтесанными и уложенными горизонтально одна на другую балками забит в расшивку мох, смешанный с глиной; он образует плотные утолщения, сквозь которые не проникнуть самой свирепой зимней буре. Потолки в комнатах окрашены между стропилами в черный и красный цвета, контрастирующие с более мягким и веселым оттенком стеной обшивки. В углу просторной нижней залы стоит круглая чугунная печурка; ее длинная труба, проведенная под потолком, соединяется с толстой трубой большой кухонной печи. Здесь же висят стенные часы с большим эмалевым циферблатом и затейливыми стрелками, их мерное звонкое тиканье разносится по всему дому. В другом углу помещается старинный, округлой формы секретер с темно-коричневыми резными украшениями, а рядом с ним — массивный кованый железный таган. Сверху, на полочке, глиняный подсвечник о трех ножках, — перевернутый, он превращается в трехрожковый канделябр. Зал украшает лучшая мебель дома: стол из карельской березы на толстых ножках, сундук-укладка с фигурными запорами, где хранятся праздничные и воскресные наряды семьи; жесткое, без обивки, как церковная скамья, кресло; деревянные расписные стулья, деревенская прятка в зеленых узорах, так красиво сочетающихся с красными юбками прях. И еще множество самых различных предметов домашней утвари: горшок для масла и мутовка для его сбивания, табакерка и терка из резной кости для табака. И наконец, над дверью, ведущей в кухню, подвесной шкаф, который вмещает на широких своих полках целый набор

¹⁶ Тронхейм — город и порт на северо-западе Норвегии. Основан в 997 году. Крупный промышленный и культурный центр.

¹⁷ Дилижанс — многоместный крытый экипаж, запряженный лошадьми, для перевозки почты, пассажиров и их багажа.

¹⁸ Драммен, Конгсберг — города западнее Осло (Христиании).

кухонной медной и оловянной посуды, блюда и тарелки — фаянсовые, деревянные и металлические, с яркими эмалевыми узорами, далее — маленький точильный круг, наполовину скрытый лакированным футляром, старинная рюмка для яиц, такая вместительная, что могла бы служить и кубком; убранство зала дополняют несколько забавных картинок на холсте, натянутом в виде панелей, представляющих библейские сюжеты в ярком лубочном стиле Эпиналя.¹⁹ Что же касается комнат постояльцев, то они обставлены весьма просто, но не менее комфортабельно: немногочисленная мебель блистает чистотой, окна снаружи обрамлены вьющейся зеленью, ниспадающей с затканной дерном крыши, широкие кровати застланы прохладными белоснежными простынями из полотна, называемого «akloede», а на стенах красуются изречения из Ветхого завета, написанные желтыми буквами по красному фону.

Не следует также забывать о том, что полы как в большой зале, так и в нижних и верхних комнатах устланы веточками березы, ели и можжевельника, чья листва и хвоя наполняют весь дом животворными ароматами.

Можно ли вообразить более очаровательную *posada*²⁰ в Италии, более привлекательную *fonda*²¹ в Испании? Нет, это невозможно! Вдобавок, и цены еще не успели подскочить в результате наплыва английских туристов, как это произошло в Швейцарии, — по крайней мере, в описываемое время. В Даале кошелек путешественников облегчается не на фунты стерлингов либо их золотой эквивалент,²² но всего лишь на кроны,²³ одна из коих равняется пяти или чуть более франкам,²⁴ на марки,²⁵ равные каждая одному франку, и медные скиллинги,²⁶ которые ни в коем случае не следует путать с британскими шиллингами,²⁷ ибо они, в отличие от этих последних, равны всего одному су. Туристу, прибывшему на Телемарк, не придется разоряться, тратя радужные банкноты дорогого вида. Норвежская крона являет собою скромную белую бумажку, пять крон — голубую, десять — желтую, пятьдесят — зеленую и сто — красную. Не хватает еще двух, чтобы составить полную радугу!

Далее следует отметить — и в этом гостеприимном доме данным обстоятельством нельзя пренебречь, — что в гостинице фру Хансен кухня выше всяческих похвал, а это для местных постоялых дворов большая редкость. И в самом деле, район Телемарка полностью соответствует своему прозвищу — «край кислого молока». В захолустьях вроде Тинесса, Листхууса, Тиннусета и многих других не найдешь даже хлеба, а если и отыщешь, то он бывает так невкусен, что лучше уж вовсе обойтись без него. Здесь выпекают лишь овсяные

¹⁹ Эпиналь — город в Вогезах, где выпускаются яркие литографии на темы бытовой жизни.

²⁰ Гостиница (*ит.*).

²¹ Постоялый двор (*исп.*).

²² Эквивалент — равноценное, равнозначщее.

²³ Крона — денежная единица Норвегии и ряда других стран.

²⁴ Франк — денежная единица Франции и других стран.

²⁵ Марка — денежная единица Германии и других стран.

²⁶ Скиллинг — норвежская разменная монета.

²⁷ Шиллинг — 1/20 часть фунта стерлингов, упразднена в 1971 году.

лепешки, так называемые «flatbröd», сухие, черные, твердые, как картон, или же совсем незатейливые грубые ковриги из смеси толченой бересты и мха или рубленой соломы. Яйца здесь едят крайне редко, разве что курица снесла их неделю назад. Зато в изобилии имеется кислое пиво и снятое, кислое или свежее, молоко: изредка жители этого края позволяют себе чашечку кофе, такого густого, что он напоминает скорее процеженную печную сажу, нежели благородные напитки «Мокко», «Бурбон» или «Рио-Нуньец».

В противоположность вышесказанному, у фру Хансен погреб и кухня всегда ломятся от продуктов. Даже самого взыскательного туриста полностью удовлетворит ее стол: вареная, соленая или копченая лососина, хариусы, свежий озерный лосось, незнакомый с морской водой, речная рыба с Телемарка, домашняя птица — отнюдь не жесткая и не костлявая, яйца под всевозможными соусами, вкусное ржаное и ячменное печенье, фрукты, особенно земляника, пеклеванный,²⁸ но очень аппетитный хлеб и старое, выдержанное вино «Сен-Жюльен» — из тех, что прославляют на весь мир, до самых отдаленных его окраин, искусство виноделов Франции.

Словом, гостиница в Даале вполне заслуженно пользовалась прекрасной репутацией во всех странах Северной Европы.

Впрочем, в репутации этой легко убедиться, полистав толстую тетрадь с желтоватыми страницами, в которую постояльцы охотно вписывали похвалы по адресу фру Хансен. В большинстве своем то были шведы и норвежцы, съезжавшие сюда со всех концов Скандинавии.

Однако в тетради расписывалось и немало англичан; один из них, которому пришлось прождать лишний час, пока над вершиною горы Геуста рассеется утренний туман, написал на одной из страниц чисто британское изречение:

«Patientia omnia vincit».²⁹

Отметились в тетради и несколько французов, из коих один (не будем называть его имени!) позволил себе написать следующее:

«Мы можем только поздравить себя с приемом, оказанной нам в этой гостинице!»

Не станем упрекать автора в этой грамматической ошибке. Бог с ней! Пусть ее французская грамотность отстает от признательности данной фразы: от этого последняя звучит не менее лестно для фру Хансен и ее дочери, прекрасной Гульды из Вестфьорддаала.

Глава III

Не будучи многосведущим в этнографии,³⁰ можно, однако, утверждать, опираясь на гипотезы³¹ многих ученых, что между самыми знатными семьями, принадлежащими к

²⁸ Пеклеванный хлеб — приготовленный из пеклеванной (мелко размолотой и просеянной) муки, преимущественно ржаной.

²⁹ Терпение все побеждает (*лат.*).

³⁰ Этнография — отрасль исторической науки, изучающая состав, происхождение, расселение народов мира, выясняющая особенности материальной, общественной и духовной культуры народов всех частей света.

³¹ Гипотеза — научное предположение, требующее проверки и подтверждения фактами.

английской аристократии,³² и старинными семействами Скандинавского королевства существует отдаленное родство. Тому находится множество доказательств, если обратиться к именам предков, звучащим одинаково в обеих странах. В Норвегии нет аристократии как таковой, но даже царящая там демократия не мешает норвежцам быть аристократами по духу. Здесь все равны, но не в низости, а в благородстве. Даже в самых жалких хижинах обнаруживается генеалогическое древо,³³ которое отнюдь не выродилось оттого, что вросло корнями в плебейскую³⁴ почву. Каждое из них украшено благородным семейным гербом, восходящим к временам средневековых феодалов³⁵ — и предков нынешних простых крестьян.

Все это относится и к семье Хансенов из Даала, родственников — разумеется, весьма отдаленных, — пэров Англии, ведущих свое происхождение от завоевателя Роллона Нормандского.³⁶ И если Хансены не могли похвастаться ни богатством, ни знатным происхождением, то, по крайней мере, они сохранили свойственную их предкам гордость, а вернее сказать, достоинство, вполне уместное для людей любого сословия.

Но какое это имеет значение! При всех своих знатных и благородных предках Харальд Хансен был всю свою жизнь хозяином гостиницы в Даале, и никем иным. Он унаследовал этот дом от отца и деда, о прочном положении которых охотно напоминал всем, кто расположен был его слушать. А после него гостиницей стала управлять его жена — и делала это так, что заслужила самое высокое одобрение и уважение окружающих.

Обогатило ли Харальда содержание гостиницы? Этого я не знаю. Однако он смог воспитать своих детей, Жозеля и Гульду, никак не омрачив их детство жизненными тяготами. Он даже принял в свою семью сына сестры своей жены, Оле Кампа, осиротевшего после смерти родителей, — принял и вырастил ничуть не хуже, чем собственное потомство. Не будь у мальчика дяди Харальда, он, без сомнения, оказался бы одним из тех несчастных обездоленных крошек, которые приходят в этот мир только для того, чтобы тотчас же покинуть его. Нужно признать, что Оле Камп выказывал своим приемным родителям горячую, чисто сыновнюю любовь. Ничто не должно было порвать узы, связывающие его с семьей Хансенов. Напротив, браку Оле и Гульды предстояло укрепить их на всю жизнь.

Харальд Хансен умер полтора года назад. Не считая гостиницы в Даале, он оставил жене маленькую «soeter», расположенную в горах. «Soeter» — это не что иное, как удаленная от селений ферма, приносящая небольшой, а то и вовсе ничтожный доход. Последние годы выдались неурожайными, и все посадки сильно пострадали; непогода коснулась даже пастбищ. Ночи, как правило, были, по выражению норвежских крестьян, «железными», иными словами, с заморозками и ледяными ветрами, не щадящими нежные ростки, которые

³² Аристократия — высший слой общества, богатая или родовая знать; привилегированная верхушка какой-либо социальной группы.

³³ Генеалогия — родословие, история рода; часто изображается в виде дерева (генеалогического древа), на «ветвях» которого указаны имена членов рода от начала его.

³⁴ Плебеи — в средние века и позже — низшие слои городской бедноты, «простонародье» (противоположность аристократам).

³⁵ Феодал — в средние века — владелец земли, помещик-крепостник.

³⁶ Роллон Нормандский (?—932 г.) — изгнан из Норвегии королем, высадился в 867 году во Франции, которую долго опустошал и разорял. Женившись на дочери французского короля Карла Простоватого, который надеялся тем самым утихомирить вождя скандинавских пиратов, приняв христианство, новое имя Роберт и титул герцога, а также значительную часть земель, бывший грабитель стал властелином Нормандии (отсюда — его прозвище) и проявил государственную мудрость и добросердечие. Имя его сохранялось в норвежских преданиях.

вымерзали до самых корней. А это грозило крестьянам Телемарка и Хардангера разорением.

Однако даже если фру Хансен и была осведомлена о настоящем финансовом положении своей семьи, она никогда ни словом не обмолвилась о нем никому, в том числе и детям. Обладая сдержанным, необщительным нравом, крайне неразговорчивая, она причиняла Гульде и Жоэлю немало огорчений. Но, питая принятое в северных странах почтение к главе семьи, они и не старались нарушить установленную их матерью дистанцию. Впрочем, фру Хансен и не потерпела бы никакой помощи или совета со стороны окружающих: ее отличала одна чисто норвежская черта — абсолютная уверенность в непогрешимости своих суждений.

Фру Хансен было в ту пору пятьдесят лет. О возрасте свидетельствовали лишь седые волосы, но в остальном он пощадил ее, не согнув высокую прямую фигуру и не замутив яркую синеву глаз, чей лазурный цвет унаследовала дочь. Разве только лицо приобрело желтоватый оттенок старого пергамента да на лоб легло несколько едва заметных морщинок.

Эта «дама», как выражаются в скандинавских странах, неизменно носила черную юбку в глубоких складках, в знак траура, который она не снимала со дня смерти Харальда. Поверх блузки из сурового полотна она надевала коричневый корсаж³⁷ с широкими проймами. Грудь была прикрыта темной косынкой и передником с широкими, сходящимися на спине лямками. На голове фру Хансен неизменно красовался чепчик из плотного шелка, наподобие монашеских; ныне такие уже выходят из моды. Сидя в своем деревянном кресле, прямая, чопорная, невозмутимая, хозяйка гостиницы Даала оставляла свою прялку лишь затем, чтобы выкурить маленькую трубочку из березовой коры, чей дым окутывал ее легким голубоватым облачком.

И по правде сказать, дом этот мог бы показаться куда каким печальным, если бы не присутствие двух детей фру Хансен!

Славный парень был Жоэль! Двадцатипятилетний высокий статный молодец, как и все уроженцы норвежских гор, гордый, но не заносчивый, отважный, но не безрассудный, светлый шатен с темно-голубыми, почти черными глазами. Одежда ладно сидела на нем, выгодно подчеркивая мощные плечи, которые никогда не сутулились, широкую грудь, скрывающую здоровые легкие горного проводника, стальные руки и неутомимые ноги, словно специально созданные для восхождений на самые высокие пики Телемарка. В обычном костюме его можно было принять за наездника. Он носил голубоватый жилет с наплечниками и длинными вертикальными планками, сходящимися на груди; украшенный на спине цветной вышивкой, жилет этот походил на старинные бретонские³⁸ куртки, сохранившиеся еще со времен кельтов.³⁹ Высокий ворот рубашки напоминал формой воронку. Желтые штаны застегивались ниже колен пряжками. На голове — широкополая коричневая шляпа, отделанная красной каймой и черным шнуром. А обувался Жоэль либо в башмаки с плотными гетрами,⁴⁰ либо в сапоги на толстой подошве, без каблуков, похожие на рыбацкие; их толстые, сложенные гармошкой кожаные голенища не позволяли разглядеть форму ноги.

³⁷ Корсаж — часть женского платья от шеи до пояса.

³⁸ Бретонский — от названия Бретани, исторической области Франции, в 919–937 годах захваченной скандинавскими народами — норманнами, чем и объясняется некоторая схожесть элементов бытовой культуры Норвегии и Франции.

³⁹ Кельты — древние племена, обитавшие во второй половине первого тысячелетия до нашей эры на территории значительной части Европы. К середине I века до нашей эры покорены римлянами.

⁴⁰ Гетры — часть теплой одежды из кожи, сукна, вязаной шерсти, надеваемая на ноги поверх обуви и покрывающая их от ступни до колен или до щиколоток.

Жоэль занимался ремеслом проводника в округе Телемарка и еще дальше, в горах Хардангера. Всегда готовый пуститься в путь, всегда бодрый и неутомимый, он, право же, заслуживал сравнения со знаменитым норвежским героем, прославленным в национальных легендах, Роллоном-Ходоком. В промежутках между дальними экскурсиями он служил гидом⁴¹ английским охотникам, которые обожают стрелять в Норвегии птиц, называемых «гирег», более крупных, чем гнездящиеся на Гебридах, и «джерг» — куропадок, чье мясо куда нежнее, чем у шотландских. С наступлением зимы он занимался охотой на волков; хищники, терзаемые голодом в холодное время года, промышляют пищу в полыньях скованных льдом озер. Летом же наступал черед охоты на медведей, когда эти звери в сопровождении детенышей выбираются из берлог, чтобы полакомиться свежей зеленью, и надобно выслеживать их на горных плато, на высоте тысячи — тысячи двухсот футов. Не раз жизнь Жоэля висела на волоске, и спасался он лишь благодаря недюжинной силе и неизменному хладнокровию, помогавшим ему совладать с хваткой огромного зверя и вырваться из его когтей.

И наконец, когда Жоэлю не приходилось водить туристов в долину Вестфьорддаала или охотников в поля, он работал на маленькой ферме-«soeter», расположенной в нескольких милях от дома, выше по склону. Там жил молодой парень — пастух, нанятый фру Хансен для ухода за полудюжиной коров и тремя десятками баранов: «soeter» включала в себя только пастбища, никаких посадок там не было.

По натуре Жоэль был крайне обязателен и услужлив. Его знали во всех селениях Телемарка, знали и, конечно, любили. Он же был безгранично привязан к трем существам, составляющим его семью, — к матери, кузену Оле и сестре Гульде.

Как сожалел Жоэль о том, что не в силах был дать богатое приданое сестре, чтобы не разлучать ее с женихом, когда Оле Камп покинул Дааль, чтобы в последний раз уйти в море на заработки! Имей он сам привычку к морю, он без всяких колебаний занял бы место кузена Оле на шхуне. Но будущим супругам нужны были деньги, чтобы начать совместную жизнь. А фру Хансен ничего не предложила им, и Жоэль сделал вывод, что она не могла выделить для этой цели часть семейных сбережений. Вот и пришлось Оле плыть в дальние края, через всю Атлантику. Жоэль проводил его до края долины, на бергенскую дорогу. Там они сердечно обнялись на прощанье, и Жоэль пожелал Оле счастливого плавания и благополучного возвращения. А потом вернулся домой, чтобы утешить сестру, которую любил как брат и опекал как отец.

Гульде исполнилось в ту пору восемнадцать лет. Она была не тем, что в норвежских гостиницах называют «рiга» — служанка, но, скорее, «froken» или, по-английски, «мисс», так же, как ее мать, хозяйка дома, звалась «дамой». Представьте прелестное личико, которое обрамляют белокурые, чуть золотящиеся волосы под чепцом с разрезом сзади для длинных тяжелых кос. Представьте себе точеную фигурку с тонкой талией, обрисованной ярко-красным корсажем, украшенным цветной вышивкой, с зеленой каймой и вырезом на груди, из которого выглядывает белоснежная сорочка с пышными рукавами и тугими манжетами. Представьте красный пояс с филигранными⁴² серебряными пряжками, светло-зеленую юбку, поверх нее передник в пестрых ромбиках, белые чулки, хорошенькие остроносые башмачки, какие носят уроженки Телемарка, — и вы увидите прелестную Гульду.

Да, невеста Оле была поистине прелестна, и, хотя на личике ее лежала печать меланхолии,⁴³ свойственной всем дочерям Севера, оно все же нередко освещалось улыбкой.

⁴¹ Гид — проводник, иногда также и экскурсовод.

⁴² Филигрань — художественное ювелирное изделие, напоминающее по виду плетеное кружево, изготовленное из тонкой крученой золотой, серебряной, медной проволоки.

⁴³ Меланхолия — здесь: уныние, тоска, грустное настроение.

При виде ее сразу вспоминалась Гульда Белокурая, чье имя носила наша героиня, — та сама Гульда, что, согласно скандинавской мифологии,⁴⁴ охраняет домашний очаг, как добрая фея.⁴⁵

Природная сдержанность скромной и разумной девушки ничуть не лишала ее грациозной⁴⁶ живости, с которой она встречала постояльцев гостиницы Дааля. Ее знали все, кто занимался туризмом. И кто скажет, не привлекала ли их сюда сама возможность обменяться с Гульдой тем сердечным рукопожатием — «shake-hand», какого в Норвегии удостаивают всех без исключения?!

Или после трапезы сказать ей:

— Спасибо за вкусный обед. Tack for mad!

И разве не приятно услышать в ответ ее свежий, звонкий голосок:

— На здоровье. Wed besomme!

Глава IV

Оле Камп находился в плавании уже год. Как он и говорил в своем письме, зимний рыболовный сезон близ Ньюфаундленда был крайне тяжелым. Заработанные деньги, — когда их удастся заработать, — даются рыбакам поистине каторжным трудом. Весеннее равноденствие знаменуется жестокими шквалами, которые, налетая на корабли в открытом море, способны за несколько часов разметать и потопить целую рыбацкую флотилию. Но зато рыба вблизи Ньюфаундленда водится в изобилии, и экипажи шхун, если повезет с погодой, бывают щедро вознаграждены и за утомительный труд, и за все опасности, перенесенные в этом средоточии ураганов.

Впрочем, норвежцы издавна славятся как опытные моряки и никогда не теряют присутствия духа в трудных обстоятельствах. А трудностей этих — что в прибрежных фьордах, от Христиании до Нордкапа, что у скал Финмарка, что близ Лофотенских островов — яростно бушующий океан предоставляет в избытке. Только для того, чтобы пересечь Северную Атлантику и всей флотилией достичь богатых рыбой отдаленных мест близ Ньюфаундленда, требуется немалое мужество. В юности рыбаки переносят достаточно бурь у европейского побережья, но это лишь отголоски жестоких штормов, с которыми им приходится потом бороться у берегов Ньюфаундленда. Просто теперь они встречают эти штормы в самом их начале — вот и вся разница.

Норвежцам было от кого унаследовать свое бесстрашие. Их предки прославились как храбрые мореплаватели в те времена, когда Хансены занялись торговлей в Северной Европе. А может быть, в старину и они слегка пиратствовали, но что поделаешь: пиратством тогда промышляло немало людей. Разумеется, с тех пор коммерция стала куда нравственнее, хотя позволительно предположить, что на этом пути ей предстоит еще сильно совершенствоваться.

Как бы то ни было, норвежцы всегда были отважными моряками, являются таковыми сейчас и останутся ими в будущем. И Оле Камп, само собой, не подумал отказаться от дела своих предков. Своим обучением, своим посвящением в это трудное ремесло он обязан был одному старому бергенскому боцману⁴⁷ каботажного судна. Все его детство прошло в этом

⁴⁴ Мифология — совокупность сказаний о богах, героях, разного рода демонах и духах; мифология имела у всех народов.

⁴⁵ Фея — по древнейшим поверьям — таинственное существо женского пола, осыпаящее людей благами или, напротив, причиняющее им зло; в сказках — волшебница, добрая или злая.

⁴⁶ Грациозный — изящный, стройный.

⁴⁷ Боцман — лицо младшего командного состава на судне; в его обязанности входит содержание корабля в

порту, одном из самых крупных и оживленных в норвежском королевстве. Перед тем как пуститься в дальнее плавание, он был обычным юнцом-сорвиголовой, — плывал по фьордам, разорял гнезда морских птиц, ловил сотнями мелкую треску, которую затем вялил. Став юнгой, он начал плавать по Балтике, потом стал уходить в дальние рейсы по Северному морю, а порою добирался и до самого Ледовитого океана. Совершив множество таких рейсов на борту большой рыболовной шхуны, он дослужился до боцмана, каковую должность получил в возрасте одного года. В настоящее время ему было двадцать три.

В перерывах между плаваниями он неизменно навещал единственную семью, которую любил и которая осталась у него в этом мире.

И каким же верным товарищем был он Жоэлю, когда приезжал в Дааль! Он сопровождал его во всех походах по горам, вплоть до самых высоких плато Телемарка. После фьордов горные пики уже не пугали молодого моряка, и он никогда не отставал от Жоэля, а если и отставал, то затем лишь, чтобы составить компанию своей кузине Гульде.

Мало-помалу Оле и Жоэля связала теснейшая дружба. Но по отношению к юной сестре Жоэля чувство это приняло совсем иную форму. И кто, как не Жоэль, поощрял в этом Оле?! Во всей их провинции его сестра не нашла бы лучшего парня — с таким преданным, добрым нравом и любящим горячим сердцем. В браке с Оле Гульда непременно обрела бы свое счастье. Так что молодая девушка, с молчаливого одобрения своей матери и брата, уступила захватившему ее чувству. И не смотрите, что обитатели Севера столь скупы на проявление своих эмоций,⁴⁸ — это вовсе не свидетельство их холодности, отнюдь нет! Просто такова уж их манера поведения, и, кто знает, не стоит ли она любой другой!

Словом, однажды, когда все четверо сидели в большом зале, Оле вдруг без обиняков сказал:

— Есть у меня одна мысль, Гульда!

— Какая же? — спросила девушка.

— Я вот думаю, а не пожениться ли нам?

— Да, я тоже так думаю.

— Это было бы неплохо, — добавила фру Хансен так, словно вопрос обсуждался уже множество раз.

— И верно. А знаешь, Оле, — вмешался Жоэль, — ведь таким манером я стану тебе шурином.⁴⁹

— Верно, — ответил Оле, — но вполне возможно, дорогой Жоэль, что от этого я полюблю тебя еще больше.

— Если такое возможно!

— А вот увидишь!

— Ну, я-то ничего лучшего и не желаю! — воскликнул Жоэль, подходя к кузену, чтобы крепко пожать ему руку.

— Значит, ты решила, Гульда? — спросила фру Хансен.

— Да, матушка.

— Ты правильно решила, — сказал Оле. — Я ведь давно люблю тебя, только молчал об этом.

— И я тоже.

— Просто не знаю, как это со мной случилось.

— Да и я не знаю.

чистоте, руководство общекорабельными работами и наблюдение за ними, а также обучение команды морскому делу.

⁴⁸ Эмоция — чувство, переживание, душевное волнение (например: гнев, страх, радость и проч.).

⁴⁹ Шурин — брат жены.

— Наверное, оттого, что я видел, как ты хорошеешь с каждым днем и делаешься все добрее...

— Ох, милый Оле, уж ты скажешь!..

— А что ж тут такого, коли это чистая правда, тебе и краснеть нечего! А вы, фру Хансен, разве не заметили, что я люблю Гульду?

— Да, кое-что примечала.

— А ты, Жоэль?

— А я сразу приметил.

— Ну тогда прямо скажу, вы должны были меня предупредить! — с улыбкой отвечал Оле.

— Но как же твое плавание? — спросила фру Хансен. — Ведь когда ты женишься, тебе, верно, тяжело будет уходить в море так надолго?

— Верно, тяжело, — проговорил жених, — вот потому-то после свадьбы я плавать больше не стану.

— Не станешь плавать?

— Нет. Разве я смогу разлучаться с Гульдой на долгие месяцы?

— Значит, сейчас ты уйдешь в рейс последний раз?

— Да, но если нам хоть немного повезет, этот сезон позволит мне прикопить денег, — ведь господа братья Хелп твердо посулили мне полную долю в выручке.

— Какие славные люди! — воскликнул Жоэль.

— Лучше не бывает, — ответил Оле. — У нас в Бергене все моряки знают их и ценят выше некуда.

— Дорогой мой, чем же ты займешься, когда перестанешь плавать? — спросила Гульда.

— А вот чем: я стану компаньоном⁵⁰ Жоэля. Ноги у меня крепкие, а если они и не сдюжат, то со временем, мало-помалу, я их приучу к ходьбе. Впрочем, я тут обдумал еще одно дело, которое также обещает стать небезвыгодным. Почему бы нам не наладить почтовую службу между Драмменом, Конгсбергом и селениями Телемарка? Сообщение тут трудное, нерегулярное, вот где можно неплохо подзаработать. В общем, есть у меня задумки, не считая еще...

— Не считая чего?

— Да так, ничего. Об остальном потолкуем после, когда я вернусь. Хочу только заверить вас, что я готов заниматься всем чем угодно, лишь бы сделать Гульду самой счастливой женщиной в стране. Да, вот так-то! Это я решил твердо.

— Ах, Оле, если бы ты знал, как это легко! — воскликнула девушка, протянув ему руку. — Считай, что полдела уже сделано, — есть ли более счастливый дом, чем наш в Даале?!

При этих словах фру Хансен почему-то на мгновение отвернулась от них.

— Ну так, значит, все решено? — радостно повторил Оле.

— Да, решено, — ответил Жоэль.

— И больше к этому разговору не вернемся?

— Никогда.

— А ты, Гульда, ни о чем не пожалеешь?

— Ни о чем, милый Оле.

— Ну а что касается дня свадьбы, я так думаю, лучше будет дождаться твоего возвращения, — добавил Жоэль.

— Ладно, пусть так, но назовите меня разнесчастнейшим из людей, если меньше чем через год я не поведу Гульду в церковь Мела, где наш друг пастор Андресен охотно прочтет в нашу честь самые свои прекрасные молитвы!

⁵⁰ Компаньон — каждый из участников торгового или промышленного предприятия.

Вот таким образом и решен был брак Гульды Хансен и Оле Кампа.

Через неделю молодому моряку предстояло подняться на борт своей шхуны в Бергене. Но перед разлукой он и Гульда, следуя трогательному обычаю, принятому в скандинавских странах, помолвились.

В Норвегии, славящейся простыми и честными нравами, действительно существует подобный обряд. Иногда сама свадьба празднуется только два-три года спустя. Не напоминает ли эта церемония ту, что происходила у первых христиан, когда церковь в Европе только зарождалась? Но помолвка — это не простой обмен словами, опирающимися только на добрую волю обеих сторон. Отнюдь нет! Обязательство, взятое ими, весьма серьезно, и даже при том, что этот акт не считается официальным, он защищен древним обычаем, естественным законом данного народа.

Вот и в случае с Гульдой и Оле следовало организовать подобную церемонию под руководством пастора Андресена. Ни в Даале, ни в близлежащих селениях своего пастора не было. Но зато в Норвегии существуют городки, называемые «воскресными», ибо там имеется дом пастора — «ргоestegjelb». Вот там-то и собираются на религиозную службу самые влиятельные семьи прихода. В доме им даже отведено особое помещение, где они могут остановиться на ночь, если какая-нибудь церемония требует длительного времени. Оттуда прихожане возвращаются домой, как с паломничества. Впрочем, в Даале-то часовня имеется, но пастор навещается туда по личным просьбам прихожан, а не для официальных церемоний. Да и Мел расположен не так уж далеко: всего-то в половине норвежской мили, иначе говоря, его отделяют от противоположного берега Тинна десять километров. Что же до пастора Андресена, то он прекрасный ходок и всегда рад услужить своим прихожанам.

Вот потому-то его и попросили явиться на помолвку в двойном качестве — духовного пастыря и друга семьи Хансенов. Они знали уже много лет. Пастор наблюдал, как росли Гульда и Жоэль, любил их так же, как любил он «юного морского волка» Оле Кампа. И ничто не могло доставить ему большего удовольствия, чем этот брак. Он стоил того, чтобы его праздновала вся долина Вестфьорддаала.

Словом, пастор Андресен надел свой белый воротничок, взял молитвенник и одним прекрасным (а впрочем, весьма дождливым) утром направился в Дааль, куда и прибыл в сопровождении Жоэля, встретившего его на полпути. Не стоит и говорить о том, как радушно он был принят в гостинице фру Хансен и какую уютную комнату отвели ему на первом этаже. Пол был устлан свежими ветками можжевельника, наполненными весь дом благоуханием, словно в часовне.

На следующий день, с утра пораньше, двери маленькой даальской церквушки распахнулись перед пастором и его молитвенником, и в присутствии нескольких друзей и соседей семьи Хансен Оле дал клятву жениться на Гульде, а Гульда — выйти замуж за Оле по возвращении юного моряка из плавания, куда ему предстояло вскоре отправиться. Год ожидания — срок немалый, но когда-то ведь кончится и он, особенно если жених и невеста так уверены друг в друге.

Теперь Оле уже не смог бы без веской причины отвергнуть ту, которую назвал своей невестой. Да и Гульда не сможет нарушить клятвенное обещание, данное ею Оле. И если бы Оле Камп не уехал через несколько дней после помолвки, он бы пользовался теми неоспоримыми правами, какие получают здесь женихи: видеться со своей невестой когда захочется, писать ей когда заблагорассудится, прогуливаться с нею под ручку наедине, а не вместе с другими членами семьи, первым приглашать на танец во время праздников и в прочих торжественных случаях.

Но, увы, Кампу пришлось отправиться в Берген. А спустя неделю «Викен» отплыл на рыбный промысел к берегам Ньюфаундленда. И теперь Гульде оставалось лишь ждать писем, которые жених пообещал присылать со всеми встречными кораблями, держащими курс на Европу.

В письмах, ожидавшихся с таким нетерпением, не было недостатка, они вносили хоть немного радости в дом, погрустневший после отъезда Оле. Плавание началось при

благоприятных обстоятельствах, сообщал он. Лов проходил удачно, и выручка ожидалась немалая. Кроме того, в каждом письме Оле намекал на какой-то секрет и богатство, которое тот должен был принести ему. Вот этот-то секрет Гульде и не терпелось узнать, и не меньше ее того желала фру Хансен по причинам, пока неясным.

Дело в том, что фру Хансен день ото дня становилась все более мрачной, беспокойной и замкнутой. И одно происшествие, о котором она ни словом не заикнулась своим детям, еще более усугубило ее тревоги.

Девятнадцатого апреля, то есть три дня спустя после получения письма Оле, фру Хансен одна возвращалась домой с лесопилки, где заказала мастеру Ленглингу мешок стружек для растопки. Неподалеку от гостиницы к ней подошел незнакомый человек. Среди местных такого не было.

— Это вы и есть фру Хансен? — спросил он.

— Да, — ответила она, — но я вас не знаю.

— О, это не важно, — сказал тот. — Я прибыл сегодня утром из Драммена и тотчас возвращаюсь.

— Из Драммена?! — взволнованно переспросила фру Хансен.

— Знаком ли вам некий господин Сандгоист, там проживающий?

— Господин Сандгоист! — повторила Фру Хансен, побледнев при этом имени. — Да... я знаю о нем.

— Ну так вот, когда господин Сандгоист узнал, что я еду в Дааль, он попросил меня передать вам привет.

— И... ничего более?

— Ничего, разве только велел сказать, что, вероятно, сам приедет повидаться с вами в будущем месяце. Будьте здоровы и до свиданья, фру Хансен!

Глава V

Нужно сказать, что Гульде не давали покоя постоянные намеки Оле в письмах на загадочное богатство, якобы ожидавшее его по возвращении домой. На чем этот славный парень основывал свои надежды? Она никак не могла разгадать тайну, а жених был далеко. Что ж, простим ей вполне понятное нетерпение. Ведь то было не простое любопытство: тайна частично касалась и ее самой. Гульда ни в коей мере не страдала тщеславием, она была простой честной девушкой, и никогда мечты о будущем не сопровождались мыслью о блеске богатства. Ей вполне хватало любви Оле, и большего она не желала. Если же богатство все-таки придет к ним, — что ж, его примут, хотя и без особого восторга. Ну а не придет, значит, обойдутся и не станут особенно сожалеть.

Именно так рассуждали про себя брат и сестра на следующий день после получения в Даале последнего письма Оле. Да, они и об этом думали совершенно одинаково, как, впрочем, случалось всегда и во всем.

Итак, Жоэль сказал Гульде:

— Нет, сестренка, такого быть не может: что-то ты от меня утаила.

— Утаила, от тебя?!

— Да! Не верится мне, что Оле мог уехать, ни словечком не обмолвившись о своем секрете.

— А тебе он что-нибудь говорил? — спросила девушка.

— Нет, сестра. Но ведь я — не ты!

— Да нет, братец, ты — все равно что я!

— Но ведь я же с Оле не помолвлен.

— Почти, — отвечала она. — Если с ним стряется какая-нибудь беда; если он не вернется из этого плавания, для тебя это будет таким же несчастьем, и ты станешь оплакивать его так же горько, как и я.

— Ох, сестренка, не смей даже думать о таком! — воскликнул Жоэль. — Как может он

не вернуться из своего последнего плавания, пусть даже дальнего! Ты ведь не всерьез это сказала, Гульда?

— Ну конечно, нет. И все же... не знаю... Никак не могу отделаться от мрачных предчувствий... от дурных снов.

— Сны, Гульда — это всего лишь сны!

— Ты прав, но откуда-то они ведь приходят к нам?

— Да от нас же самих и приходят, а не откуда-то свыше. Когда чего-нибудь боишься, страхи смущают твой сон. И потом, так всегда бывает, когда сильно чего-нибудь желаешь, а время подходит и желание твое вот-вот сбудется.

— Это мне известно.

— По правде говоря, сестренка, я-то считал тебя храбрее! Да, храбрее, мужественнее! Подумай сама: ты только что получила письмо, где Оле пишет тебе, что «Викен» меньше чем через месяц вернется в гавань, а сама мучаешься страхами!

— Ах, Жоэль, сердце у меня не на месте!

— Ты лучше вспомни, — продолжал брат, — нынче у нас девятнадцатое апреля. Оле должен вернуться между пятнадцатым и двадцатым мая. Стало быть, пора бы подумать о подготовке к свадьбе.

— Ты так полагаешь, Жоэль?

— Еще как полагаю! Я даже думаю, не припозднились ли мы? Ведь это не шутка — такая свадьба, которой обрадуются не только у нас, в Даале, но и по всей округе. Я твердо намерен устроить самую распрекрасную свадьбу и займусь этим теперь же.

Нужно сказать, что подобная церемония — в норвежских деревнях вообще, и на Телемарке в частности — дело отнюдь не пустяковое. Она проходит весьма шумно и торжественно.

Вот почему в тот же день Жоэль все обсудил с матерью. Случилось это как раз вскоре после того, как душевный покой фру Хансен нарушила встреча с незнакомцем, посулившим ей скорый визит в Дааль господина Сандгоиста из Драммена. Войдя в дом, она уселась в свое кресло в большом зале и, все еще не отделившись от тревожных мыслей, машинально пустила в ход прялку.

Жоэль сразу заметил, что его мать необычайно взволнована, но, поскольку на все его расспросы она упрямо отвечала «все в порядке», он решился заговорить о другом, а именно: о Гульдиной свадьбе.

— Матушка, — сказал он, — вы знаете, что в своем последнем письме Оле обещал вернуться через несколько недель.

— Хорошо бы это было так! — отвечала фру Хансен. — Дай-то Бог, чтобы ему не пришлось задержаться!

— Я надеюсь, вы не будете против, если мы назначим свадьбу на двадцать пятое мая?

— Конечно, если Гульда на это согласна.

— С нею я обо всем договорился. А теперь хочу спросить вас, матушка, когда вы займетесь свадьбой, ведь предстоит столько всего сделать.

— Что ты хочешь сказать этим «столько всего»? — спросила фру Хансен, не поднимая глаз от прялки.

— Я хочу сказать, что церемонию, — конечно, с вашего позволения, матушка, — надобно отпраздновать сообразно с нашим положением в округе. Мы должны созвать на нее друзей и знакомых, а если наш дом не вместит всех гостей, то, я думаю, любой из наших соседей с радостью приютит их у себя.

— Кого же ты собираешься звать, Жоэль?

— Я так полагаю: надо пригласить всех наших друзей из Мела, Тинесса и Бамбле, этим я займусь сам. И надеюсь, господа братья Хелп, арматоры из Драммена, пожелают оказать нам честь и приехать на свадьбу, так что я, с вашего позволения, приглашу их в Дааль на целый день. Они славные люди, очень любят Оле и, уверен, согласятся пожаловать к нам.

— Значит, ты считаешь, что свадьбу надобно праздновать с таким размахом?

— Да, матушка, и это полезно хотя бы даже в интересах гостиницы; ей ведь никогда не грозило разорение, насколько мне известно, — даже несмотря на смерть отца.

— Нет... Жоэль... не грозило.

— Так разве это не наш долг — поддержать ее репутацию⁵¹ такой, какая она была при нем? Словом, мне кажется, во всех отношениях будет только полезно, если свадьба моей сестры пройдет как нельзя более пышно.

— Делай как знаешь.

— А кроме того, не пора ли Гульде начинать готовиться? Что вы скажете на это, матушка?

— А вот что: делайте все, что сочтете нужным ты и Гульда, — ответила фру Хансен.

Можно, конечно, подумать, что Жоэль слегка торопил события и что разумнее было бы дожидаться возвращения Оле, чтобы назначить день свадьбы и, главное, взяться за приготовления к ней. Но, как он любил говорить, пораньше начнешь — пораньше закончишь. И потом, все многочисленные хлопоты, которых требует церемония такого рода, отвлекут сестру от мрачных мыслей и не дадут пустым, ни на чем не основанным предчувствиям овладеть ею.

В первую очередь следовало подумать о подружке невесты. Но тут оснований для беспокойства не было: Гульда давным-давно выбрала на эту роль самую близкую подругу — милую молодую девушку из Бамбле. Ее отец, фермер Хельмбе, был главою одного из самых больших провинциальных округов. Этот почтенный и отнюдь не бедный человек давно оценил великодушного, доброго Жоэля: добавим, что и его дочь Зигфрид относилась к молодому человеку не хуже отца, правда, на иной лад. Словом, вполне вероятно, что в скором времени, после того, как Зигфрид послужит Гульде в качестве подружки невесты, Гульда окажет ей ту же честь. В Норвегии такое возможно, — здесь эту приятную обязанность весьма часто выполняют замужние женщины. Так что Зигфрид Хельмбе, хотя и в нарушение официального обычая, зато к удовольствию Жоэля, должна была сопровождать Гульду Хансен в церковь именно в этом качестве.

Необычайно важное значение придается нарядам невесты и ее подружки в день церемонии.

Зигфрид, красивая восемнадцатилетняя блондинка, твердо вознамерилась появиться на свадьбе в самом авантажном⁵² виде. Получив от невесты записочку, которую Жоэль, разумеется, передал ей в собственные руки, она, не медля ни минуты, занялась подготовкой, которая требует немалых хлопот.

Во-первых, на свадьбу следовало надеть определенного покроя корсаж, сплошь расшитый узорами и охватывающий стан девушки на манер панциря из перегородчатой эмали. Далее, полагалось надеть парадную юбку поверх такого количества нижних, какое приличествовало зажиточному положению Зигфрид, притом никоим образом не умаляя природной ее стройности и грации. Что же до украшений, то легко ли было выбрать подходящие к наряду ожерелье с подвеской из серебряной филигрании с жемчугом, пряжечки для корсажа — медные или позолоченного серебра, височные подвески в виде сердечек с качающимися кольцами, двойные пуговицы, скрепляющие ворот сорочки, пояс из красного шелка или полотна с четырьмя рядами цепочек, кольца с висюльками, что так мелодично звенят, ударяясь друг о дружку, сережки и браслеты из ажурного⁵³ серебра, — словом, всю

⁵¹ Репутация — создавшееся общее мнение о чьих-либо достоинствах или недостатках.

⁵² Авантажный — здесь: производящий благоприятное впечатление на окружающих.

⁵³ Ажур — здесь: плетение из тонких металлических нитей в ювелирных изделиях.

эту любимую деревенскими девушками мишуру,⁵⁴ в которой, если уж говорить откровенно, золото и серебро — накладные, узоры — штампованные, жемчужины из белого стекла, а бриллианты — из граненого. И тем не менее полагалось, чтобы весь ансамбль был гармоничным и радовал глаз. Так что, при необходимости, Зигфрид без всяких колебаний наведалься бы в богатый магазин господина Бенетта в Христиании, чтобы пополнить запас своих «драгоценностей». И отец ни в коем случае не стал бы препятствовать ей в этом. Такое ему и в голову прийти не могло! Превосходнейший человек, он оставлял за дочерью полную свободу действий. Впрочем, Зигфрид была достаточно рассудительна, чтобы не опустошать до дна отцовский кошелек. Главное, все устроить так, чтобы в торжественный день Жоэль увидел ее в полном блеске.

Что касается Гульды, то и здесь забот хватало с избытком. Но делать нечего: мода безжалостна, и невестам приходится немало помучиться, выбирая себе свадебный наряд.

Гульде предстояло расстаться с длинными косами в лентах, ниспадавшими из-под ее девичьего чепчика, и с широким поясом на пряжке, стягивающим передник и алую юбку. Больше она не будет носить ни косыночки, которые Оле подарил ей перед отъездом по случаю помолвки, ни шнурок на талии с подвешенными на нем в расшитых кожаных футлярчиках несколькими предметами, которые женщины часто используют в домашнем обиходе: серебряной ложечкой с короткой ручкой, ножиком, вилкой, игольником.

Итак, накануне свадьбы волосы Гульды свободно лягут на плечи, и уж ей-то не будет нужды добавлять к своей густой шевелюре искусственные пряди из льняных нитей, как это делают юные норвежки, менее богато одаренные природой. А в общем, для приготовления свадебного наряда и украшений невесте нужно лишь отпереть сундук матери. Ведь здесь в каждой семье принадлежности свадебного туалета передаются от поколения к поколению. Так что стоит лишь порыться в сундуке и извлечь оттуда расшитый золотыми нитями корсаж, бархатный пояс, шелковую юбку — гладкую или полосатую, чулки, шейную золотую цепочку и, наконец, корону — знаменитую скандинавскую корону, заботливо хранимую в особой укладке; этот головной убор из позолоченного картона с выпуклостями по всей окружности, усеянный звездами или обвитый зеленью, заменяет венки из флердоранжа,⁵⁵ украшающий головки невест в других европейских странах. И можете быть уверены: этот сияющий нимб с затейливой резьбой, звенящими подвесками и цветными стеклышками, заменяющими драгоценные камни, как нельзя выгоднее подчеркнул бы все очарование юного личика Гульды. Наша «коронованная невеста», как их здесь величают, сделала бы честь любому жениху, кем бы он ни был. Да и жених окажется ей под стать в своем ярком свадебном костюме, состоящем из куртки до талии со множеством серебряных пуговиц, накрахмаленной рубашки со стоячим воротом, жилета, обшитого шелковым сутажем,⁵⁶ узких штанов с помпонами у колен, мягкой шляпы, желтых сапог и кожаного пояса с ножнами, где покоится скандинавский нож «dolknif», с которым истинный норвежец никогда не расстается.

И жениху и невесте, как видите, было чем заняться накануне свадьбы. И если Гульда намеревалась поспеть с приготовлениями к приезду Оле Кампа, то нескольких оставшихся недель едва хватало на все эти хлопоты. Правда, вернись Оле чуть пораньше и не успеет Гульда приготовить свой наряд, ни он, ни она все равно не слишком тужили бы по этому поводу.

Вот в этих-то заботах пролетели последние недели апреля и первые дни мая. Жоэль, со

⁵⁴ Мишура — здесь: показной блеск, поддельная роскошь.

⁵⁵ Флердоранж — белые цветки померанцевого дерева, входящие в свадебный убор невесты как символ ее невинности.

⁵⁶ Сутаж — цветные узкие тонкие шнурки для декоративной отделки одежды.

своей стороны, воспользовался тем, что ремесло проводника оставляло ему немного свободного времени, и обошел всех, кого намеревался пригласить на свадьбу. У него оказалось множество друзей в Бамбле, судя по тому, как часто он туда навещался. Правда, он не смог поехать в Берген, чтобы пригласить господ братьев Хелп, зато написал им. Как он и думал, арматоры, эти славные люди, весьма охотно приняли приглашение побывать на свадьбе молодого боцмана с «Викена» Оле Кампа.

Тем временем наступило пятнадцатое мая, и обитатели Даала со дня на день ожидали, что Оле подкатит на повозке к дому, спрыгнет с нее, распахнет дверь и радостно крикнет: «А вот и я! Я вернулся!»

Оставалось потерпеть совсем немного. Все приготовления к свадьбе уже завершились. И Зигфрид, у себя в Бамбле, ожидала только этого известия, чтобы явиться в Дааль во всем своем великолепии.

Но прошло шестнадцатое, затем семнадцатое мая, а ни Оле, ни писем от него с Ньюфаундленда не было.

— Да ты не удивляйся, сестренка! — успокаивал ее брат. — Парусники — они всегда запаздывают. От Сен-Пьера и Микелона до Бергена путь неблизкий. Ох, ну почему «Викен» не пароход, почему я не его машина! Уж я бы пыхтел вовсю, одолел бы и ветер и отлив, пусть бы меня даже разорвало по прибытии в порт!

Так говорил Жоэль, видя, как тоскливое беспокойство сестры растет день ото дня.

Справедливости ради нужно отметить, что в ту пору погода на Телемарке стояла прескверная. Жестокие ветры бушевали над горными лугами, и дули они с запада, со стороны Американского континента.

— Но ведь они должны ускорить ход «Викена», — часто говорила Гульда.

— Конечно, конечно, — отвечал Жоэль, — но когда ветер слишком силен, он мешает шхуне, — ведь ей надо бороться с ураганом. С морем, знаешь ли, приходится считаться.

— Значит, ты не беспокоишься, Жоэль?

— Ну ясное дело, нет! Обидно, что он запаздывает, но это дело вполне обычное! Нет я совсем не беспокоюсь, да и тебе волноваться не о чем!

Девятнадцатого мая в гостиницу явился турист, нуждавшийся в проводнике. Его нужно было сопроводить через горы Телемарка к Хардангеру. И хотя Жоэлю очень не хотелось оставлять Гульду наедине со страхами, он не мог отказать этому человеку. Впрочем, он отлучался самое большее на двое суток и рассчитывал по возвращении найти Оле дома. По правде сказать, славный малый и сам уже начинал крепко тревожиться и ушел из дома с тяжелым сердцем.

И как раз на следующий день, в час пополудни, раздался стук в дверь гостиницы.

— Это, наверное, Оле! — вскричала Гульда.

И побежала открывать.

У порога стояла повозка, в ней сидел человек в дорожном плаще; лицо его было Гульде незнакомо.

Глава VI

— Это гостиница фру Хансен? — спросил он.

— Да, сударь, — ответила Гульда.

— Дома ли фру Хансен?

— Нет, но она скоро вернется.

— Очень скоро?

— Да, и если вы желаете с ней поговорить...

— Вовсе не желаю. Мне нечего ей сказать.

— Тогда, значит, вам нужна комната?

— Именно, и притом самая удобная.

— Приготовить ли вам поесть?

— Как можно быстрее, и проследите за тем, чтобы мне было подано все самое лучшее!

Именно такой разговор произошел между Гульдой и неизвестным путешественником, который даже не сошел с повозки, доставившей его в самое сердце Телемарка через леса, долины и берега озер центральной Норвегии.

А сейчас отвлечемся на минуту, чтобы описать «kariol» — повозку, главное средство передвижения в Скандинавии, особенно любимое ее обитателями. Пара длинных оглобель, соединенных с хомутом на шее приземистой лошади, напоминающей мула своєю полосато-желтой мастью; веревочная уздечка, продетая не через рот, а через ноздри животного; два больших тонких колеса без рессор; ось, на которой укреплен маленький расписной кузов, рассчитанный лишь на одного пассажира, и ни откидного верха, ни кожаного фартука, защищающего от грязи, ни подножки, лишь дощечка сзади, на запятках, для skydskar! — того, кто доставит эту двуколку обратно на почтовую станцию. Все вместе слегка напоминает огромного паука, сидящего меж двух паутин, иначе говоря, между колесами повозки. Именно в таких примитивных экипажах путники преодолевают расстояния от пятнадцати до двадцати километров, даже не слишком при этом утомляясь.

По знаку путешественника сопровождающий его skydskar! взял лошадь под уздцы. Седок поднялся, встряхнулся и сошел наземь не без некоторых усилий, вылившихся в мрачное бурчание.

— Можно поставить повозку в сарай? — резко спросил он, остановившись на пороге.

— Да, сударь, — ответила Гульда.

— И накормить лошадь?

— Да, сударь, на конюшне о ней позаботятся.

— Проследите за этим хорошенько!

— Все будет сделано, сударь. Могу ли я узнать, сколько дней вы пробудете в Даале?

— Понятия не имею.

Лошадь и повозку поставили в небольшой сарай во дворе гостиницы, рядом с лесной опушкой, у подножия горы. Это было единственное укрытие для экипажей постояльцев, вполне, впрочем, поместительное.

Минуту спустя путешественник уже входил в свою комнату, лучшую в гостинице, как он того потребовал. Скинув плащ, он велел развести огонь и теперь грелся у камина, где весело потрескивали сухие поленья. А Гульда тем временем, стараясь смягчить мрачное расположение его духа, приказала служанке поскорее состряпать самый что ни на есть вкусный ужин. Их «riга» была крепкой крестьянской девушкой из местных; в течение летнего сезона она помогала на кухне и во всех тяжелых работах, какие требуются в гостинице.

Новоприбывший выглядел еще довольно крепким мужчиной, хотя ему явно перевалило за шестьдесят. Худой, сутуловатый, среднего роста, с резкими чертами лица, гладко выбритыми щеками, острым носом и пронзительным взглядом маленьких глазок за толстыми стеклами очков, с почти постоянно сморщенным лбом и тонкими губами — слишком тонкими и плотно сжатыми, чтобы пропустить хоть одно доброе слово, с длинными цепкими костлявыми руками, он являл собою классический тип скряги-ростовщика. И у Гульды возникло предчувствие, что человек этот не принесет ничего хорошего в дом фру Хансен.

Не приходилось сомневаться в том, что он норвежец, но из всех скандинавских черт он, казалось, собрал в себе самые вульгарные.⁵⁷ Его дорожный костюм состоял из широкополой шляпы с низкой тульей, сюртука из светлого драпа, застегнутой на груди куртки и штанов с кожаными ремешками на пряжках у колен; поверх этого он носил плотный суконный плащ, подбитый бараньим мехом — вполне уместное одеяние для все еще холодных вечеров и ночей на плато и в долинах Телемарка.

⁵⁷ Вульгарный — пошлый, грубый, упрощенный.

Что же касается имени нового постояльца, его Гульда не спросила: так или иначе она скоро узнала бы его, поскольку путнику следовало записаться в книгу проезжающих.

Вот тут-то и вернулась фру Хансен. Дочь объявила ей о приезде путешественника, потребовавшего самую лучшую комнату и самый лучший ужин. Но она не смогла сообщить матери, долго ли он пробудет в Даале.

— Он не назвал своего имени? — спросила фру Хансен.

— Нет, матушка.

— Ни откуда он приехал?

— Нет.

— Вероятно, какой-нибудь турист. Жаль, нет Жоэля, чтобы услужить ему. Вдруг он потребует проводника!

— А мне кажется, он не турист, — ответила Гульда, — такой пожилой человек...

— Если он не турист, то зачем пожаловал в Дааль? — прошептала фру Хансен, больше для себя, чем для дочери, и в голосе ее прозвучала некоторая тревога.

На этот вопрос Гульда ничего не смогла ответить, поскольку незнакомец не посвятил ее в свои планы.

Спустя час после прибытия он появился в большой зале, выйдя из своей, смежной с ним, комнаты.

При виде фру Хансен он остановился на пороге.

Ясно было, что они видят друг друга впервые. После минуты замешательства гость подошел к фру Хансен и, пристально взглянув на нее сквозь очки, спросил:

— Фру Хансен, я полагаю?

При этом он даже не подумал хотя бы коснуться шляпы, которую так и не снял, входя в дом.

— Да, сударь, — ответила та.

При одном только взгляде на этого человека она, как и ее дочь, испытала смутную тревогу, которую он не мог не заметить.

— Значит, это вы и есть фру Хансен из Дааля?

— Именно так, сударь. Вы имеете сообщить мне что-нибудь важное?

— Ни в коей мере! Я просто желал познакомиться. Я ведь ваш гость, не так ли? А теперь проследите-ка, чтобы мне как можно скорее подали ужинать.

— Ужин ваш готов, — вмешалась Гульда. — И если вам угодно пройти в столовую...

— Мне угодно!

С этими словами новый постоялец направился к двери, которую девушка указала ему. Миг спустя он уже сидел у окна перед опрятно накрытым столиком.

Ужин оказался и впрямь хорош. Ни один турист, даже из самых привередливых, не нашел бы, к чему придираться. Однако этот брюзга выказал — и высказал — все признаки неудовольствия, главным образом первое, ибо особой разговорчивостью он не отличался. Непонятно было, чем оно вызвано — больным ли желудком или скверным характером. Но отменный суп с вишнями и смородиной не пришелся ему по вкусу. Он едва притронулся к лососине и маринованной селедке. Копченый окорок и аппетитнейший жареный цыпленок с овощным гарниром также не удостоились его похвалы. Даже бутылка «Сен-Жюльена» и полбутылки шампанского не рассеяли его раздражения, хотя поступили сюда из лучших винных погребов Франции.

Так что по окончании ужина путешественник даже не соизволил сказать хозяйке традиционное *task for mad*.

Покончив с едой, грубиян закурил трубку, вышел из дома и отправился прогуляться по берегу Маана.

Подойдя к реке, он обернулся и впился взглядом в гостиницу. Казалось, он изучает ее во всех ракурсах,⁵⁸ словно желая определить точную стоимость этого помещения. Он даже

⁵⁸ Ракурс — вид объекта с разных точек зрения.

пересчитал все двери и окна. Потом, приблизившись к дому, вынул свой *dolknif* и сделал им две-три зарубки на горизонтально уложенных бревнах у фундамента, как будто намеревался проверить их прочность и сохранность. Неужто он и впрямь решил оценить гостиницу фру Хансен? Неужто собирался купить ее, хотя она и не продавалась? Все это выглядело по меньшей мере странно. Покончив с осмотром дома, он обошел двор, где тщательно пересчитал все деревья и кусты. Затем измерил его шагами вдоль и поперек и, судя по движению карандаша, которым он делал пометки в своей записной книжке, помножил эти цифры одна на другую.

И каждое подобное действие сопровождалось у него покачиванием головы, недовольными гримасами и презрительным хмыканьем.

Фру Хансен и ее дочь наблюдали из окна зала за этими исследованиями. Что за странный гость пожаловал к ним в гостиницу! Уж не маньяк⁵⁹ ли он? С какой целью приехал сюда? И ведь ему предстояло провести у них ночь, — до чего же неприятно, что это случилось в отсутствие Жоэля!

— Может, он сумасшедший? — предположила Гульда.

— Сумасшедший? Нет, вряд ли, — ответила фру Хансен. — Но какой странный человек!

— А главное, мы даже не знаем, кто он, кого мы поселили у себя.

— Вот что, Гульда, — сказала фру Хансен, — пока он не вернулся к себе в комнату, отнеси-ка туда книгу для проезжающих.

— Хорошо, матушка.

— Может, он впишет туда свое имя...

К восьми часам вечера, когда уже совсем стемнело, зарядил мелкий дождик и долину заволокло влажным туманом, окутавшим гору чуть ли не до самой вершины. Погода не благоприятствовала прогулкам, вот почему новый постоялец фру Хансен, пройдя по тропинке до лесопилни, повернул назад к гостинице, где и потребовал стаканчик водки. Потом, не сказав более ни слова, не пожелав никому доброй ночи, он взял деревянный подсвечник с зажженной свечой, ушел к себе в комнату, запер дверь на засов, и больше хозяева не слышали его до самого утра. *Skydskar!*, со своей стороны, устроился в сарае, между оглоблями повозки, и мирно спал бок о бок с лошадьё, нимало не заботясь о бушующей снаружи непогоде.

На следующий день фру Хансен и ее дочь поднялись очень рано. Их постоялец еще спал, из его комнаты не доносилось ни звука. Лишь после девяти часов он появился в большой зале, еще более мрачный и насупленный, чем накануне, жалуясь на жесткую постель и на разбудивший его топот; при этом он даже не поздоровался. Высказав все свои претензии, он растворил входную дверь и поглядел на небо.

Погода по-прежнему была неважная. Сильный ветер гулял над скалами Геусты, невидимыми в плотном тумане, и со зловещим завыванием пронесился по ущелью Маана.

Путешественник так и не рискнул выйти на улицу. Но времени даром он не терял. Покуривая трубку, он стал обходить гостиницу, изучая ее внутреннее расположение; заглянул во все до одной комнаты, обследовал мебель и предметы обихода, сунул нос в шкафы — словом, действовал бесцеремонно, как у себя дома. Или словно он был судебным исполнителем, описывающим имущество.

Да, решительно это была странная личность, ведущая себя по меньшей мере подозрительно.

Завершив осмотр, он уселся в деревянное кресло в большом зале и начал задавать фру Хансен отрывистые, резкие вопросы. Как давно построена гостиница? Построил ли ее сам Харальд, или же он получил ее в наследство? Требуется ли дом какого-нибудь ремонта? Что

⁵⁹ Маньяк — страдающий ненормальным, односторонним влечением к чему-либо.

еще находится на участке и на принадлежащей фру Хансен ферме? Приносит ли гостиница доход и какой? Сколько примерно туристов останавливается здесь во время летнего сезона? Проводят ли они тут один или несколько дней?

Постоялец явно не раскрывал книгу для проезжающих, положенную в его комнате, иначе он не задал бы этого последнего вопроса.

И в самом деле, книга лежала на том же месте, куда Гульда положила ее накануне, а имени новоприбывшего там не значилось.

— Сударь, — сказала наконец фру Хансен, — я не совсем понимаю, почему вас интересуют все эти вещи. Но если вы желаете быть в курсе моих дел, то нет ничего легче. Вам стоит лишь просмотреть регистрационную книгу проезжающих. Я даже попросила бы вас, как это принято, внести туда свое имя.

— Мое имя?.. Ну разумеется, я внесу туда свое имя, фру Хансен! Я внесу его туда, когда соберусь уезжать от вас!

— Оставить ли за вами комнату?

— Нет, не нужно, — сказал незнакомец, вставая. — Я уеду после обеда, чтобы поспеть в Драммен завтра к вечеру.

— В Драммен? — взволнованно переспросила фру Хансен.

— Да, именно так. И прошу вас подать мне обед незамедлительно.

— Значит, вы живете в Драммене?

— Да, я живу в Драммене. Что в этом странного?

Удивительное дело: проведя в Даале или, вернее, в гостинице, менее суток, этот путешественник возвращался домой, даже не познакомившись со здешним краем! Ничто не заинтересовало его в этой округе и за ее пределами — ни гора Геуста, ни Рьюканфос, ни чудесные виды в долине Вестфьорддаала! Стало быть, он покинул Драммен, где жил, не с целью увеселительной прогулки, а по делам, и дела эти, судя по всему, имели самое прямое отношение к гостинице фру Хансен.

Гульда заметила, что мать ее необычайно встревожена. Фру Хансен сидела в большом кресле и, позабыв о своей прятке, молча, не шевелясь, о чем-то размышляла.

Тем временем постоялец прошел в столовую и уселся обедать. Но и сегодняшняя, столь же заботливо приготовленная, трапеза вызвала у него не больше удовольствия, чем вчерашняя. Однако ел и пил он много и не торопясь. Правда, внимание его было направлено главным образом на столовое серебро — роскошь, которую позволяют себе в Норвегии сельские жители, — несколько ложек и вилок, передаваемые от отца к сыну и бережно хранимые вместе с фамильными драгоценностями.

Пока гость обедал, его skydskarl готовил к отъезду экипаж. В одиннадцать часов лошадь и двуколка уже ждали у дверей гостиницы. Погода так и не улучшилась, ветер гнал по небу плотные серые облака. Дождь то и дело начинал звонко барабанить в окна гостиницы. Но путешественнику, закутанному в плотный, подбитый мехом плащ, ни холод, ни ветер были не страшны.

Закончив обед, он опрокинул последний стаканчик водки, раскурил трубку, облачился в свой плащ, вернулся в зал и спросил счет.

— Сейчас я приготовлю, — сказала Гульда, садясь за маленький секретер.

— И поторапливайтесь! — приказал постоялец. — А пока дайте-ка мне вашу книгу, я впишу туда свое имя.

Фру Хансен встала, принесла книгу и положила ее на стол.

Путешественник взял перо и в последний раз исподлобья глянул на фру Хансен поверх очков. Затем крупным почерком вписал свое имя в книгу и захлопнул ее.

В этот момент Гульда подала ему счет.

Он взял листок и с недовольным ворчанием просмотрел его, несомненно складывая цифры в уме.

— Хм! Ничего себе сумма! — заключил он. — Семь с половиной марок за одну ночь, обед и ужин!

— Но ведь сюда входит еще еда вашего кучера и корм для лошади, — объяснила Гульда.

— Не важно! Это все равно дорого! Я вижу, вы тут неплохо наживаетесь на проезжающих!

— В таком случае вы ничего не должны, сударь! — сказала взволнованная фру Хансен таким сдавленным голосом, что ее едва можно было расслышать.

Миг назад она раскрыла книгу, прочла написанное туда имя и теперь повторила, разорвав счет постояльца:

— Вы ничего нам не должны!

— Я тоже так думаю, — ответил тот.

Он вышел, не попрощавшись, точно так же, как не поздоровался по прибытии, и забрался в свою повозку, а его skydskar! влез на запятки. Несколько минут спустя экипаж скрылся за поворотом дороги. Гульда открыла книгу и прочла короткую запись:

«Сандгоист из Драммена».

Глава VII

Жоэль должен был вернуться в Дааль завтра днем, проводив к Хардангеру туриста, к которому нанялся гидом.

Гульда знала, что ее брат пройдет по плато горы Геусты, левым берегом Маана, и направилась к этой бурной реке, чтобы встретить его. Она села возле узенького причала, к которому подходил паром, и погрузилась в невеселые свои мысли. К беспокойству, которое внушало ей опоздание «Викена», примешивалась теперь еще и неотвязная тревога, вызванная визитом этого грубияна Сандгоиста и поведением фру Хансен в его присутствии. Почему ее мать, узнав его имя, разорвала счет и отказалась получить с него то, что ей причиталось? Тут кроется какая-то тайна, и тайна, без сомнения, важная.

Появление Жоэля вывело Гульду из задумчивости. Она завидела его еще издали, когда он пробирался вдоль горного склона. Жоэль то возникал на фоне лесных прогалин, оставшихся после спиленных или сгоревших деревьев, то скрывался за мощными стволами сосен, берез и буков, которыми заросло все подножие горы. Наконец он достиг противоположного берега и ступил на маленький паром. В несколько взмахов рулевого весла он преодолел стремительное течение реки и, прыгнув на берег, подбежал к сестре.

— Оле вернулся? — спросил он.

Его первая мысль была об Оле. Но ответа не последовало.

— И письмо не пришло?

— Нет, — ответила Гульда и залилась слезами.

— Ох, не надо плакать, сестренка моя дорогая! — воскликнул Жоэль. — Прошу тебя, не плачь!.. Не мучь меня! Я не могу видеть, как ты горюешь!.. Ну давай рассудим вместе: ты не получила письма. Конечно, тут есть повод для беспокойства, но отчаиваться еще рано! Вот что, если хочешь, я съезжу в Берген и там все разузнаю... Повидаюсь с господами Хелп, может, у них есть какие-нибудь новости с Ньюфаундленда. А может, «Викен» получил пробоину и теперь ремонтируется где-нибудь в порту или укрывается там от шторма. Ты погляди, какие шквальные ветры дуют уже целую неделю! Иногда шхуны с Ньюфаундленда относят к Исландии или к Фарерским островам. Вспомни: ведь с Оле уже приключалось такое, два года назад, когда он плавал на «Стренне». А письмо так просто не отправишь, — ведь не каждый же день попадаются встречные суда. Поверь, сестричка, я тебе правду говорю. Успокойся же, прошу тебя, а то я и сам зареву. Хороши же мы тогда будем оба!

— Я ничего не могу поделать с собою, Жоэль!

— Гульда, Гульда! Не смей впадать в панику! Погляди-ка на меня: я и не думаю отчаиваться.

— Ах, братец, я боюсь тебе верить.

— Должна верить, Гульда! Но, если хочешь, я для твоего спокойствия отправлюсь в Драммен завтра же с утра... или нет, лучше сегодня вечером.

— Ох, не покидай меня, я не хочу! — воскликнула Гульда, обнимая брата так, словно у нее больше никого на свете не осталось.

И они направились к гостинице. Но тут зарядил дождь, а порывистый ветер задул так сильно, что им пришлось укрыться в лачуге паромщика, стоявшей в нескольких сотнях шагов от берега Маана.

Там они стали пережидать бурю. И Жоэль решил говорить, говорить о чем угодно, лишь бы не молчать: молчание казалось ему более страшным, нежели слова, пусть даже это не слова надежды.

— Как матушка? — спросил он.

— Она становится все печальнее день ото дня! — ответила Гульда.

— Кто-нибудь приезжал без меня?

— Да, был один постоялец, он уже уехал.

— Значит, в гостинице туристов нет и никто не нуждается в проводнике.

— Нет, Жоэль.

— Тем лучше, так мне не придется оставлять тебя одну. Впрочем, боюсь, что если погода и дальше будет такой же скверной, в этом году мало кто из туристов пойдет на Телемарк.

— Да ведь еще только апрель, братец!

— Верно, но сдается мне, что сезон для нас выдаться плохой. Ну да ладно, поглядим! Расскажи-ка мне о постояльце, — он, что же, уехал из Дааля вчера?

— Да, поутру.

— И кто же это был?

— Он как будто живет в Драммене и зовут его Сандгоист.

— Сандгоист?

— Да. А ты его знаешь?

— Нет, — ответил Жоэль.

Гульда долго раздумывала, следует ли ей посвящать брата в то, что произошло в гостинице, пока он отсутствовал. Как расценит Жоэль бесцеремонное поведение постояльца, его явное намерение оценить стоимость дома и обстановки, странное отношение фру Хансен к этому человеку? Не усомнится ли он в том, что у их матери, должно быть, имелись веские основания действовать именно так, а не иначе? И каковы они, эти основания? Что общего между нею и этим Сандгоистом? Да, здесь явно крылась тайна, угрожающая благополучию их семьи. И Жоэль непременно захочет проникнуть в эту тайну, начнет докучать матери, засыплет ее вопросами... А фру Хансен, и без того необщительная, совсем замкнется под этим натиском и, как всегда в подобных случаях, не промолвит ни слова. В результате отношения между нею и детьми, и так довольно натянутые, испортятся вконец.

Но могла ли Гульда утаить что-либо от брата? Не появится ли тогда трещина в их крепко спаянной дружбе? Нет, такую дружбу предавать нельзя! И Гульда решила все ему рассказать.

— Ты никогда не слыхал об этом Сандгоисте, бывая в Драммене? — спросила она.

— Никогда.

— Ну так вот, Жоэль, наша мать знала его, по крайней мере, по имени.

— Она знала Сандгоиста?

— Да, братец.

— Но я ни разу не слышал, чтобы она упоминала о нем.

— И все-таки он был ей знаком, хотя она и не видела этого человека до его приезда сюда.

И Гульда рассказала брату о подозрительном поведении визитера⁶⁰ в гостинице, не забыв и о странном поступке фру Хансен в момент его отъезда. Но тут же поторопилась добавить:

— Я думаю, Жоэль, лучше у матушки ничего не спрашивать. Ты же ее знаешь: от расспросов ей будет еще хуже. Надеюсь, пройдет время, и мы сами узнаем, что кроется в ее прошлом. Если Оле, по милости Господней, вернется к нам и нашей семье будет угрожать какое-нибудь несчастье, мы втроем, по крайней мере, разделим его с матушкой.

Жоэль с напряженным вниманием выслушал сестру. Да, похоже было на то, что их матушка попала в роковую зависимость от этого Сандгоиста. Очевидно, он явился в Дааль с целью оценить ее имущество. В этом сомневаться не приходилось. Иначе что же означал поступок фру Хансен, разорвавшей счет гостя, которому это показалось вполне естественным?

— Ты права, Гульда, — решил Жоэль, — я ничего не скажу матери. Может быть, потом она и сама пожалеет о том, что не доверилась нам. Ох, лишь бы не было слишком поздно! Как она, верно, страдает, бедняжка! И зачем так замыкаться в себе, неужто она не понимает, что сердца ее детей открыты для всех ее несчастий?!

— Когда-нибудь она поймет это, Жоэль.

— Да, я уверен. А пока подождем. Но никто не запретит мне разведать, что за личность этот самый Сандгоист. Может, господин Хельмбе знает? Я порасспрошу его, как только попаду в Бамбле, а если понадобится, наведу справки и в самом Драммене. Там-то уж нетрудно будет узнать, чем занимается этот человек, какими делами ворочает и что о нем думают другие...

— Я уверена, что ничего хорошего не думают, — отвечала Гульда. — Лицо у него противное, взгляд злобный. Я бы очень удивилась, если бы за такой мерзкой внешностью скрывалась добрая душа.

— Ладно, ладно, негоже судить о людях по их виду, — заключил Жоэль. — Могу поспорить, что встретишься ты с ним во время прогулки под ручку с Оле, ты нашла бы его милейшим старичком.

— Бедный мой Оле! — прошептала девушка.

— Он вернется, он обязательно вернется, он уже на пути домой! — вскричал Жоэль. — Верь в это, Гульда! Оле совсем близко, и мы скоро побраним его за то, что он заставил так долго ждать себя!

Дождь кончился. Брат и сестра вышли из хижины и стали подниматься вверх по тропинке, ведущей к гостинице.

— Да, совсем забыл, — спохватился Жоэль, — завтра я уйду опять.

— Уйдешь?!

— С самого утра.

— Так рано, братец!

— Это необходимо, Гульда. Когда я покидал Хардангер, один мой товарищ сообщил мне, что какой-то турист прибудет с севера через высокогорье Рьюканфоса, и завтра будет ждать меня у водопада.

— Кто же он, этот турист?

— Ей-богу, не знаю. Но мне нужно встретить его, чтобы провести в Дааль.

— Ну что ж, ничего не поделаешь, отправляйся, — ответила сестра с печальным вздохом.

— Завтра на заре я уже буду в пути. Тебя это очень огорчает, Гульда?

— Да, братец. Я сокрушаюсь еще сильнее, когда ты уходишь из дому... хотя бы на несколько часов.

— Ну так вот, сестренка, на этот раз я уйду не один!

⁶⁰ Визитер — посетитель, гость.

- А с кем же?
- С тобой, Гульда, с тобой! Тебе необходимо развеяться, и я беру тебя в попутчики!
- Ой, спасибо, милый Жоэль!

Глава VIII

На рассвете следующего дня они вышли из гостиницы. Пятнадцать километров, отделяющие Дааль от знаменитых водопадов, и обратный путь были для Жоэля ничем иным, как приятной прогулкой, но приходилось беречь силы Гульды. Поэтому он одолжил у мастера Ленглинга двуколку, которая, как вы помните, вмещала лишь одного человека. Но хозяин этой повозки был так грузен, что пришлось изготовлять кузов по особой мерке. Так что брат с сестрой, потеснившись, смогли усесться вдвоем. На обратном пути турист, если он действительно придет в Рьюканфос, займет место Жоэля, а тот вернется домой пешком или поедет сзади, на запятках.

Дорога, ведущая от Дааля к водопадам, очень живописна, хотя и довольно ухабиста. Строго говоря, это даже и не дорога, а тропинка. Каждые несколько сот метров через притоки, впадающие в Маан, перекинуты едва ошкуренные бревна, выполняющие роль мостов. Норвежские лошади приучены уверенно переходить по ним реку, и хотя повозка не снабжена рессорами, ее длинные, гибкие оглобли все же чуточку смягчают резкие толчки.

Погода стояла прекрасная. Лошадка бодрым шагом везла Гульду и Жоэля вдоль зеленеющих лугов, спускавшихся прямо к прозрачным водам Маана, осыпавшего брызгами молодую травку. Местами залитая солнцем дорога пробежала под сенью берез, во множестве растущих по обочинам. Длинные стебли растений были усеяны сверкающими капельками еще не высохшей ночной росы. Над правым берегом Маана, на высоте двух тысяч метров, сияли ослепительной белизной снежные вершины Геусты.

В течение часа лошадь скакала довольно резво: настоящий подъем еще не начался. Но вскоре долина стала сужаться. Ручьи по обе стороны Маана превратились в грозно ревущие потоки. Дорога петляла, поднимаясь в гору, но от этого не становилась менее ухабистой. На пути двуколки то и дело попадались камни и колдобины, которые Жоэль объезжал с ловкостью опытного возницы. Так что Гульде рядом с ним приходилось не слишком туго. Когда же повозку особенно резко подбрасывало, она хваталась за плечо брата. Утренняя прохлада окрасила румянцем ее хорошенькое личико, побледневшее за время ожидания Оле.

Однако повозке предстояло подняться гораздо выше. Долина сузилась настолько, что превратилась в тесный каменный загон, по которому несли Маан. На ближайших склонах виднелось десятка два домиков, заброшенные развалины не то ферм, не то поселков и пастушеские хижины, укрывшиеся в березовых и буковых рощицах. Вскоре Маан исчез из виду, и только рев воды отдавался звонким эхом меж скал. Пейзаж стал одновременно величественным и диким; теперь взгляд свободно охватывал горизонт, поднимаясь вверх до самых гребней гор.

Спустя два часа повозка достигла лесопилки, поставленной рядом с водопадом высотой в тысячу пятьсот футов; энергия воды приводила в действие двойное колесо незамысловатого ее механизма. Водопады такой высоты — не редкость в Вестфьорддаале, но ширина их обычно невелика. Водопад Рьюканфоса⁶¹ значительно превосходит здешние по величине.

Доехав до лесопилки, Жоэль и Гульда сошли с повозки.

⁶¹ Рьюканфос среди крупнейших водопадов не значится. Самые крупные водопады Норвегии (и всего континента Евразия) — Утигард (высота падения 610 м) и Киле (561 м). Рьюканфос, по утверждению Жюль Верна, — 1500 футов, то есть около 500 метров, но это ошибка: высота падения тут равна 145 метрам. «Хромает» и авторское сравнение с североамериканским водопадом Ниагара — высота его падения 51 метр, что втрое (а не шестеро, как пишет автор ниже) меньше, нежели у Рьюканфоса.

— Ну как, сестричка, не устанешь, если мы пройдемся с полчаса пешком? — спросил Жоэль.

— Нет, братец, я совсем не утомлена, мне даже приятно будет немножко прогуляться.

— Немножко!.. Совсем не немножко, и к тому же в гору!

— Ничего, я обопрюсь на твою руку, Жоэль.

В этом месте им пришлось оставить свою повозку. Она не проехала бы по крутым, узким тропинкам и по пригоркам, усеянным шатающимися обломками скал, голых или поросших скудной зеленью; их причудливые очертания грозили обильным камнепадом.

Но вот вдаль блеснули голубоватые струи в белой кипени брызг: то был шумный водопад Рьюкана, низвергающийся мощными потоками с головокружительной высоты.

Гульда и Жоэль ступили на узенькую тропинку, протоптанную туристами и ведущую вниз, к горловине ущелья. Чтобы выйти к воде, им пришлось пробираться между деревьями и кустами, и несколько минут спустя они уже сидели на скале, поросшей желтоватым мхом, почти у самого водопада. Подойти ближе с этой стороны было невозможно.

Вздумай брат и сестра побеседовать здесь, они бы не услышали друг друга. Но мысли их были настолько схожими, что им и не требовалось говорить вслух, — каждый сердцем понимал другого.

Ширина и высота водопада Рьюканфоса весьма значительны, а рев воды поистине оглушает. Примерно в середине своего течения, между озерами Мьюос и Гинн, Маан как бы внезапно проваливается вглубь на девятьсот футов, что составляет шестикратную высоту Ниагарского водопада, ширина которого, однако, равняется трем милям, от американского берега до канадского.

Зато пейзаж Рьюканфоса отличается дикой, оригинальной красотой, трудно поддающейся описанию. Даже живопись не способна в достаточной мере передать ее. Бывают такие чудеса природы, которые необходимо видеть собственными глазами, дабы оценить все их своеобразное очарование, — к ним-то и относится этот водопад, известный на всем Европейском континенте.

В его созерцание и был погружен турист, сидевший на левом обрывистом берегу Маана. Со своего места он мог любоваться Рьюканфосом чуть сверху и с более близкого расстояния.

Ни Жоэль, ни Гульда не заметили путешественника, хотя он и находился в поле их зрения. Это объяснялось не разделявшим их расстоянием, а особым, свойственным горной местности оптическим эффектом, в результате которого человек кажется совсем крошечным и, следовательно, более удаленным, чем в действительности.

Но вот мужчина поднялся с камня и весьма неосторожно двинулся по каменному склону, круто обрывавшемуся вниз, к Маану. Вероятно, его любопытство привлекли две подземные пещеры Рьюканфоса; одна, слева, была заполнена бешено кипящей водой, другая, справа, всегда клубилась густым паром. Чего хотел турист? Может быть, он решил разведать, нет ли в середине водопада третьей пещеры? Без сомнения, наличие такой впадины объяснило бы, почему низвергающиеся воды Рьюкана исчезают на миг за скалами, а потом вновь бурно вырываются на свободу, разбрасывая во все стороны тугие струи воды. Это походит на подводный взрыв, брызги долетают до окрестных горных лугов.

Однако турист упрямо пробирался вперед по скользкой выпуклой каменной поверхности без всяких признаков растительности; скала эта носит имя «Maristien» — Мариин камень.

Сразу было видно, что неосторожный храбрец не знаком с легендой, сделавшей это место знаменитым.

«Однажды Эстейн решил навестить красавицу Марию из Вестфьорддаала и отправился к ней по опасной горной тропе. Его невеста, стоя на другом берегу, простирала к нему руки. И вдруг он поскользнулся, упал, заскользил вниз по гладкой, как зеркало, скале и рухнул прямо в пропасть, а бурный Маан навсегда унес прочь его бездыханное тело».

Неужели то, что приключилось со злосчастным Эстейном, грозило сейчас и

незадачливому храбрецу, смело ступившему на коварный склон Рьюканфоса?!

Да, похоже было, что так и произойдет. Он заметил опасность слишком поздно. Внезапно опора ушла у него из-под ног, и он с воплем покатился вниз, едва успев в последний миг ухватиться за выступ скалы почти на краю пропасти.

Жоэль и Гульда по-прежнему не видели его, но зато услышали крик.

— Что это? — спросил молодой человек, вскочив с места.

— Чей-то крик, — ответила его сестра.

— Да, крик... крик отчаяния!

— Давай еще послушаем!

Оба стали оглядывать горы, но никого не увидели. Однако же они явственно расслышали слова: «Ко мне! Сюда!», прозвучавшие в один из коротких, но регулярных перерывов в громовом гуле низвергающегося водопада.

И вдруг призыв о помощи раздался вновь.

— Жоэль, — сказала Гульда, — по-моему, какой-то турист зовет! Надо помочь ему...

— Да, сестра, он где-то недалеко. Но с какой стороны?.. Я его не вижу!

Цепляясь за чахлые пучки травы, росшей на этом берегу Маана, Гульда взобралась на пригорок позади обломка скалы, на котором только что сидела. И вдруг она крикнула:

— Жоэль, вот он!

— Ты его видишь?

— Да... там... там!

И она указала на несчастного, висевшего почти над самой пропастью. Стоило его ноге, упирившейся в крохотный выступ, соскользнуть чуть ниже, стоило поддаться головокружению, как все было бы кончено.

— Нужно спасти его! — воскликнула Гульда.

— Да, непременно! — отозвался Жоэль. — Спокойно! Сейчас главное — добраться до несчастного.

И он громко закричал. Зов донесся до путешественника, и тот обернулся. А Жоэль стал прикидывать, каким образом быстрее и надежнее помочь ему выбраться из беды.

— Гульда, ты не испугаешься? — спросил он сестру.

— Нет, братец!

— Ты хорошо знаешь Мариин камень?

— Да, я много раз бывала там.

— Ну тогда пройди по гребню и постарайся как можно ближе подобраться к этому человеку. Потом осторожно сползи к нему и крепко возьми за руку. Только не старайся подтянуть его вверх, не то у него закружится голова, и он стащит тебя в пропасть, — тогда вам обоим конец!

— А ты, Жоэль?

— А я, пока ты пробираешься поверху, вскарабкаюсь к нему по склону со стороны берега. Когда ты окажешься рядом с ним, я уже буду под вами и, если вы сорветесь, постараюсь удержать обоих.

Воспользовавшись новым коротким затишьем в грохоте водопада, Жоэль крикнул:

— Не двигайтесь, сударь!.. Потерпите!.. Мы попытаемся пробраться к вам!

Гульда уже скрылась в густых зарослях пригорка, чтобы спуститься по боковому склону Maristien.

Через несколько мгновений Жоэль увидел свою храбрую сестру на повороте: она уже достигла крайних деревьев, росших на верхушке скалы.

Сам же он, с опасностью для жизни, начал медленно карабкаться по отвесному склону той стороны горы, что замыкала собою ущелье Рьюканфоса. Здесь требовались поистине величайшее хладнокровие и осмотрительность: каждое неверное движение руки или ноги на краю этой бездонной пропасти грозило гибелью, ибо каменная стена была мокрой и скользкой от обильных брызг водопада.

Параллельно Жоэлю, в сотне футов над его головой, Гульда осторожно продвигалась к

тому месту, где замер путешественник. Лица его они не видели, оно было обращено к водопаду.

Поднявшись почти к самым ногам туриста, Жоэль остановился и, утвердившись понадежнее в расщелине скалы, окликнул его:

— Эй, сударь!

Путешественник повернул голову.

— Послушайте! — продолжал Жоэль. — Не двигайтесь, не делайте ни одного движения, держитесь крепче!

— Будьте покойны, друг мой, я держусь, — ответил тот уверенным тоном, развеявшим тревогу Жоэля. — Если бы я не держался, то уже четверть часа назад лежал бы на дне Рьюканфоса!

— Моя сестра сейчас спуститься к вам, — крикнул ему Жоэль. — Она подаст вам руку. Только не пытайтесь подтянуться, пока я еще здесь!.. Оставайтесь на месте!..

— Я буду недвижим, как скала! — заверил его путешественник.

Гульда с непокрытой головой, как обычно ходят девушки с Телемарка, привыкшие преодолевать отроги, разделяющие горные луга, уже начала спускаться к нему, нащупывая наименее скользкие выступы в камне, ставя ноги в трещины, обещавшие более надежную опору.

Она вслед за Жоэлем подбодрила незнакомца:

— Держитесь, сударь!

— Да, да... я держусь... обещаю... я буду держаться, сколько хватит сил.

Как видите, в добрых советах у него недостатка не было. Они доносились и сверху и снизу.

— А главное, не бойтесь! — добавила Гульда.

— О, я не боюсь!

— Мы спасем вас! — крикнул Жоэль.

— Надеюсь, мой друг, ибо, клянусь Святым Олафом, самому мне не справиться!

Путник явно не терял присутствия духа. Но после падения руки и ноги его ослабели, и теперь он из последних сил удерживался на крохотном пятачке, отделявшем его от ревущей бездны.

А Гульда спускалась все ниже и ниже. Еще несколько мгновений, и она оказалась рядом с незнакомцем. Закрепившись на выступе рядом с ним, она взяла его за руку.

Путешественник попытался чуточку распрямиться.

— Нет, сударь, не шевелитесь!.. Не двигайтесь!.. — остерегла его девушка. — Вы увлечете меня за собою, а у меня не хватит сил удержать вас. Нужно подождать брата. Когда он будет между нами и Рьюканфосом, вы сможете попробовать взобраться наверх...

— Взобраться наверх! Ах, милая, это легче сказать, чем сделать, — боюсь, подъем для меня непосилен.

— Вы ранены, сударь?

— О, ничего серьезного, ни перелома, ни вывиха, — по крайней мере, я на это надеюсь, но я сильно ободрал ногу.

Жоэль уже находился в двадцати футах от того места, где стояли Гульда и незнакомец. Но круглый выступ скалы мешал ему прямо подняться к ним. Однако необходимо было преодолеть этот скользкий каменный горб, невзирая на трудность и крайнюю опасность маневра. Ведь речь шла о жизни и смерти!

— Не шевелись, Гульда! — крикнул он в последний раз. — Если вы сейчас соскользнете, я не смогу удержать вас, и мы все погибнем!

— Не бойся ничего! — ответила храбрая девушка. — Думай только о себе, и да поможет нам Бог!

Жоэль пополз по камню на животе, извиваясь, как змея. Два-три раза он ощутил, что ему буквально не за что уцепиться. Но наконец ловкость бывалого проводника взяла свое, и он добрался до путешественника.

То был человек в возрасте, но мощного сложения, с приятным улыбчивым лицом. По правде сказать, Жоэль ожидал увидеть на его месте какого-нибудь неосторожного юнца, решившего на спор покорить Maristien.

— Вы поступили весьма опрометчиво, сударь! — промолвил молодой человек, распластавшись на скале и стараясь отдышаться.

— Опрометчиво, говорите? — отозвался тот. — Скажите уж прямо — просто поидиотски.

— Вы рисковали жизнью...

— Да, и заставил вас рисковать своей!

— О, это не важно... такое уж у меня ремесло! — ответил Жоэль и, приподнявшись, добавил: — Ну, теперь надо постараться поднять вас обратно, а самое трудное позади.

— Самое трудное?..

— Да, сударь, труднее всего было добраться до вас. А теперь нам осталось лишь одолеть вот этот склон, он довольно пологий.

— Только не слишком рассчитывайте на мои силы, дружок! Одна нога у меня совсем вышла из строя, по меньшей мере на несколько дней.

— И все же попытайтесь подняться.

— Охотно... с вашей помощью!

— Держитесь за руку моей сестры. А я подтолкну вас снизу.

— Только покрепче!

— Да-да, я вас не подведу.

И они начали действовать так, как велел Жоэль, медленно и осторожно. Подъем на вершину скалы был отнюдь не безопасен, но все трое справились с ним как нельзя успешнее и быстрее, чем ожидали. Впрочем, туристу повезло: он не сломал и не вывихнул ногу, а всего лишь сильно ободрал кожу при падении, так что мог держаться на ногах, хотя и терпел мучительную боль. Десять минут спустя они уже оказались на безопасном расстоянии от Maristien.

Путешественник намеревался передохнуть на опушке елового леса, окаймляющего верхние луга Рьюканфоса. Но Жоэль попросил его сделать еще одно усилие. Нужно было дойти до хижины, стоящей среди деревьев чуть позади утеса, на котором брат и сестра недавно отдыхали, подойдя к водопаду. Путешественник постарался выполнить его просьбу и, поддерживаемый под руки, успешно и без особых мучений добрался до дверей хижины.

— Давайте войдем, — сказала девушка, — и там вы минутку отдохнете.

— Надеюсь, вы называете минуткой хотя бы четверть часа?

— Да, сударь, а потом вам придется поехать с нами в Дааль.

— В Дааль? Но ведь именно туда я и направлялся!

— Да уж не вы ли тот самый турист, что шел с севера и о котором мне говорили в Хардангере? — спросил Жоэль.

— Я самый и есть.

— Господи Боже мой, так вы, значит, заблудились?

— Боюсь, что так.

— Эх, знал бы я, что такое стряется, подождал бы вас на другом берегу Рьюканфоса!

— Да, оно было бы куда лучше, милый мой мальчик! Вы бы помогли мне избежать неосторожности, непростительной в моем возрасте...

— В любом возрасте, сударь, — откликнулась Гульда.

Все трое вошли в хижину, где жила крестьянская семья — отец, мать и две дочери; при их появлении хозяева встали и радушно приняли гостей.

Жоэль осмотрел ногу путника и убедился, что у него всего лишь сильно содрана кожа под коленом. Разумеется, потерпевшему потребуется покой, по крайней мере, в течение недели, но, главное, он счастливо избежал перелома или вывиха, даже кость не была задета.

Хозяева предложили гостям великолепные сливки, целое блюдо земляники и немного ситного хлеба, которые те приняли с восторгом. Правда, Гульда едва притронулась к еде,

зато Жоэль без стеснения продемонстрировал свой здоровый аппетит, и путешественник не намного отстал от него.

— После такого приключения я голоден как волк, — признался он. — Скажу вам откровенно: идти через Maristien было верхом неосторожности. Изображать из себя злосчастного Эстейна, когда годишься ему в отцы... нет, даже в деда!..

— Ах, значит, вам известна легенда? — удивилась Гульда.

— Еще бы неизвестна!.. Моя кормилица убаюкивала меня песней об Эстейне, когда я еще был в счастливом младенческом возрасте. Да, милая девушка, я знаю эту легенду, что еще больше усугубляет мою вину! А теперь, друзья мои, скажите, каким образом вы собираетесь переправить меня в Дааль, — ведь для такого инвалида, как я, это путь неблизкий.

— Не беспокойтесь ни о чем, сударь, — ответил Жоэль. — Здесь, внизу, нас ждет повозка. Вам придется пройти самое большее триста шагов.

— Хм!.. Триста шагов...

— И притом спускаясь по дороге, — добавила девушка.

— О, если речь идет о спуске, друзья мои, то с этим я справлюсь, только обопрусь о чью-нибудь руку...

— А почему не на две? — спросил Жоэль. — Ведь у нас их четыре на двоих, и все они в вашем распоряжении.

— Ну что ж, пусть будет две или даже четыре! Это мне не обойдется дороже, верно?

— Это ничего не стоит, сударь.

— О нет, я обязан хотя бы пожать вам обоим руки в знак благодарности: я совсем забыл, что еще не высказал ее.

— За что же, сударь? — отозвался Жоэль.

— Да просто-напросто за то, что вы спасли мне жизнь, рискуя своей собственной!

— Когда вам угодно отправиться? — спросила Гульда, вставая, чтобы пресечь поток похвал.

— Как это «когда»?.. Да когда вам угодно!.. Ибо отныне мне угодно все, что угодно вам!

Путешественник заплатил крестьянам за угощение. Потом, слегка опираясь на руку Гульды и гораздо тверже — на руку Жоэля, он начал спускаться по извилистой тропинке, ведущей к берегу Маана, откуда шла дорога на Дааль.

Ходьба его то и дело перемежалась оханьем, которое, впрочем, тотчас же превращалось в жизнерадостный смех. Наконец переход закончился у лесопильни, где Жоэль принялся запрягать лошадь.

Пять минут спустя мужчина уже сидел в повозке бок о бок с Гульдой.

— А вы? — спросил он у Жоэля. — Я, кажется, занял ваше место...

— О, я уступаю его вам от чистого сердца.

— Но, может быть, если потесниться...

— Нет, нет! Я ведь проводник, сударь, и ноги у меня крепкие. Даже покрепче вот этих колес!

И они тронулись в путь, мало-помалу приближаясь к Маану. Жоэль вел лошадь под уздцы, стараясь, чтобы повозку не слишком трясло на крупных камнях.

Дорога прошла весело, — по крайней мере, для путешественника. Он беседовал с братом и сестрой, словно старый друг семьи Хансен. Еще не подъехав к месту назначения, они величали его запросто «господином Сильвиусом», а господин Сильвиус звал их Жоэлем и Гульдой, как будто они были знакомы всю жизнь.

К четырем часам дня из-за густых крон деревьев выглянула остроконечная верхушка даальской часовенки. Минуту спустя повозка остановилась перед гостиницей. Путешественник не без труда сошел наземь. Фру Хансен встретила его на пороге дома и, хотя он не спрашивал самой лучшей комнаты, отвела ему именно такую.

Глава IX

Сильвиус Хог — таково было имя путешественника, вписанное в книгу проезжающих как раз под записью Сандгоиста. Не правда ли, какой разительный контраст между этими двумя фамилиями и их носителями! Ни физически, ни морально они не были схожи друг с другом. С одной стороны — великодушие и щедрость, с другой — жадность и скупость. Один был воплощением сердечности, другой — олицетворением черствости души.

Сильвиусу Хогу было около шестидесяти лет, но выглядел он гораздо моложе. Высокий, статный, крепко сложенный, здоровый и телом и духом, он с первого же взгляда располагал к себе, чему немало способствовало его красивое, привлекательное лицо, без бороды, зато с длинными седеющими волосами, улыбающимися глазами и ртом, широким лбом, хранящим, по-видимому, лишь благородные помыслы. В могучей его груди наверняка билось здоровое сердце. Ко всем этим притягательным чертам добавлялись неистощимое жизнелюбие, ум, деликатность, преданность и щедрая способность к самопожертвованию.

Сильвиус Хог из Христиании — это имя говорило само за себя. Он был известен, уважаем, почитаем, любим не только в столице, но и во всем Норвежском королевстве.⁶² Дело в том, что чувства, которые питали к нему соотечественники, отнюдь не разделялись жителями другой половины Скандинавии, а именно шведами.

Этот факт требует разъяснений.

Сильвиус Хог был профессором законовения в Христиании. В других странах профессии адвоката, инженера, негодьянта⁶³ ставят человека на верхние ступени социальной лестницы. В Норвегии же дело обстоит иначе: здесь быть профессором означает стоять на самой ее вершине.

Если население Швеции делится на четыре сословия — знать, духовенство, буржуазию и крестьян, то в Норвегии их всего три, — знать отсутствует. Здесь не почитают ни одного представителя аристократии, ни одного чиновника. В этой привилегированной стране, где не существует привилегий, чиновники являются скромными слугами народа, и не более того. Словом, здесь царит абсолютное социальное равенство и не играют роли никакие политические убеждения.

Итак, Сильвиус Хог был одним из виднейших людей в стране, и нет ничего удивительного в том, что он являлся членом стортинга.⁶⁴ В этом народном собрании он благодаря своим научным заслугам, безупречной личной жизни и общественной деятельности пользовался неограниченным авторитетом, перед которым склонялись даже крестьянские депутаты, занимавшие там большинство мест.

Начиная с момента принятия Конституции 1814 года можно с уверенностью называть Норвегию республикой, которой управляет, в качестве президента, король Швеции.⁶⁵

И вполне естественно, что Норвегия, весьма ревностно относящаяся к своему суверенитету, позаботилась сохранить автономию во всех областях жизни. Норвежский стортинг не имеет ничего общего со шведским парламентом. Вот отчего на одного из его представителей, в числе самых влиятельных и патриотически настроенных, посматривали весьма косо за той идеальной границей, что разделяла Швецию и Норвегию.

⁶² С конца XIV века Норвегия находилась под господством Дании, в 1814 году передана Швеции; однако, отстаивая автономию, называла себя Норвежским королевством, тем подчеркивая свою самостоятельность.

⁶³ Негодянт — оптовый купец, ведущий крупные торговые дела, главным образом с чужими странами.

⁶⁴ Стортинг — парламент в Норвегии (при наличии конституционного монарха).

⁶⁵ В результате референдума 1905 года Норвегия разорвала унию (объединение под властью одного короля) со Швецией и обрела государственную независимость.

Вот таков он и был, Сильвиус Хог. Человек независимого нрава, абсолютно не тщеславный, он упорно отказывался занять какой-либо высокий пост в министерстве. Зато был страстным защитником национальных интересов Норвегии и со стойким мужеством противостоял всем посягательствам Швеции на свободу его родины.

Страны эти настолько разобщены и морально и политически, что королю Швеции — в ту пору Оскару II⁶⁶ — приходилось после коронации в Стокгольме проводить ту же церемонию в Тронхейме, древней столице Норвегии. Что же касается деловых отношений со шведами, то норвежцы и здесь оставались верны себе в сдержанности, прямо-таки граничащей с презрением: так, например. Банк Христиании весьма неохотно принимал купюры Стокгольмского банка! И наконец, антагонизм⁶⁷ между этими двумя народами находит свое высшее проявление в том, что шведский флаг не развевается ни на норвежских зданиях, ни на норвежских судах. Шведам свой флаг — желтый крест на голубом поле, норвежцам — свой, с голубым крестом на багряном фоне.

Итак, Сильвиус Хог был душой и сердцем Норвегии. Он неизменно стоял на страже ее интересов. Например, в 1854 году, когда стортинг обсуждал вопрос об аннуляции⁶⁸ поста вице-короля или губернатора, правящего страной от имени короля Швеции, он был среди тех, кто наиболее рьяно поддерживал эту идею и довел ее до победного конца.

Из вышесказанного легко заключить, что если Сильвиус Хог и не пользовался большой любовью на востоке Скандинавии, то уж на западе он был горячо любим повсюду, вплоть до самых отдаленных уголков страны. Его имя гремело над всеми городами Норвегии, от предгорий района Христиании до западных скал Нордкапа. И профессор из Христиании, он же депутат стортинга, был достоин этой истинной, честно заслуженной репутации, которой не могла повредить никакая клевета. Правда, он являл собою истинного норвежца, но норвежца с горячей кровью, живым темпераментом⁶⁹ и куда большей решимостью в мыслях и поступках, нежели это свойственно скандинавской флегматической⁷⁰ натуре. И это сразу проявлялось в его энергичных движениях, напористой речи, мгновенной реакции. Родись он во Франции, его без колебаний записали бы в «южане»,⁷¹ и эпитет⁷² этот, если вам угодно принять такое сравнение, был бы вполне к нему применим.

Состояние Сильвиуса Хога позволяло ему вести обеспеченную жизнь, хотя он никогда не скупился на пожертвования для общественных дел. Этот бесребреник заботился в первую очередь не о себе, а о других. Вот почему высокие должности не прельщали его. Сильвиусу Хогу вполне хватало депутатского кресла. К большему он не стремился.

В настоящий момент Сильвиус Хог пользовался трехмесячным отпуском, намереваясь отдохнуть после утомительного года работы по законотворчеству. Вот уже полтора месяца,

⁶⁶ Король Оскар II (1829–1907) правил Швецией в 1872–1907 и одновременно Норвегией в 1872–1905 годах, до обретения самостоятельности последней.

⁶⁷ Антагонизм — противоречие, непримиримое противостояние.

⁶⁸ Аннуляция — уничтожение, признание недействительным какого-либо акта, договора или прав.

⁶⁹ Темперамент — возбудимость и восприимчивость человека к впечатлениям внешнего мира.

⁷⁰ Флегматический — вялый, «тяжелый на подъем», терпеливый, хладнокровный.

⁷¹ Южане (во Франции) — жители юга этой страны отличаются общительностью, легкостью, живостью, непосредственностью характера, чувством юмора.

⁷² Эпитет — определение, прибавляемое к названию предмета с целью подчеркнуть его характерные свойства, усилить художественную выразительность сказанного.

как он покинул Христианию с целью пройти пешком весь край, включающий в себя Тронхейм, Хардангер, Телемарк и округа Конгсберга и Драммена. Ему хотелось изучить эти незнакомые доселе провинции, соединив, таким образом, приятное с полезным.

Сильвиус Хог уже частично ознакомился с этими местами, и вот тут-то, возвращаясь из северных округов, он и решил посетить знаменитый водопад, одно из чудес Телемарка. Путешествуя между Тронхеймом и Христианией, он одновременно изучал еще только зарождавшийся проект строительства железной дороги; покончив с этим, он попросил нанять ему гида, чтобы тот проводил его в Дааль. Этого-то гида он и рассчитывал встретить на левом берегу Маана. Но, движимый нетерпением и восторгом перед живописными окрестностями Maristien, он отважился в одиночку на рискованный спуск. Какая опрометчивость! Она едва не стоила ему жизни. И нужно сказать, что, если бы не Жоэль и Гульда Хансены, путешествие Сильвиуса Хога скорее всего завершилось бы в бездне Рьюканфоса.

Глава X

Население скандинавских стран весьма образованно не только в городах, но и в сельской местности. Образование это отнюдь не ограничивается умением читать, писать и считать. Норвежский крестьянин всему учится с удовольствием, и ум его открыт самому широкому спектру⁷³ знаний. Он живо интересуется положением своей страны, принимая самое активное участие в ее политической и общественной жизни. Люди такого сорта составляют большинство депутатов стортинга. Иногда они являются на заседания в национальных костюмах своей провинции. Их высказывания часто и вполне справедливо цитируются, ибо они подсказаны мудростью, практической сметкою, верным, хотя и несколько флегматичным восприятием действительности и, главное, честностью и неподкупностью.

Итак, неудивительно, что имя Сильвиуса Хога было известно во всей Норвегии и произносилось с величайшим почтением повсюду, вплоть до описываемой нами отдаленной и не очень-то цивилизованной провинции Телемарка.

Поэтому фру Хансен, принимая столь именитого гостя, сочла себя обязанной подчеркнуть, какая для нее большая честь — оказать ему гостеприимство хотя бы на несколько дней.

— Не знаю, делает ли вам честь мое пребывание здесь, фру Хансен, — отвечал ей Сильвиус Хог, — но знаю наверняка, что мне оно доставляет удовольствие. Я давно уже слышал от своих учеников похвалы вашей прекрасной гостинице в Даале. Вот почему и сам намеревался отдохнуть у вас недельку. Но, клянусь Святым Олафом, я хотел прибыть сюда на двух ногах, а не на одной!

И добряк Сильвиус сердечно пожал руку хозяйке гостиницы.

— Господин Сильвиус, — предложила Гульда, — если желаете, мой брат привезет вам доктора из Бамбле.

— Дóктора?! Милая Гульда, вы, верно, хотите, чтобы вместо одной ноги я лишился сразу двух?

— Ох, господин Сильвиус, что вы такое говорите!

— Дóктора! Почему бы уже не доставить сюда моего друга, самого доктора Бека из Христиании?! И все из-за какой-то пустяковой царапины!

— Даже царапина, если она плохо залечена, может причинить серьезные неприятности, — заметил молодой человек.

— Ах, вот как, Жоэль! Ну-ка, скажите, почему это вам угодно, чтобы у меня были серьезные неприятности?

⁷³ Спектр — здесь: разнообразие, широта.

— Боже сохрани, господин Сильвиус, мне вовсе это не угодно!

— Ладно, ладно. Бог вас сохранит, и меня тоже, и весь этот дом фру Хансен, а уж если наша милая Гульда соблаговолит поухаживать за мною...

— Ну конечно, господин Сильвиус!

— Вот и прекрасно, друзья мои! Через четыре-пять дней от моей раны и следа не останется. Да и как ей не зажить в такой уютной комнате! Где еще так приятно лечиться, как не в чудесной гостинице Даала!

А какая удобная кровать и какие замечательные изречения над нею! — куда лучше тех ужасных максим,⁷⁴ что развешаны у нас на факультете! А какой изумительный вид из окна открывается на долину Маана! Журчание его вод доносится даже сюда, к моему алькову!⁷⁵ А какой аромат источают эти старые деревья, весь дом полон благоуханием их листвы! А как чист и прозрачен горный воздух! Вот он — самый лучший целитель! Стоит лишь отворить окно, и он тут как тут, свежий, живительный, а главное, не в пример докторам, не сажает нас на диету!

Ах, этот Сильвиус Хог! Он был так весел, так беззаботно шутил, что, казалось, вместе с ним в дом вошла хоть малая толика счастья. По крайней мере, таково было впечатление брата и сестры, которые, держась за руки, слушали его, позабыв на миг о своих печалях.

Сперва профессора поместили в комнате на первом этаже. И теперь, сидя в большом кресле и положив раненую ногу на скамеечку, он предоставил ее заботам Гульды и Жоэля. Но велел им лишь промыть рану холодной водой да наложить повязку, вот и все. Да и требовалось ли ему что-нибудь большее?

— Превосходно, друзья мои, превосходно! — повторял он. — Не следует злоупотреблять лекарствами! Не забывайте, что без вашей помощи мне пришлось бы познакомиться с красотами Рьюканфоса куда ближе, чем хотелось бы. Я бы камнем скатился в пропасть, прибавив к легенде Марииного камня свою собственную, а ведь мне-то спешить было совсем ни к чему. Меня не ждала невеста на другом берегу, как злосчастливого Эстейна!

— А какое горе вы бы причинили госпоже Хог! — сказала Гульда. — Она, верно, никогда не утешилась бы...

— Госпоже Хог? — воскликнул профессор. — Уверю вас, что она не пролила бы по мне ни единой слезинки!

— Ах, господин Сильвиус!..

— Да-да, уж вы мне поверьте, ни единой — по той простой причине, что никакой госпожи Хог в природе не существует! Мне даже представить себе трудно, какую она могла бы быть: толстой или худой, маленькой или высокой...

— О, ваша супруга наверняка была бы самой любезной, самой умной и доброй! — уверенно заявила Гульда.

— Да-да, моя милая, вы правы! Прекрасно! Я вам верю! Я вам верю!

— Но ваши родные, ваши друзья? — спросил Жоэль. — Что бы они сказали, узнав о таком несчастье?

— Родных у меня нет, мой мальчик. Что же касается друзей, то их у меня действительно немало, даже если не считать тех, кого я приобрел в доме фру Хансен, и вы, слава Богу, избавили их от необходимости оплакивать меня... А теперь скажите-ка, дети мои, смогу ли я пробыть у вас несколько дней?

— Вы можете здесь жить сколько вам угодно, господин Сильвиус, — ответила Гульда. — Эта комната принадлежит вам.

— Впрочем, я ведь имел намерение остановиться в Даале, как поступают все туристы, с тем чтобы отсюда совершать экскурсии во все концы Телемарка... Что ж, теперь экскурсии

⁷⁴ Максима — здесь: мысль, выраженная в краткой форме.

⁷⁵ Альков — углубление, ниша в стене, обычно служащая спальней.

отменяются, или же я займусь ими несколько позже, вот и все!

— Надеюсь, что еще до конца этой недели вы встанете на ноги, господин Сильвиус, — ответил Жоэль.

— О, я тоже на это надеюсь!

— И тогда я полностью в вашем распоряжении и готов сопровождать вас в любую часть нашего округа.

— Посмотрим, Жоэль, посмотрим. Дайте только моей ноге время зажить, и мы вернемся к этому разговору. У меня впереди еще целый месяц отпуска, и даже если мне придется весь его целиком провести в гостинице фру Хансен, я не слишком-то стану горевать по этому поводу. Но мне все-таки хотелось бы побывать в долине Вестфьорддаала меж двух озер, совершить восхождение на Геусту и вернуться к Рьюканфосу: ведь я чуть было не свалился в него, а разглядеть так и не удосужился... и теперь твердо намерен восполнить этот пробел.

— Вы обязательно увидите его, господин Сильвиус, — уверила его Гульда.

— Обязательно и всенепременно! И мы отправимся туда все вместе, с добрейшей фру Хансен, если ей угодно будет составить нам компанию. А теперь вот что, друзья мои, — я должен сообщить о случившемся моей старушке-домоправительнице Кэт и старому слуге Финку, что ждут меня в Христиании. Если я не дам о себе знать, они начнут беспокоиться, и по возвращении домой меня ждет хорошенькая головомойка!.. Но сперва я должен сделать вам одно признание: земляника со сливками, конечно, весьма вкусное, освежающее блюдо, но мне его маловато, я ведь, если помните, даже слышать не желаю о лечебной диете!.. В котором часу вы ужинаете?

— О, разве вам интересен наш ужин, господин Сильвиус?!

— Очень даже интересен! Неужто вы полагаете, что я намерен все время моего пребывания в Даале скучать в одиночестве за столом у себя в комнате? Нет, нет, я желаю есть вместе с вами и вашей матушкой, — разумеется, если фру Хансен ничего не имеет против.

Естественно, фру Хансен, услышав о желании профессора, пошла ему навстречу, хотя в силу своих привычек, вероятно, предпочла бы держаться в стороне. Есть за одним столом с депутатом стортинга — такая честь выпадает не каждому!

— Значит, решено! — объявил Сильвиус Хог. — Мы будем обедать и ужинать все вместе, в большом зале.

— Хорошо, господин Сильвиус, — ответил Жоэль. — Как только поспеет ужин, я вас выведу туда в этом кресле.

— Ах, господин Жоэль! Почему бы уж тогда не в двуколке?! Нет, увольте! Я прекрасно доберусь до стола, опираясь на вашу руку. Насколько я знаю, ногу мне пока еще не ампутировали!

— Как вам угодно, господин Сильвиус, — сказала Гульда. — Только уж, пожалуйста, будьте поосторожнее, не делайте резких движений, иначе мы тут же пошлем Жоэля за доктором!

— Ага, теперь пошли в ход угрозы! Ладно, ладно, я буду осторожен и послушен, как ребенок! Только не сажайте меня на диету, и я буду самым кротким из всех больных! А кстати, друзья мои, разве сами вы еще не проголодались?

— Потерпите с четверть часика, — ответила Гульда, — и мы подадим вам суп со смородиной, форель из Маана, куропатку, которую Жоэль принес вчера с Хардангера, и бутылку французского вина.

— Благодарю, моя милая, благодарю!

Гульда вышла из комнаты, чтобы присмотреть за приготовлением ужина и накрыть стол в большой зале; тем временем Жоэль отправился к мастеру Ланглингу, чтобы вернуть ему повозку.

Сильвиус Хог остался один. О чем он размышлял? Ну разумеется, об этих честных людях, которым был обязан жизнью и у которых находился теперь на положении гостя. Что

мог он сделать в благодарность за спасение и заботы Гульды и Жоэля? Однако ему недолго пришлось ломать голову над этой проблемой: спустя десять минут он уже сидел за столом, на почетном месте. Ужин получился отменный. Он с лихвою оправдал репутацию гостиницы, и профессор откушал с большим аппетитом.

Вечер прошел в разговорах, где Сильвиус Хог принял самое непосредственное участие. Не сумев вовлечь в беседу фру Хансен, он заставил говорить ее детей. В результате симпатия, которую он с первого взгляда почувствовал к ним, возросла еще больше. Профессора умилила трогательная дружба, связывавшая брата и сестру.

С наступлением ночи он добрался до своей комнаты, поддерживаемый с двух сторон Жоэлем и Гульдой, пожелал им спокойной ночи, услышал в ответ столь же сердечные пожелания и, едва улегшись на широкую кровать под библейскими изречениями, погрузился в глубокий сон.

Назавтра, проснувшись с зарею и пользуясь тем, что хозяева еще не постучались к нему, Сильвиус Хог вновь принялся размышлять на ту же занимавшую его тему.

«Прямо и не знаю, как мне быть, — думал он. — Не могу же я отделаться простой благодарностью за то, что меня спасли от смерти, лечат, холят и лелеют. Я в долгу перед ними, это бесспорно! Но вот незадача: такие услуги деньгами не оплачиваются. Было бы так некрасиво... С другой стороны, эти славные люди, кажется, вполне счастливы, что же я могу добавить к их счастью? Ну ладно, нужно будет поговорить с ними, — может быть, в разговоре что-нибудь выяснится...»

Итак, все последующие три-четыре дня, что профессор сидел в кресле, держа раненую ногу на скамеечке, они провели в беседах. К несчастью, брат и сестра проявили известную сдержанность: ни тот, ни другая не захотели жаловаться на мать, чью холодность и озабоченность Сильвиус Хог подметил с первой минуты. И та же сдержанность мешала Жоэлю и Гульде поделиться с гостем беспокойством, которое внушало им опоздание Оле Кампа. Ведь они рисковали испортить прекрасное настроение профессора, посвятив его в свои заботы.

— И все-таки напрасно мы не доверились господину Сильвиусу, — говорил Жоэль сестре. — Он бы дал нам полезный совет и, может быть, пользуясь своими связями, разузнал бы в Министерстве морского флота, что стало с «Викеном».

— Ты прав, Жоэль, — отвечала Гульда. — Я думаю, нам следует все ему рассказать. Но давай подождем, пока он оправится от раны.

— Ну, с этим задержки не будет! — заверил ее брат.

К концу недели Сильвиус Хог уже не нуждался в посторонней помощи, чтобы выходить из своей комнаты, хотя еще слегка прихрамывал. Он выбирался из дома, чтобы посидеть на скамейке во дворе, в тени густой листвы. Отсюда можно было любоваться вершиной Геусты, которая сверкала в солнечных лучах, а внизу, у его ног, ревел Маан, унося вдаль поваленные деревья.

Он мог также наблюдать за путниками, идущими по Даальской дороге к Рьюканфосу. Чаще всего то были туристы; некоторые из них останавливались на часок-другой в гостинице фру Хансен, чтобы пообедать или поужинать. Проходили здесь и студенты из Христиании с рюкзаками за спиной и маленькими норвежскими кокардами⁷⁶ на фуражках.

Студенты, конечно, знали профессора Хога. И нужно было видеть, с какой радостью молодежь приветствовала своего наставника и как долго, сердечно, беседовала с ним.

— Вы... здесь, господин Сильвиус?!

— Да, друзья мои!

— А мы-то думали, что вы спустились в Хардангер!

— И вы ошиблись: на самом-то деле я чуть было не спустился в Рьюканфос.

— О, теперь мы будем всем рассказывать, что встретили вас здесь, в Даале!

⁷⁶ Кокарда — металлический значок установленного образца на форменной фуражке.

- Да, в Даале... с перевязанной ногой!
- К счастью, вы нашли надежный приют и хороший уход в гостинице фру Хансен!
- Да, лучшего и придумать трудно.
- Это верно, лучшего не бывает!
- А более славных людей вы когда-нибудь встречали?
- Никогда! — весело объявляли юные туристы.

И все они пили за здоровье Гульды и Жоэля, столь известных на Телемарке и за его пределами.

Профессор принимался описывать свое приключение. Он не скрывал, что был неосторожен. Рассказывал, кто и как его спас. И выражал искреннюю признательность спасителям.

— Если я пробуду здесь до тех пор, пока не выплачу долг благодарности, — добавлял он, — то моему курсу законовещения предстоит долгая отсрочка, друзья мои, так что можете гулять сколько вам угодно!

— Ах так, господин Сильвиус! — восклицала веселая компания. — Уж не прелестная ли Гульда удерживает вас в Даале?

— Гульда — прекрасная девушка, друзья мои, просто очаровательная, но, клянусь Святым Олафом, мне ведь уже шестьдесят лет!

— За здоровье господина Сильвиуса!

— И за ваше, юные мои друзья! Путешествуйте по стране, знакомьтесь с нею, учитесь, познавайте новое, развлекайтесь! В вашем возрасте любая погода хороша! Но только остерегайтесь тропы у Марииного камня! Жоэль и Гульда не каждый день бывают там, чтобы спасти неосторожных вроде меня!

Наконец гости удалились, оглашая всю долину шумным и радостным «Gog aften».

Два-три раза Жоэль вынужден был отлучиться из дома, чтобы сопроводить туристов при восхождении на Геусту. Сильвиус Хог порывался идти вместе с ним. Рана его на ноге уже начала затягиваться. Но девушка решительно запретила профессору слишком сильно утомляться, а уж когда Гульда что-либо запрещала, приходилось ей подчиняться.

И однако, любопытнейшая гора эта Геуста, чей главный пик, изборожденный белыми от снега трещинами, вздымается над густым ельником, точно седая голова над пышными зелеными брыжами.⁷⁷ А какой великолепный вид открывается во все стороны с вершины горы! На востоке виден округ Ньюмедааль, на западе — весь Хардангер с его грандиозными ледниками, у подножия горы — извилистое ущелье Вестфьорддааля между озерами Мьос и Тинн, сам Дааль с его миниатюрными, словно игрушечными домиками и быстрым Мааном, который сверкающей змейкой вьется по изумрудно-зеленым равнинам.

Для восхождения на Геусту Жоэль уходил из-дому в пять часов утра, а возвращался к шести вечера. Сильвиус Хог и Гульда шли ему навстречу. Они поджидали его возле хижины паромщика. Сойдя с парома на берег и распрощавшись с туристами, Жоэль обменивался с встречающими сердечным рукопожатием, и они проводили втроем приятнейший вечер. Профессор все еще слегка прихрамывал, но никогда не жаловался. Похоже было, что он не слишком торопится выздороветь или, иными словами, покидать гостеприимный кров фру Хансен.

А время бежало быстро. Сильвиус Хог сообщил в Христианию письмом, что останется в Даале еще на некоторое время. Слухи о его приключении в Рьуканфосе облетели всю страну. Газеты поведали о нем довольно красочно, а некоторые даже в драматических тонах. В результате на гостиницу обрушился целый поток писем, не говоря уж о газетах и журналах. И все их приходилось читать. И на все послания приходилось отвечать. Делать нечего, Сильвиус Хог и читал и отвечал, а в процессе этого обмена корреспонденцией имена Жоэля и Гульды обретали известность по всей Норвегии.

⁷⁷ Брыжи — высокий воротник из сборчатых кружев. (Примеч. перев.)

Однако пребывание в гостинице фру Хансен не могло затягиваться до бесконечности, а Сильвиус Хог все еще не определил, каким же образом вернуть долг признательности своим хозяевам. Со временем он начал понимать, что семья эта далеко не так счастлива, как ему показалось вначале. Нетерпение, с которым брат и сестра ежедневно ожидали почты из Христиании или из Бергена, их растерянность и даже печаль, когда они не находили в ней писем для себя, говорили о многом.

Наступило девятое июня. А о «Викене» по-прежнему никаких новостей. Он запаздывал уже на целых две недели против указанного срока! И ни одного письма от Оле! Ничего, что могло бы утешить исстрадавшуюся Гульду. Бедная девушка впала в отчаяние, и Сильвиус Хог часто видел следы слез на ее печальном личике, когда она входила к нему по утрам.

«Что же происходит? — думал он. — Они явно боятся какого-то несчастья, но скрывают это от меня. Неужели это семейная тайна, в которую не положено посвящать посторонних? Но разве я все еще посторонний? Нет, они так наверняка не считают. Что ж, как только я объявлю об отъезде, они, может быть, поймут, что их покидает искренний, настоящий друг».

И вот настал день, когда он сказал:

— Друзья мои, приближается время, когда я, к моему великому огорчению, должен буду с вами расстаться.

— Как, господин Сильвиус, уже?! — воскликнул Жоэль, не сумев совладать с волнением.

— Да, здесь, подле вас, время бежит незаметно! А ведь я в Даале уже семнадцать дней!

— Неужто?.. Семнадцать дней! — промолвила Гульда.

— Именно так, милое мое дитя, и отпуск мой подходит к концу. Я не хотел бы терять ни недели, если все же решу завершить мое путешествие, пройдя через Драммен и Конгсберг. И однако, если стортинг обязан вам тем, что ему не пришлось подыскивать на мое место нового депутата, то ни он, ни сам я не знаем, как отблагодарить...

— О, господин Сильвиус!.. — воскликнула девушка, пытаясь помешать ему говорить.

— Ну хорошо, хорошо, Гульда! Я понял, что мне запрещено говорить на эту тему, по крайней мере здесь...

— Ни здесь, ни где бы то ни было! — твердо заявила девушка.

— Пусть будет так! Здесь я себе не хозяин и вынужден подчиниться. Но вы и Жоэль должны непременно приехать ко мне в Христианию.

— К вам, господин Сильвиус?

— Да, ко мне, погостить в моем доме несколько дней, и, разумеется, вместе с фру Хансен.

— Но кто же займется гостиницей, если мы уедем? — спросил Жоэль.

— Когда летний сезон закончится, гостиница сможет и подождать. Итак, я твердо намерен приехать за вами в конце осени...

— Ах, господин Сильвиус, это будет очень трудно! — сказала девушка.

— Напротив, друзья мои, напротив, очень легко. И не вздумайте отказываться, я и слушать ничего не хочу. Я привезу вас к себе и поселю в самой красивой комнате, под присмотром моих старых слуг Кэт и Финка, вы будете жить там как мои дети, и тогда, быть может, скажете мне откровенно, что я могу сделать для вас.

— Что вы можете сделать для нас, господин Сильвиус?.. — откликнулся Жоэль, глядя на сестру.

— Да, братец!.. — сказала Гульда, поняв его намерение.

— Ну так вот, господин Сильвиус, вы могли бы оказать нам величайшую честь!

— Какую же?

— Если это не слишком нарушит ваши планы, присутствовать на свадьбе моей сестры Гульды.

— На ее свадьбе! — вскричал депутат. — Как, разве моя милая Гульда выходит замуж? И я еще ничего об этом не знаю?!

— Ах, господин Сильвиус! — грустно промолвила девушка, и глаза ее наполнились слезами.

— Так когда же свадьба?

— Когда Господу Богу будет угодно вернуть нам ее жениха Оле! — ответил Жоэль.

Глава XI

И Жоэль поведал всю историю Оле Кампа. Сильвиус Хог, глубоко взволнованный этим рассказом, слушал с напряженным вниманием. Теперь он знал все. Ему дали прочесть последнее письмо жениха, где тот извещал о скором приезде. Но Оле не вернулся. Какая же тоска, какие страхи должны были дозвонить над всей семьей Хансен!

«А я-то воображал, что живу среди счастливых людей!» — думал Сильвиус Хог.

И однако, хорошенько поразмыслив, он решил, что брат и сестра напрасно отчаиваются, еще остается проблеск надежды. Их испуганное воображение удваивало количество пролетавших дней мая и июня, которые они считали и пересчитывали без конца.

Профессор представил им свои доводы, не ободряя впустую, а тщательно и серьезно обосновывая причины опоздания «Викена».

Но лицо его оставалось озабоченным: печаль Жоэля и Гульды глубоко тронула его.

— Вот что, дети мои, — начал он. — Сядьте-ка рядышком, и давайте потолкуем.

— Ох, ну что вы можете сказать нам?! — воскликнула девушка, не в силах совладать со своим горем.

— Я скажу только то, что думаю, — ответил профессор, — а именно: я выслушал рассказ Жоэля, и мне кажется, что беспокойство выходит за рамки разумного. Не хочу вселять в вас беспочвенные надежды, но твердо намереваюсь расставить все по своим местам.

— Увы, господин Сильвиус! — ответила Гульда. — Мой бедный Оле погиб вместе с «Викеном»... Я больше никогда его не увижу!

— Сестра, сестра! — взволнованно сказал Жоэль. — Прошу тебя, успокойся, дай господину Сильвиусу договорить...

— И главное, сохраним присутствие духа, дети мои! Итак, Оле должен был вернуться в Берген между пятнадцатым и двадцатым мая?

— Да, именно так сказано в его письме, — подтвердил Жоэль. — А у нас нынче уже девятое июня.

— И стало быть, опоздание «Викена» составляет двадцать дней против крайнего указанного срока. Согласен, это странно. Однако невозможно требовать от парусника такой же точности, как от парохода.

— То же самое я и твержу Гульде, как раз то же самое! — вскричал Жоэль.

— И вы совершенно правы, мой мальчик, — одобрил его Сильвиус Хог. — Кроме того, вполне возможно, что «Викен» — старое, тихоходное судно, как большинство рыбацких шхун, промысляющих у Ньюфаундленда, — не может развить большой скорости, особенно будучи тяжело нагруженным. С другой стороны, погода в эти последние несколько недель стояла прескверная. И может быть, «Викен» не вышел в открытое море в указанные дни. А тогда достаточно недельного опоздания, чтобы «Викен» не смог вернуться в срок, а вы не смогли получить от Оле новой весточки. То, что я говорю, есть результат серьезного анализа сложившегося положения. Кроме того, вы ведь не знаете: а вдруг «Викен» получил указание доставить свой груз в другой порт, — ведь спрос на рыбу то и дело меняется.

— Но тогда Оле написал бы об этом! — ответила Гульда, которая боялась довериться даже такой слабой надежде.

— Вероятно, он и написал, но в таком случае задержаться мог не «Викен», а почта вместе с кораблем из Америки. Предположим, их шхуна зашла в какой-нибудь американский порт, — тогда понятно, почему ни одно из его писем еще не прибыло в Европу.

— Из Америки... но почему, господин Сильвиус?

— Так иногда случается: стоит упустить хоть одно почтовое судно, как новости не скоро дойдут до ваших друзей... В любом случае, можно сделать очень простую вещь: запросить сведения у бергенских арматоров. Вы знакомы с кем-нибудь из них?

— Да, — ответил Жоэль. — Это господа братья Хелп.

— Как, компания «Хелп и сыновья»? — вскричал Сильвиус Хог.

— Да.

— Но я же отлично их знаю. Хелп-младший, как его называют, хотя он мне ровесник, — один из моих близких друзей. Мы часто ужинали вместе в Христиании. Братья Хелп, подумать только, дети мои! Разумеется, я узнаю у них все, что касается «Викена». Сегодня же напишу им, а если понадобится, и сам съезжу в Берген.

— О, как вы добры, господин Сильвиус! — воскликнули разом Гульда и Жоэль.

— Ну-ну, только не вздумайте меня благодарить, я категорически запрещаю! Разве я благодарил вас за то, что вы сделали там, в горах?.. Мне наконец подвернулся случай оказать такую мелкую услугу за свое спасение, а вы уже восторгаетесь мною!

— Но ведь вы собирались возвращаться в Христианию, — робко заметил Жоэль.

— Ну так что же, я поеду не туда, а в Берген, раз мне необходимо попасть в Берген!

— Значит, вы собираетесь покинуть нас, господин Сильвиус, — грустно сказала Гульда.

— Нет-нет, теперь я с вами ни за что не расстанусь, дорогая моя девочка! Я все-таки свободен в своих действиях и, пока не выясню, в чем тут дело, не уеду, разве что вы сами выставите меня за дверь...

— Ох, что вы говорите!

— Словом, я твердо намерен оставаться в Даале до возвращения Оле. Мне очень хочется познакомиться с женихом нашей милой Гульды. Он наверняка такой же славный парень, как Жоэль.

— О да, они похожи, как братья! — подтвердила Гульда.

— Так я и знал! — воскликнул профессор, чей жизнерадостный нрав быстро взял верх над грустными размышлениями.

— Нет, Оле похож только на Оле, господин Сильвиус, — возразил Жоэль, — ему не требуется походить на кого-нибудь, чтобы иметь благороднейшее сердце.

— Возможно, милый мой Жоэль, возможно, и ваши слова заставляют меня желать скорейшего знакомства с ним. О, я уверен, это произойдет в самом скором времени. Интуиция подсказывает мне, что «Викен» не задержится с возвращением.

— Да услышит вас Господь!

— А почему бы ему и не услышать меня?! У него слух тонкий. Я же непременно хочу присутствовать на свадьбе Гульды, коль скоро вы меня пригласили. А стортинг, я думаю, охотно предоставит мне несколько дополнительных недель отпуска. Ведь пришлось бы ему дать мне вечный отпуск, если бы я остался в Рьюканфосе, как, впрочем, того и заслуживал!

— Ах, господин Сильвиус, как хорошо и складно вы говорите, — сказал Жоэль, — и сколько добра делаете нам!

— О, не столько, сколько мне хотелось бы, друзья мои, ибо вам я обязан жизнью и пока еще не смог...

— Нет-нет, не надо больше о том случае.

— Напротив, надо! Разве это я сам, своими силами, вырвался из когтей Maristien?! Разве сам добрался до гостиницы Даала? Разве сам вылечился, не прибегая к помощи эскулапов⁷⁸ с медицинского факультета? Нет! И предупреждаю вас, я упрям, как мул! Так что коли уж я решил повеселиться на свадьбе Гульды и Оле Кампа, клянусь Святым Олафом, я на ней повеселюсь!

⁷⁸ Эскулап — название бога врачевания в древнегреческой мифологии; в ироническом смысле — врач, медик.

Надежда — вещь замечательная. Можно ли было не проникнуться той уверенностью, которая исходила от Сильвиуса Хога?! И он убедился в успехе, увидев слабую улыбку, озарившую личико бедняжки Гульды. Как ей хотелось поверить ему!.. Как хотелось надеяться!..

И профессор решил подкрепить свои слова:

— Итак, не забывайте, время бежит быстро. Нужно начинать готовиться к свадьбе.

— Да мы уже три недели как готовимся к ней, господин Сильвиус, — ответила Гульда.

— Вот и прекрасно! Только не вздумайте бросать это на полпути!

— Бросать? — переспросил Жоэль. — Но у нас уже все готово.

— Да неужели? И юбка невесты, и корсаж с филигранными пуговицами, и пояс, и подвески?

— Даже подвески!

— И блестящая корона, которая увенчает мою маленькую Гульду и будет светиться, словно нимб?

— Да, господин Сильвиус.

— И приглашения уже разосланы?

— Да, все разосланы или сделаны устно, — отвечал Жоэль, — включая и самое важное для нас — ваше!

— И подружка невесты уже выбрана среди самых разумных девушек Телемарка?

— Да, среди самых разумных и самых красивых, — подтвердил молодой человек, — ведь это фрекен⁷⁹ Зигфрид Хельмбе из Бамбле.

— Нет, вы только послушайте, как он это сказал, славный мой мальчик! — заметил профессор. — И как он покраснел при этом! Ай-ай-ай! Уж не предстоит ли фрекен Зигфрид Хельмбе из Бамбле стать фру Жоэль Хансен из Дааля?

— Да, господин Сильвиус, — ответила Гульда. — Зигфрид — моя лучшая подруга.

— Стало быть, вас ждет еще одна свадьба! — воскликнул депутат. — И я уверен, что меня пригласят и на нее, а я и не подумаю отказаться! Нет, решительно, мне придется подать в отставку и покинуть стортинг, — ведь мне некогда будет там заседать! Итак, я выступлю свидетелем на вашей свадьбе, мой милый Жоэль, после того, как побываю им, с вашего разрешения, на бракосочетании вашей сестры. Да, ей-богу, вы делаете со мной все что хотите... а, вернее сказать, то, что я сам хочу. Обнимите-ка меня, милая Гульда! Вашу руку, мой мальчик! А теперь за дело: нужно написать моему другу Хелпу-младшему в Берген.

Брат с сестрою покинули комнату на первом этаже, в которой профессор, по его словам, обосновался прочно и надолго, и вернулись каждый к своим занятиям, хоть немного ободренные забрезжившей перед ними надеждой. Сильвиус Хог остался один.

— Бедная, несчастная девочка! — прошептал он. — Да, я заставил ее на миг позабыть о своем горе!.. Вселил в нее некоторую надежду!.. Но опоздание это действительно слишком затянулось, а море в такое время года не щадит никого!.. Что, если «Викен» погиб? Что, если Оле больше не вернется?!

И профессор взялся за письмо к бергенским арматорам. Он просил посвятить его в мельчайшие подробности всего, что касалось рыболовного рейса «Викена». Он осведомился о том, не могло ли какое-нибудь заранее обусловленное или непредвиденное обстоятельство изменить курс корабля и направить его в другой порт. Ему необходимо было возможно скорее узнать, как негодяи и моряки в Бергене истолковывают эту задержку. И наконец, он просил своего друга Хелпа-младшего собрать о шхуне самые точные сведения и прислать ему с обратной почтой.

В этом настойчивом письме Сильвиус Хог разяснял также, почему он интересуется молодым боцманом с «Викена», чем обязан его невесте и с какой радостью подал бы хоть

⁷⁹ Фрекен — обращение к девушке в Скандинавских странах; употребляется также вместе с именем или фамилией.

ничтожную надежду детям фру Хансен.

Как только письмо было закончено, Жоэль отнес его на почту в Мел. Назавтра ему предстояло уйти по назначению и прибыть в Берген одиннадцатого июня. А значит, двенадцатого вечером или, самое позднее, тринадцатого утром господин Хелп-младший должен ответить.

Около трех дней ожидания! Какими же долгими показались они обитателям Даалья! И однако, благодаря успокаивающим словам и убедительным доводам профессору удалось несколько смягчить напряжение этих томительных дней. Сейчас, когда он узнал тайну Гульды, у них было о чем беседовать, и каким великим утешением для Жоэля и его сестры оказалась возможность без конца вспоминать пропавшего друга!

— Теперь я член вашей семьи! — повторял Сильвиус Хог. — Да-да, что-то вроде старого дядюшки, прибывшего, скажем, из Америки или откуда-нибудь еще.

И верно, он стал членом их семьи, и от него теперь ничего не скрывали.

Кстати, не прошло для профессора незамеченным и отношение обоих молодых людей к матери. Та сдержанность, которую фру Хансен неизменно проявляла в его присутствии, вряд ли объяснялась беспокойством о судьбе Оле Кампа. И он счел нужным обсудить это с Жоэлем. Но тот не знал, что ответить. Тогда Сильвиус Хог решил расспросить саму фру Хансен, но натолкнулся на такую неодолимую замкнутость, что счел разумным отступить. Делать нечего, — быть может, будущее покажет, какие тайны скрывались за этим молчанием.

Как он и предвидел, ответ Хелпа-младшего пришел в Дааль тринадцатого июня. Жоэль еще на рассвете отправился навстречу почтальону и принес письмо в большой зал, где профессор сидел в обществе фру Хансен и ее дочери.

При виде письма все смолкли. Гульда смертельно побледнела, сердце у нее забилось так сильно, что она не смогла вымолвить ни слова и только сжала руку брата, взволнованного не меньше ее.

Сильвиус Хог распечатал письмо и прочел его вслух.

Но, к великому огорчению, ответ Хелпа-младшего содержал лишь самые общие сведения, и профессор не смог скрыть растерянности перед молодыми людьми, слушавшими его со слезами на глазах.

«Викен» действительно покинул Сен-Пьер и Микелон в даты, указанные Оле Кампом. Это было абсолютно достоверно, так свидетельствовали другие корабли, прибывшие в Берген за последнее время. Но они не встретили шхуну на обратном пути домой. Сами они претерпели жестокие штормы близ Исландии, однако им удалось спастись. А стало быть, и у «Викена» имелись шансы на благополучный исход. Возможно, он где-нибудь укрывался от бури. К тому же это было надежное, крепкое судно, с прекрасным опытным капитаном Фрикелем из Хаммерсфеста и бывалым экипажем, не раз с честью выходившим из беды. Но, разумеется, опоздание шхуны внушало тревогу, и, если оно затянется, придется, как ни прискорбно, признать, что «Викен» затонул вместе со всем своим грузом и экипажем.

Далее Хелп-младший выражал сожаление, что не может сообщить добрых вестей о молодом родственнике Хансенов. Он в самых лестных выражениях писал об Оле Кампе, вполне достойном того участия, какое принимал в его судьбе Сильвиус.

Письмо заканчивалось уверениями Хелпа-младшего в крайнем расположении к профессору и самых добрых чувствах к его близким. И наконец, он обещал незамедлительно сообщать своему другу все новости о «Викене», буде тот объявится в каком-либо из норвежских портов.

Бедная Гульда, трепеща, почти теряя сознание, слушала Сильвиуса Хога, читавшего это письмо; когда он кончил, она зарыдала.

Жоэль сидел молча, скрестив руки на груди и не осмеливаясь даже взглянуть на сестру.

Фру Хансен, по окончании чтения, тоже не промолвив ни слова, удалилась к себе в комнату. Чувствовалось, что она ждала этого несчастья, как, вероятно, готовилась и ко многим другим.

Когда она вышла, профессор знаком подозвал к себе брата и сестру. Он хотел еще и еще говорить об Оле Кампе, находя все новые объяснения его отсутствию, и отыскивал их с убежденностью, по меньшей мере странной после письма Хелпа-младшего. «Нет, никакой беды еще не произошло... у него предчувствие... нельзя терять надежды... он уверен. Разве не приходилось им слышать о еще более продолжительных задержках кораблей, плавающих в суровых северных морях от Норвегии до Ньюфаундленда? Прочь сомнения и страх! Разве «Викен» не крепкая шхуна с опытным капитаном и надежным экипажем и, следовательно, имеющая куда больше шансов на благополучное возвращение, чем другие суда, прибывшие в порт? Несомненно, это так, и не иначе!»

— Будем же надеяться, дети мои! — заключил он. — Надеяться и ждать! Предположим, что «Викен» потерпел крушение между Исландией и Ньюфаундлендом: тогда почему же многочисленные суда, что возвращаются тем же курсом в Европу, не обнаружили его обломков? Но ведь они их не обнаружили! Ни один не был найден в тех местах, хотя по окончании рыболовного сезона там проходит великое множество шхун. Но, разумеется, нужно действовать, попытаться раздобыть более точные сведения. Если в течение этой недели мы не получим вестей от «Викена» или самого Оле, я съезжу в Христианию, обращусь в Министерство морского флота и организую поиски судна, которые, я уверен, приведут к самым благоприятным результатам.

Хотя профессор и говорил весьма убедительно, Жоэль и Гульда ясно почувствовали, что в словах его недостает той уверенности, какая отличала их до получения бергенского письма — письма, не оставившего им ни искры надежды. Теперь Сильвиус Хог уже остерегался упоминать о близкой свадьбе Гульды и Оле Кампа. И однако, он твердил с неослабевающим оптимизмом:

— Нет! Это невозможно! Оле больше не вернется в дом фру Хансен? Оле не женится на Гульде? Никогда, никогда я не поверю в такое несчастье!

Подобная убежденность была типичной чертой Сильвиуса Хога. Он черпал ее в энергии своего характера, в природной своей силе, в несокрушимом жизнелюбии. Но как заставить других проникнуться ею, как ободрить тех, кого так больно задевала судьба «Викена»?!

Прошло еще несколько дней. Сильвиус Хог окончательно поправился и начал совершать долгие прогулки в окрестностях Дааля. Он уводил с собою Гульду и ее брата, стараясь не оставлять их наедине с грустными мыслями. Однажды все трое прошли пешком вверх по долине Вестфьорддааля, одолев почти половину пути до водопадов Рьюкана. На следующий день они спустились вниз в направлении Мела и озера Тинн. Им случилось даже отсутствовать целые сутки, когда очередная экскурсия привела их в Бамбле, где профессор познакомился с фермером Хельмбе и его дочерью Зигфрид. Можете себе представить, как радостно та встретила свою бедную Гульду и сколько теплых слов нашла для ее утешения!

Тем временем Сильвиус Хог подал своим славным хозяевам слабую надежду. Он написал в Министерство морского флота в Христиании, и теперь правительство также занялось судьбою «Викена». Корабль непременно отыщут! Оле наверняка найдется! Его нужно ждать со дня на день. И свадьба будет сыграна, хотя и с полуторамесячным опозданием! Добряк Сильвиус высказывал такую непоколебимую уверенность, что она действовала на его слушателей куда сильнее самих аргументов.

Визит в семью Хельмбе немного утешил детей фру Хансен, — они вернулись домой гораздо более спокойными, нежели раньше.

Настало пятнадцатое июня. «Викен» запаздывал уже на целый месяц. Для такого сравнительно короткого перехода — от Ньюфаундленда до норвежского побережья — подобная задержка выглядела и в самом деле чрезмерной даже для парусника.

Гульда умирала от горя. Брат уже не находил слов для ее утешения. При виде этих двух несчастных, впавших в беспросветное отчаяние, профессор тщетно силился выполнить задачу, которую поставил перед собою: сохранить в их душах хоть искру надежды. Гульда и Жоэль переступали порог дома лишь затем, чтобы поглядеть в сторону Мела или выйти на

дорогу к Рьюканфосу. Оле Камп должен был приехать из Бергена, но мог появиться и со стороны Христиании, если бы «Викен» изменил курс. Скрип повозки, раздавшийся из-за леса, отдаленный крик, чей-нибудь силуэт⁸⁰ на повороте дороги — все заставляло взволнованно трепетать их сердца, но, увы, напрасно! Со своей стороны, жители Дааля тоже были настороже, ходили встречать почтальона вверх и вниз по течению Маана. Все прониклись горячим участием к этой семье, столь любимой в их крае, жалели беднягу Оле, — ведь он был почти коренным жителем Телемарка! А из Бергена и Христиании по-прежнему ни одного письма с вестями о пропавшем моряке!

Шестнадцатого июня — все еще ничего. «Сильвиусу Хогу не сиделось на месте. Он понял, что должен действовать самолично. И объявил, что, если письмо не придет и завтра, он отправится в Христианию и убедится на месте, действительно ли проводились поиски. Конечно, при этом ему придется расстаться с Гульдой и Жоэлем, но поездка необходима, и, как только он предпримет все нужные шаги, тотчас вернется.

Семнадцатого июня большая часть дня — самого, быть может, грустного из всех дней ожидания — прошла в крайнем унынии. Сильвиусу Хогу никак не удавалось завязать беседу, не находилось ни ободряющих слов, ни удачных мыслей. Все, что он мог сказать, было уже говорено-переговорено! А бесплодное ожидание сводило на нет все его прежние аргументы.⁸¹

— Завтра утром я отправлюсь в Христианию! — решительно сказал он. — Жоэль, раздобудьте-ка мне повозку. Вы проводите меня до Мела и вернетесь обратно в Дааль.

— Хорошо, господин Сильвиус, — ответил тот. — Но разве вы не хотите, чтобы я довез вас до места?

Профессор отрицательно качнул головой, указав ему взглядом на Гульду, которую не хотел лишать общества брата.

В этот момент на дороге, ведущей в Мел, послышался еле различимый шум. Все прислушались. Вскоре сомнения отпали: то был шум повозки, которая мчалась в сторону Дааля. Кто же это ехал — какой-нибудь путешественник, желающий заночевать в гостинице? Вряд ли, — туристы редко прибывали сюда в столь поздний час.

Гульда, дрожа всем телом, вскочила с места. Жоэль бросился к двери, распахнул ее и всмотрелся.

Шум приближался. Да, это и впрямь был топот лошадиных копыт и скрип колес. Но жестокий порыв ветра заставил Жоэля прикрыть дверь.

Сильвиус Хог нервно шагал взад-вперед по залу. Брат и сестра сидели рядом, замерев в ожидании.

Сейчас повозка должна была находиться не более чем в двадцати метрах от дома. Замедлит ли она ход? Или проедет мимо?

Сердца присутствующих сильно забились.

Повозка остановилась. Послышался чей-то голос, звали хозяев. Но это не был голос Оле Кампа.

Раздался стук в дверь.

Жоэль отворил ее.

На пороге стоял незнакомый человек.

— Господин Сильвиус Хог? — спросил он.

— Это я, — ответил профессор, выступив вперед. — Кто вы, друг мой?

— Нарочный из Министерства морского флота Христиании.

— Вы привезли письмо для меня?

— Да, вот оно.

⁸⁰ Силуэт — очертание предмета, человека.

⁸¹ Аргумент — логический довод, служащий основанием доказательства.

И человек вынул большой конверт с печатями министерства.

У Гульды подкосились ноги. Жоэль подхватил ее и усадил на скамеечку. Ни тот, ни другая не осмеливались просить Сильвиуса Хога поскорее распечатать письмо.

Наконец он вскрыл его и прочел следующее:

«Господин профессор!

В ответ на ваш последний запрос посылаю в приложении к настоящему письму документ, подобранный в море датским судом пятого июня сего года. К сожалению, указанный документ не оставляет более сомнений в гибели «Викена»...»

Не дочитав письмо, Сильвиус Хог извлек из конверта документ, о котором шла речь, — листок бумаги, который он недоуменно повертел в руках.

Это был лотерейный билет за номером 9672.

На обороте билета было нацарапано несколько строчек:

«3 мая.

Дорогая Гульда, «Викен» сейчас затонет... Этот билет — все мое богатство. Поручаю его воле Божией, пусть он дойдет до тебя и, поскольку меня не будет, прошу тебя присутствовать при розыгрыше. Шлю его вместе с последней мыслью о тебе. Гульда, поминай меня в молитвах! Прощай, дорогая моя невеста, прощай!

Оле КАМПА».

Глава XII

Так вот в чем заключался секрет молодого моряка! Вот на что он уповал, надеясь подарить состояние своей невесте! Лотерейный билет, купленный незадолго до отъезда... В момент кораблекрушения он запечатал его в бутылку и бросил в море, посылая любимой последнее «прощай!».

На этот раз даже Сильвиус Хог поник в отчаянии. Он молча переводил взгляд с билета на письмо и обратно. Что тут говорить?! Можно ли теперь сомневаться в катастрофе, постигшей «Викен», и в гибели всех, кто находился на его борту?!

Пока Сильвиус Хог читал письмо, Гульда вся сжалась и словно окаменела в тоске. Но, услышав последние слова Оле, запечатленные на билете, она без чувств упала на руки Жоэля. Девушку перенесли в комнату, и фру Хансен привела ее в себя. Но Гульда захотела остаться одна и теперь, стоя на коленях у постели, молилась за душу погибшего Оле Кампа.

Фру Хансен вернулась в зал. Сперва она направилась к профессору, как бы желая что-то сказать ему, но потом, видимо передумав, скрылась в своей комнате.

Жоэль, выйдя от сестры, тотчас покинул дом. Он задыхался там, куда ворвались, казалось, все злые ветры земли. Ему требовался горный воздух, горный ураган, и весь остаток ночи он прошагал по берегу Маана.

Сильвиус Хог остался в одиночестве. Сраженный зловещей новостью, он тем не менее очень скоро обрел привычную энергию. Пройдясь несколько раз по залу, он прислушался, не зовет ли Гульда. Но в ее комнате стояла тишина; тогда профессор присел к столу, и мысли его приняли иное направление.

«Как?! — говорил он себе. — Неужто девушка больше никогда не увидит своего жениха! Неужто возможно такое страшное горе! Нет, нет! Вся моя душа восстает против этого! Предположим, «Викен» действительно затонул, но разве это непреложно доказывает гибель Оле? Я не могу поверить! При любом кораблекрушении одно только время может показать, все ли погибли. Да, я не верю в несчастье, я обязан не верить в него, даже если Гульда, Жоэль и все остальные не разделят со мною мои сомнения. «Викен» затонул... Но

разве не могли остаться от него обломки на волнах, — ведь осталась же невредимой бутылка, в которую бедняга Оле вложил свое последнее напутствие невесте и последнее свое достояние».

И Сильвиус Хог еще и еще раз оглядывал, вертел, щупал и изучал клочок бумаги, на котором несчастный юноша строил надежды на благополучие.

Желая разглядеть его внимательнее, профессор встал, прислушался, не зовет ли Гульда мать или брата, и, ничего не услышав, вошел к себе в комнату.

Билет принадлежал к так называемой Школьной лотерее Христиании, в ту пору весьма популярной в Норвегии. Главный выигрыш составлял сто тысяч марок, что равняется ста тысячам франков. Общая стоимость остальных выигрышей — девяносто тысяч марок. Число билетов достигало одного миллиона, и в настоящее время все они были распроданы.

На билете Оле Кампа стоял номер 9672. Но, увы, вне зависимости от того, проиграет или выиграет номер, на который делалась ставка, через двадцать восемь дней, то есть к розыгрышу пятнадцатого июля, молодого моряка здесь уже не будет. И, согласно последней воле жениха, Гульде предстояло занять его место и откликнуться в случае успеха.

Поднеся билет к стоящему на полу канделябру, Сильвиус Хог внимательно вчитывался в строки, набросанные на оборотной стороне, словно искал в них другой, тайный смысл.

Они были написаны чернилами, твердым почерком, свидетельствующим о том, что рука Оле при этом не дрожала. Значит, в момент крушения «Викена» молодой боцман сохранял хладнокровие. Следовательно, он находился в таких условиях, когда мог бы воспользоваться какими-нибудь средствами к спасению, — схватиться, скажем, за обломок рангоута, за оторванный планшир, если только все это не кануло в ту же пучину, где сгнула шхуна.

Чаще всего подобные документы, подобранные в море, более или менее точно указывают, в каком районе судно потерпело бедствие. Здесь же не значилась ни широта, ни долгота, ничего, что говорило бы, близ каких берегов или островов затонула шхуна. Отсюда вывод: ни капитан, ни члены экипажа не знали местонахождения «Викена». Наверняка он был сбит с курса одним из тех яростных штормов, коим невозможно противостоять, а постоянно затянутое тучами небо не позволило определить положение корабля по солнцу. И стало быть, являлось опасение, что никому и никогда не удастся узнать, в какой точке северной Атлантики, далеко или близко от Ньюфаундленда или Исландии, морская бездна поглотила злосчастных моряков.

И это обстоятельство отнимало последнюю надежду даже у того, кто упорно противился отчаянию.

В самом деле, укажи записка хотя бы туманный намек на координаты⁸² судна, можно было бы предпринять поиски, послать спасательное судно к месту кораблекрушения и отыскать обломки, позволяющие определить их принадлежность «Викену». И кто знает, не удалось ли одному или нескольким членам экипажа добраться до арктического континента, где они сейчас терпят лишения, не имея возможности достичь родных берегов?

Вот какое предположение зародилось у Сильвиуса Хога, но вряд ли оно порадовало бы Гульду и Жоэля; профессор и сам поостерегся бы делиться с ними такой догадкой, ибо, не сбудься она, их постигло бы еще более мучительное разочарование.

«Однако, — раздумывал он, — если записка не содержит никаких полезных указаний, то известно, по крайней мере, в каком районе была подобрана бутылка. В письме из Христиании об этом не говорится, но в министерстве-то должны знать. Разве нельзя использовать подобные сведения для дальнейших поисков? Разве нельзя, приняв во внимание направление морских течений и пассатов,⁸³ в соответствии с примерной датой

⁸² Координаты — здесь: точки на карте, определяющие положение данного судна на море.

⁸³ Пассаты — постоянные ветры, дующие между тропиками и экватором в Северном и Южном полушариях навстречу друг другу.

кораблекрушения, рассчитать... Нет, я должен потребовать новых поисков, и притом спешных, как ни мало у нас шансов на успех. И разумеется, я не брошу бедняжку Гульду. Пока мы не получим неопровержимых доказательств гибели ее жениха, я в нее не поверю».

Так рассуждал Сильвиус Хог, решив одновременно, что не станет никого посвящать в свои дальнейшие действия и в те поиски, которые он благодаря своему влиянию надеялся продолжить. Вот почему ни Гульда, ни ее брат не узнали о том, что профессор опять написал в Христианию. Кроме того, он отложил свой завтрашний отъезд на неопределенное время, а вернее сказать, на несколько дней, по истечении которых собирался отправиться в Берген. Там он хотел разузнать у господ Хелп все имеющее отношение к «Викену», посоветоваться с наиболее опытными моряками и разработать план дальнейших поисков.

А тем временем сведения, полученные Министерством морского флота, просочились сперва в прессу Христиании, затем во все прочие газеты Норвегии и Швеции, а за ними следом и в европейские издания; они подробно описывали лотерейный билет, превратившийся в свидетельство катастрофы. Этот последний привет жениха невесте тронул души читателей, и общественное мнение прониклось к Оле и Гульде искренним сочувствием.

Первым опубликовала историю «Викена» старейшая норвежская газета «Morgen Blad». За нею остальные тридцать семь газет, выходившие в то время в стране, также поведали ее своим читателям в самых трогательных выражениях. «Morgen Blad» поместила на своих страницах картинку, изображающую кораблекрушение. На ней «Викен», растерзанный бурей, с изодранными в клочья парусами, со сломанными мачтами, погружался в морскую пучину. Стоящий на палубе Оле бросал в волны бутылку с запиской и, с последней мыслью о Гульде, поручал свою душу Господу. Сбоку, в аллегорической дали, окутанной легкой дымкой, прибрежная волна выносила бутылку на берег, прямо к ногам юной безутешной невесты. Все вместе было заключено в виньетку⁸⁴ лотерейного билета, чей номер красовался сверху на видном месте. Картинка эта, при всей своей наивности, имела громадный успех в здешних краях, где до сих пор верили в легенды об ундинах⁸⁵ и валькириях.⁸⁶

Затем история Оле и Гульды, обрастающая на ходу подробностями и комментариями, дошла до Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки. Журналисты и иллюстраторы не жалели на нее перьев и красок. Юная норвежка из Дааля, сама того не ведая, разбудила и взволновала общественное мнение. Бедная девушка и заподозрить не могла, что сделалась знаменитостью. Впрочем, даже это не смогло бы отвлечь ее от скорби, в которую она была погружена.

И нужно ли удивляться результату подобной шумихи на обоих материках — результату вполне объяснимому, если принять во внимание тот факт, что человеческая натура весьма охотно идет навстречу всему таинственному и сверхъестественному? Лотерейный билет номер 9672, подобранный в море при трагических обстоятельствах и столь необычным образом спасенный из волн, не мог не оказаться счастливым. Уж не ему ли было предназначено выиграть главный приз в сто тысяч марок?! Не он ли стоил целого состояния — того состояния, на которое так горячо уповал Оле Камп?!

Вот почему не приходится удивляться, что со всех концов страны в Дааль посыпались предложения купить билет, если Гульда Хан-сен согласится продать его. Сперва суммы,

⁸⁴ Виньетка — украшение в книге или на листе в виде небольшого затейливого рисунка.

⁸⁵ Ундина — сказочное существо женского пола, якобы живущее в воде и вступающее в любовную связь с людьми.

⁸⁶ Валькирии — в древнескандинавской мифологии — воинственные девы-богини, которые помогали героям в битвах и уносили души умерших в загробное царство, где прислуживали им на пирах в пышном дворце.

предлагаемые за билет, были вполне скромны, но вскоре они стали увеличиваться день ото дня. И ясно было, что по мере приближения дня розыгрыша цена билета будет только возрастать.

Предложения о продаже поступали не только от жителей скандинавских стран, охотно верящих в сверхъестественные силы, но даже из-за границы, в первую очередь из Франции. За ними последовали флегматичные британцы и даже американцы, хотя они, как известно, не любят выбрасывать свои доллары на разные фантазии. Некоторые письма были адресованы прямо в Дааль. Газеты не преминули опубликовать размеры денежных сумм, предлагаемых семье Хансен. Все это напоминало маленькую биржу, чей курс акций постоянно менялся, — правда, только в сторону повышения.

Таким образом, цена за билет достигла многих сотен марок при том, что у него был всего один шанс на миллион получить главный выигрыш. Бессмысленно было рассчитывать на успех, но здравомыслие и суеверия — вещи несовместимые. И разумеется, суеверия брали верх над рассудком, вселяя в души людей сверхрадужные, почти несбыточные надежды.

Так оно на самом деле и получилось. Спустя неделю газеты сообщили, что цена билета поднялась до тысячи, потом до полутора тысяч и затем перешагнула за две тысячи марок. Один англичанин из Манчестера предложил за него целых сто фунтов стерлингов, то есть две с половиной тысячи марок. А некий американец из Бостона увеличил ставку, объявив, что готов купить билет номер 9672 Школьной лотереи Христиании за тысячу долларов, иными словами, почти за пять тысяч франков.

Само собой разумеется, что Гульду никак не волновал ажиотаж публики. Она даже не читала писем по поводу билета, приходящих в Дааль. Однако профессор счел нужным ознакомить ее с предложениями о продаже, поскольку Оле Камп завещал билет номер 9672 именно ей.

Но Гульда наотрез отказалась продать билет: ведь это было последнее письмо ее жениха.

Только не следует думать, что бедная девушка сделала это, надеясь получить какой-нибудь выигрыш в лотерею. Отнюдь нет! Она видела в билете лишь последнее воспоминание об Оле, которое собиралась благоговейно хранить. Ей и в голову не приходило уповать на богатство, раз Оле не мог разделить его с нею. Что может быть трогательнее и печальнее, нежели это поклонение листку бумаги — памяти об ушедшем навсегда!

И конечно, ставя Гульду в известность о различных выгодных предложениях, ни Сильвиус, ни Жоэль не собирались оказывать на нее давление. Она должна была следовать только велению своего сердца. И читатель уже знает, что оно подсказало ей.

Впрочем, Жоэль всецело одобрял поступок сестры. Билет Оле Кампа не должен попасть в чужие руки, хотя бы за него предлагали золотые горы!

Профессор, со своей стороны, не просто похвалил поступок Гульды, — он поздравил ее с отказом вступать в торги. Да и можно ли было представить себе, как билет продается и перепродается, переходя из рук в руки и делаясь вульгарной разменной монетой, вплоть до того момента, когда тираж лотереи превратит его, что вполне вероятно, в никчемный клочок бумаги?!

Сильвиус Хог пошел еще дальше. Уж не был ли и сам он чуточку суеверен? Нет, конечно! Но пояись вдруг здесь Оле Камп, профессор наверняка дал бы ему следующий совет:

«Храните этот билет, мой мальчик, храните! Сперва Бог спас от гибели его, затем вас! И, кто знает... кто знает... Нет, нужно подождать!»

Если уж Сильвиус Хог, профессор законовещения и депутат стортинга, рассуждал таким образом, можно ли было удивляться лихорадке, овладевшей всеми остальными? Конечно нет: теперь выигрыш билета № 9672 ни для кого не стал бы неожиданностью.

Итак, решительно все обитатели гостиницы согласились с благородным решением девушки — все, кроме ее матери.

Действительно, фру Хансен непрестанными скрытыми намеками осуждала дочь,

особенно в ее отсутствие, причиняя Жоэлю острую душевную боль: он боялся, что мать скоро перейдет от намеков к прямым укорам и начнет, втайне от него, принуждать Гульду согласиться на сделанные предложения.

— Пять тысяч марок за какой-то билет! — твердила она. — Целых пять тысяч!

Фру Хансен явно не понимала и не желала понимать, какие благородные чувства привели ее дочь к отказу. Она видела только одно: огромную сумму в пять тысяч марок. Стоило Гульде сказать слово — и это богатство будет принадлежать им. Будучи типичной норвежкой, фру Хансен тем не менее не питала никаких суеверных мыслей по поводу билета. И ее холодный рациональный ум не мог примириться с тем, что кто-то готов пожертвовать пятью тысячами марок ради ничтожной, миллионной доли шансов выиграть сто.

Очевидно, если рассуждать здраво, отбросить предрассудки и взглянуть правде в глаза, поступок этот, при столь рискованных обстоятельствах, выглядел бессмысленным и неразумным. Но, повторяем, лотерейный билет являлся для Гульды не залогом выигрыша, а последним письмом Оле Кампа, и, расстанься она с ним, сердце ее разбилось бы от горя.

А фру Хансен все более явно осуждала поведение дочери. Чувствовалось, как в ней нарастает скрытое раздражение, и приходилось опасаться, что наступит день, когда она попытается принудить Гульду пересмотреть свое решение. Она уже не раз толковала об этом с Жоэлем, который, разумеется, неизменно и безоговорочно принимал сторону сестры.

Сильвиус Хог был, конечно, в курсе происходящего. Он понимал, что все это усугубляет горе девушки, и сострадал ей всей душой.

Жоэль иногда делился с ним своими переживаниями.

— Ну разве моя сестра не права, отказываясь продавать билет? — говорил он. — И разве я не прав, одобряя ее?

— Без сомнения, правы, мой мальчик! — отвечал Сильвиус Хог. — Разумеется, с математической точки зрения, ваша матушка рассуждает куда как разумно. Но не все в этом мире измеряется математическими расчетами, — они не имеют ничего общего с чувствами.

В продолжение двух недель Гульде требовался постоянный уход. Она была так подавлена горем, что здоровье ее внушало серьезные опасения. Хорошо, что в присмотре за нею не было недостатка. По просьбе Сильвиуса Хога его друг, знаменитый доктор Рек, приехал в Дааль для консультации. Осмотрев юную больную, он предписал ей лишь физический и душевный покой, если таковой возможен. Но единственным средством исцеления для Гульды стало бы возвращение Оле, а этим средством располагал один лишь Господь Бог. Профессор не переставал утешать девушку и внушать ей надежду на благополучный исход. Ибо, как это ни покажется странным, Сильвиус Хог все еще не отчаивался!

С момента появления билета в Даале прошло тринадцать дней. Наступило тридцатое июня. Еще две недели, и в одном из просторных общественных залов Христиании с большой помпой пройдет тираж Школьной лотереи.

И как раз утром тридцатого июня депутат получил новое письмо из Министерства морского флота. То был ответ на вторичную настойчивую просьбу о поисках «Викена». Письмо уполномочивало его связаться с морским ведомством в Бергене. Более того: в нем содержалось разрешение организовать немедленный поиск судна при финансовой поддержке правительства.

Профессор не посвятил в свои намерения ни Жоэля, ни Гульду. Он просто объявил им о своем отъезде под предлогом неотложных дел, которые задержат его всего на несколько дней.

— Ах, господин Сильвиус, не покидайте нас! — молила его девушка.

— Покинуть вас!.. Вас, которые стали мне детьми! Да разве это возможно! — отвечал он.

Жоэль предложил профессору проводить его. Но Сильвиус Хог, не желая, чтобы хозяева заподозрили, что он едет в Берген, позволил сопровождать себя только до Мела.

Вдобавок негоже было оставлять больную наедине с матерью. Проведя несколько дней в постели, она теперь начала вставать, но была еще крайне слаба и не выходила из комнаты; брат боялся надолго разлучаться с нею.

В одиннадцать часов повозка уже ожидала профессора у дверей гостиницы. Попрошавшись с Гульдой, он уселся рядом с Жоэлем, и вскоре раскидистые березы, росшие у берега за поворотом дороги, скрыли их от глаз провожающих.

В тот же вечер юноша вернулся обратно в Дааль.

Глава XIII

Итак, Сильвиус Хог отправился в Берген. Его природное упорство и энергичный характер, покачнувшись было от минутного отчаяния, быстро взяли над ним верх. Он отказывался верить в гибель Оле Кампа и мириться с тем, что Гульда никогда больше не увидит своего жениха. Нет! Он не поверит такому до тех пор, пока не получит неопровержимых доказательств обратного. Это было, как говорится, «сильнее его».

Но разве располагал он хоть каким-нибудь доводом, на котором мог бы строить планы своих действий в Бергене? Впрочем, один такой довод нашелся, правда, довольно шаткий.

Он знал, в какой день Оле Камп бросил в море бутылку с билетом, а также какого числа и в каком районе она была найдена. Об этом сообщалось в письме Министерства морского флота — оно-то и побудило его на срочную поездку в Берген, где профессор намеревался войти в сношения с торговым домом Хелпов и наиболее опытными местными мореходами. Быть может, эти сведения помогут направить поиски «Викена» по верному пути.

Поездка прошла без всяких задержек. Прибыв в Мел, Сильвиус Хог отослал обратно Жоэля с повозкой, а сам сел на одно из тех легких суденышек, что переправляют путешественников через озеро Тинн. Добравшись до Тиннусета, профессор, вместо того чтобы направиться к югу, то есть в сторону Бамбле, нанял другую повозку и поехал самой короткой дорогой Хардангера к заливу, носящему то же имя. Там он пересел на маленький пароходик «Рун», доставивший его к нижней оконечности мыса, затем преодолел множество извилистых фьордов с малыми и большими островами, коими усеяна вся прибрежная полоса Норвегии, и наконец второго июля высадился в Бергене.

Этот старинный город, омываемый водами двух фьордов — Сонь и Хардангера, — раскинулся в живописнейшей местности, которую можно было бы принять за Швейцарию, если бы вокруг последней плескались волны Средиземного моря. Величественная ясеневая аллея ведет от гавани к предместьям Бергена. Высокие остроконечные крыши сверкают белизною, напоминающей арабские селения; все эти дома расположены на территории, имеющей форму неправильного треугольника; здесь-то и обитают тридцать тысяч бергенцев. Церкви и соборы города воздвигнуты в двенадцатом веке. Готические стрелы кафедрального собора еще издалека указывают мореплавателям путь в гавань. Город считается коммерческой столицей Норвегии, хотя и лежит вдалеке от главных торговых путей и еще дальше от двух других городов, которые, с политической точки зрения, занимают первые места в королевстве, — Христиании и Тронхейма.

При других обстоятельствах профессор не преминул бы изучить этот окружной центр, имеющий вид скорее голландского, нежели норвежского города и внешне, и по образу жизни. Знакомство с Бергеном входило в программу его путешествия по стране. Но со времени приключения у Maristien и приезда в Дааль программа эта претерпела значительные изменения, Теперь Сильвиус Хог не был больше депутатом-туристом, изучающим достопримечательности Норвегии, ее политическую и торговую жизнь. Он стал гостем семьи Хансен, обязанным жизнью Гульде и Жоэлю, и их интересы вышли для него на первый план. Этот должник хотел во что бы то ни стало расплатиться с ними. «Притом, сколько бы я ни сделал для них, — думал он, — все будет мало».

Прибыв в Берген на «Руне», Сильвиус Хог высадился в порту на причал рыбного рынка и тотчас направился в квартал Тиске-Бодрен, где жил Хелп-младший.

Как и водится, лил дождь: в Бергене он идет триста шестьдесят дней в году. Но трудно найти более уютное и надежное укрытие от непогоды, чем гостеприимный дом Хелпа-младшего. Что же до встречи гостя, то нигде Сильвиусу Хогу не оказали бы более теплого, сердечного и радостного приема. Его друг завладел им, как драгоценнейшей посылкой, которую получили издалека на хранение, берегут как зеницу ока и выдадут лишь в обмен на тщательно составленную и заверенную квитанцию.

Сильвиус Хог в первую же минуту сообщил Хелпу-младшему о цели своего приезда. Он заговорил с ним о «Викене», спросил, не было ли новостей со времени его последнего письма и вправду ли местные моряки считают корабль безвозвратно погибшим. Он осведомился, не заставила ли эта катастрофа, повергшая в траур многие бергенские семьи, предпринять поиски силами местных морских властей.

— Но где же искать шхуну, — ответил Хелп-младший, — если нам неизвестен район кораблекрушения?

— Вы правы, дорогой Хелп, но именно потому, что он неизвестен, нужно постараться определить его.

— Каким же образом?

— Вот именно, каким! Мы не знаем, где затонул «Викен», но нам, по крайней мере, известно, в каком месте датское судно подобрало бутылку. А ведь это уже кое-что, и пренебрегать такими сведениями не следует.

— Что же это за место?

— А вот послушайте, дорогой Хелп!

И Сильвиус Хог сообщил другу сведения, полученные им из Христиании, добавив, что Министерство морского флота предоставило ему все полномочия для организации поисков.

Бутылка, заключавшая в себе лотерейный билет Оле Кампа, была найдена третьего июня бригам «Кристиан», находившимся под командованием капитана Моссельмана из Эльсинора, в двухстах милях к юго-западу от Исландии, при юго-восточном ветре.

Капитан тотчас, как и положено, ознакомился с документом, чтобы оказать немедленную помощь оставшимся в живых матросам с «Викена». Но в строчках, написанных на оборотной стороне билета, не содержалось никаких указаний о районе бедствия, и «Кристиан» не смог отправиться на место гибели шхуны.

Капитан Моссельман оказался честным человеком. Другой, менее совестливый, припрятал бы билет для себя. Он же думал об одном: как доставить его по адресу, едва корабль прибудет в порт. «Гульде Хансен, в Дааль» — этого было вполне достаточно, большего и не требовалось.

Однако, попав в Копенгаген, капитан Моссельман решил, что лучше передать документ датским властям, чем сразу посылать его той, кому он адресован. Это будет надежнее и правильнее. Так он и поступил, а Министерство морского флота Дании тотчас переслало его в Христианию.

К тому времени были получены первые письма Сильвиуса Хога с запросом по поводу «Викена». Его пристальный интерес к семье Хансен был общеизвестен. И поскольку профессор собирался пробыть в Даале еще некоторое время, документ, найденный датским капитаном, был отослан именно туда, для передачи Гульде Хансен.

С той поры история с билетом неослабно возбуждала общественное мнение; о ней не забывали благодаря трогательным подробностям, публикуемым на страницах газет обоих континентов.

Вот вкратце то, что Сильвиус Хог сообщил своему другу Хелпу-младшему, который выслушал его с живейшим интересом, не прерывая; под конец профессор добавил:

— Итак, мы располагаем одним точным указанием: документ был найден в двухстах милях к юго-западу от Исландии третьего июня, иначе говоря, месяц спустя после отплытия «Викена» в Европу.

— И больше вам ничего не известно?

— Нет, дорогой Хелп. Но нельзя ли мне потолковать с самыми опытными мореходами

Бергена, что много плавали в тех местах и знают направления ветров и, главное, течений: быть может, они помогли бы определить, откуда приплыла бутылка? Тогда можно было бы хоть приблизительно рассчитать скорость течения и, приняв во внимание истекшее время, установить, где именно Оле Камп бросил ее в море, то есть где именно шхуна потерпела крушение.

Но Хелп-младший неодобрительно покачал головой. Основывать попытку поиска на столь туманных сведениях, которые могло исказить множество привходящих обстоятельств, значило обречь все усилия на верный провал. Арматор был человеком холодного и практического ума, вот почему он счел своим долгом поделиться сомнениями с Сильвиусом Хогом.

— Согласен, друг мой! — ответил тот. — Но даже если мы раздобудем только косвенные сведения, это еще не причина, чтобы бросить поиски. Я намерен предпринять все возможное и невозможное для этих несчастных людей, которым обязан жизнью. Да-да, я без колебаний отдал бы все, что имею, лишь бы разыскать Оле Кампа и вернуть его невесте Гульде Хансен.

И Сильвиус Хог подробно рассказал о своем приключении в Рьюканфосе. Он описал, как бесстрашный Жоэль и его сестра рисковали своей жизнью, чтобы прийти к нему на помощь, и добавил, что без их вмешательства он сейчас не имел бы удовольствия беседовать со своим другом.

Хелп, как мы уже сказали, отнюдь не был склонен тешиться иллюзиями, однако согласился, коль скоро речь зашла о таком гуманном акте, что необходимо испробовать все, даже самые безнадежные, средства спасения. Вот почему он в конце концов одобрил план друга.

— Сильвиус, — сказал он, — я помогу вам всем, что в моих силах. Да, вы совершенно правы! Не следует пренебрегать ни малейшей возможностью отыскать потерпевших бедствие на «Викене», в том числе и этого славного Оле Кампа, чья невеста спасла вам жизнь!

— Разумеется, не следует, Хелп, — отвечал профессор, — пусть даже у нас будет один шанс из миллиона на успех!

— Итак, я сегодня же соберу у себя в кабинете самых опытных моряков Бергена. Я обращаюсь ко всем, кто плавал или плавает поныне в морях близ Исландии и Ньюфаундленда. Послушаем, что они посоветуют нам...

— И мы последуем их совету! — ответил депутат со свойственным ему воодушевлением, столь заразительным для его собеседников. — Правительство готово оказывать нам всестороннюю поддержку. Я уполномочен послать на поиски «Викена» один из авизо,⁸⁷ и, думаю, никто не откажется участвовать в столь благородном деле.

— Я иду в Морское управление, — сказал Хелп-младший.

— Хотите, я провожу вас?

— О нет, вы, должно быть, устали с дороги...

— Это я устал? В моем-то возрасте?!

— Нет-нет, дорогой мой и вечно юный Сильвиус, отдохните-ка здесь и подождите меня.

В тот же день в доме Хелпа-младшего состоялось совещание капитанов торговых судов, моряков, ходивших в дальние промысловые рейсы, и лоцманов.⁸⁸ В нем приняли участие и старые моряки, уже вышедшие на пенсию.

Сперва Сильвиус Хог обрисовал им положение дел. Он сообщил даты — третье мая,

⁸⁷ Авизо — небольшое военное судно, доставляющее приказы или уведомления.

⁸⁸ Лоцман — специалист по проводке судов в пределах определенного участка, хорошо знающий местные условия плавания.

когда Оле Камп бросил билет в море, и пятое июня, когда датский капитан выловил бутылку в двухстах милях к юго-западу от Исландии.

Обсуждение проходило долго и серьезно. Бравые моряки, все до одного, отлично знали основное направление течений близ Исландии и Ньюфаундленда, без чего решение задачи представлялось невозможным.

Один факт был неоспорим: в промежутке между отплытием «Викена» и обнаружением бутылки датской шхуной южные штормовые ветры дули не ослабевая, вызывая сильные бури в этом районе Атлантики. И кораблекрушение несомненно произошло по их вине. Вполне возможно, что «Викен», не в силах противостоять стихии, вынужден был сменить курс и идти кормою к ветру. Ко всему, именно в это время, в период равноденствия, на Атлантику начали наступление полярные льды, и шхуна могла столкнуться с одним из громадных айсбергов,⁸⁹ от которых так трудно уклониться.

Принимая во внимание последнее, экипаж, целиком или частично, мог высадиться на поверхность одной из льдин, захватив с собой некоторое количество припасов. Если такое произошло, то они имели возможность дрейфовать,⁹⁰ подгоняемые ветром к северо-западу, до гренландского побережья и высадиться там. В этом-то направлении и следовало проводить поиски.

Вот такой единодушный ответ получил на этом собрании «морских волков» Сильвиус Хог. Никто не сомневался, что искать нужно именно таким образом. Но вот что они найдут, кроме обломков «Викена», если он действительно столкнулся с огромным айсбергом? Можно ли было рассчитывать на спасение экипажа? Весьма и весьма сомнительно. И профессор убедился, что на этот прямой вопрос самые бывалые из моряков не могли или не пожелали отвечать ему. Однако это не помешало им согласиться, притом единодушно, что действовать нужно без промедления.

Обычно в Бергене стояло на якоре несколько кораблей государственной норвежской флотилии, в том числе один из трех авизо, которые несли службу на западном побережье, в гаванях Тронхейма, Финмарка, Хаммерфеста и Нордкапа. Вот и сейчас один из сторожевиков находился в Бергенском порту.

Составив памятную записку, отражающую мнение мореходов, собравшихся у Хелпамладшего, Сильвиус Хог тотчас отправился на сторожевой корабль «Телеграф». Там он сообщил командиру о специальной миссии,⁹¹ порученной ему правительством.

Капитан радушно принял профессора и объявил, что готов оказать всестороннюю помощь в поисках пропавшей шхуны. Ему уже не раз доводилось плавать в тех местах во время долгих и опасных промысловых сезонов, когда бергенских рыбаков забрасывало от Лофотенских островов и Финмарка к банкам⁹² Исландии и Ньюфаундленда. Вот почему он мог использовать свой личный опыт в благородной миссии спасения людей с «Викена» и обещал приложить к этому все силы.

Что же до протокола, составленного Сильвиусом Хогом и содержавшего указания на предполагаемое место кораблекрушения, то капитан полностью одобрил его выводы. Действительно, следовало искать спасшихся моряков или хотя бы обломки судна именно там, между Исландией и Гренландией. Если же поиски «Телеграфа» не увенчаются успехом, его командир обязался исследовать еще и прилегающие районы моря, вплоть до восточной

⁸⁹ Айсберг — «ледяная гора», плавающая в море, — масса льда, отколовшаяся от прибрежного ледника; иногда заносится за пределы полярных морей.

⁹⁰ Дрейфовать — перемещаться под воздействием ветра или течения.

⁹¹ Миссия — здесь: специальное поручение, задание.

⁹² Банка — здесь: отдельно лежащая в море мель или отдельно расположенное возвышение морского дна.

части Баффинова залива.

— Я готов поднять якорь хоть сейчас, господин Хог, — добавил капитан. — Топливо и припасы уже загружены, экипаж также весь на борту, и мы можем выйти в море прямо сегодня.

— Благодарю вас, капитан, — ответил профессор, — я очень тронут вашим приемом и отношением к этому делу. Последний вопрос: сколько времени потребуется вам на переход до Гренландии?

— Мой авизо идет со скоростью одиннадцать узлов.⁹³ Поскольку расстояние от Бергена до Гренландии составляет около двадцати градусов, я рассчитываю, что мы затратим на это плавание меньше недели.

— Постарайтесь не медлить, капитан, — попросил Сильвиус Хог. — Ведь даже если команде «Викена» и удалось спастись, она уже более двух месяцев терпит лишения и, может быть, умирает сейчас от голода и холода на каком-нибудь пустынном берегу...

— Мы не станем терять ни часа, господин Хог. Сегодня же, с отливом, выйдем в море и будем держать максимальную скорость. Как только найдем что-нибудь заслуживающее внимания, незамедлительно сообщим вам телеграфом с Ньюфаундленда.

— Ну так в путь, капитан, и да пошлет вам Бог удачу! — ответил профессор.

В тот же день «Телеграф» вышел в море под приветственные крики «ура!» всего населения Бергена. Люди с глубоким волнением следили, как он проходит извилистым фарватером⁹⁴ и исчезает из виду за последними островками фьорда.

Сильвиус Хог не ограничился организацией спасательной экспедиции, в которую послал сторожевой корабль. Он полагал, что способен на большее, дабы увеличить шансы на обнаружение следов «Викена». Разве невозможно, например, объявить род соревнования в поисках между торговыми и рыболовными шхунами, баркасами и прочими судами, что бороздят море в районе Фарерских островов и Исландии? Разумеется, можно! И вот государство предложило премию в две тысячи марок тому судну, которое первым отыщет следы кораблекрушения «Викена», и пять тысяч тому, кто найдет хоть одного спасшегося с него моряка.

Все это произошло в Бергене за те два дня, что Сильвиус Хог провел в городе, стараясь обеспечить успех спасательной кампании. В этом ему усердно помогали Хелп-младший и Морское ведомство Бергена. Господин Хелп охотно задержал бы друга подле себя еще на некоторое время. Но депутат, поблагодарив, отказался продлить свое пребывание в городе. Он хотел как можно скорее вернуться к Жоэлю и Гульде, боясь надолго предоставлять их самим себе. Хелп-младший пообещал ему незамедлительно сообщать в Дааль все новости. А дальше уже самому профессору предстояло решать, передавать ли их семье Хансен.

Утром четвертого июля он распрощался со своим другом Хелпом-младшим и сел на «Рун», чтобы пересечь Хардангерский фьорд и как можно скорее, желательно к вечеру пятого июля, добраться до Телемарка.

Глава XIV

В тот день, когда Сильвиус Хог покинул Берген, в гостинице Даалья произошла тяжелая сцена.

Казалось, после его отъезда ангел-хранитель Гульды и Жоэля унес последнюю надежду, отнял жизнь у этой семьи. В отсутствие профессора дом словно вымер.

В течение двух дней в гостиницу не заглянул ни один турист. Таким образом, Жоэлю не пришлось отлучаться и он смог побыть с сестрой, которую очень боялся оставлять одну.

⁹³ Узел морской — единица скорости, соответствует 1 морской миле в час, или 1,852 километра в час.

⁹⁴ Фарватер — путь для безопасного прохода судов, огражденный, как правило, сигнальными знаками.

Фру Хансен была не в счет: ее все сильнее снедала какая-то тайная тревога и, казалось, вовсе не заботила печаль детей и даже гибель «Викена». Она чуждалась Жоэля и Гульды и постоянно сидела у себя в комнате, выходя оттуда лишь к столу. Но если она и обращалась к сыну или дочери, то лишь со скрытыми или прямыми упреками по поводу их твердого решения не расставаться с лотерейным билетом.

Ибо поток предложений по-прежнему не иссякал. Письма приходили со всех концов света, как будто людей охватило какое-то лихорадочное безумие. «Нет, не может быть, чтобы ТАКОЙ билет не выиграл сто тысяч марок!» — твердили они. Словно в лотерее разыгрывался всего один билет за номером 9672! Первенство по-прежнему удерживали англичанин из Манчестера и американец из Бостона. Англичанин обогнал было своего конкурента на несколько фунтов, но тот вскоре увеличил «ставку» на много сотен долларов. Последняя предложенная сумма составляла восемь тысяч марок — истинное безрассудство, если только речь не шла о соперничестве на национальном уровне между Америкой и Великобританией.

Но все было тщетно: девушка упорно отвергала все эти наивыгоднейшие предложения, тем самым навлекая на себя горькие попреки фру Хансен.

— А если я тебе прикажу продать этот билет? — спросила она однажды у дочери. — Да-да, прикажу!

— Матушка, у меня сердце разорвется от горя, но я все равно откажусь.

— Ну а если его придется продать?

— Что значит «придется»? — спросил сын.

Фру Хансен ничего не ответила на этот прямой вопрос, она смертельно побледнела и, пробормотав что-то неразборчивое, скрылась в своей комнате.

— Плохо дело. По-моему, это касается матушкиных счетов с Сандгоистом, — сказал Жоэль.

— Да, братец, и я так думаю. Кажется, нас ждут серьезные неприятности.

— Бедная моя Гульда, разве мало на нас свалилось за последние недели, какие же еще напасти могут угрожать нам?!

— Господи, хоть бы господин Сильвиус поскорее вернулся! — сказала девушка. — Когда он здесь, у меня не так тяжело на сердце...

— Но чем он сможет помочь? — уныло промолвил ее брат.

Какая же тайна крылась в прошлом фру Хансен и почему она не поделилась ею со своими детьми? Неужто самолюбие мешало ей объяснить причину своего беспокойства? Неужто она считала себя в чем-то виноватой перед ними? И, с другой стороны, отчего она так упорно пыталась принудить дочь продать билет Оле Кампа за ту высокую цену, которой он достиг? И откуда эта внезапная алчность к деньгам? Но вот настал день, когда Гульда и Жоэль узнали все.

Утром четвертого июля молодой человек проводил сестру к маленькой часовне, где она каждодневно молилась за погибшего жениха.

Как и обычно, он подождал ее у дверей, и теперь они возвращались домой.

Вдруг они увидели вдаль, у опушки, фру Хансен, которая быстрым шагом направлялась к гостинице.

Она была не одна. Ее сопровождал человек, который повелительно жестикулировал и, судя по всему, говорил в полный голос.

Гульда и ее брат застыли на месте.

— Кто бы это мог быть? — спросил Жоэль.

Девушка прошла вперед и внимательно взгляделась.

— Я узнаю его, — сказала она.

— Ты его знаешь?

— Да. Это Сандгоист.

— Сандгоист из Драммена? Тот самый, что приезжал в мое отсутствие?

— Да!

— И который вел себя как хозяин, словно у него есть все права... на матушку... а, быть может, и на нас?

— Он самый, братец, и, скорее всего, он приехал сегодня заявить о них...

— Да какие там еще права!.. Нет, уж нынче-то я узнаю, что он за птица!

И Жоэль, не без труда овладев собой, обогнал сестру и поспешил к гостинице.

Тем временем фру Хансен и Сандгоист уже подошли к дверям. Мужчина вошел, как ни странно, первым, за ним хозяйка, и двери за ними закрылись.

Жоэль и Гульда приблизились к дому, откуда доносился зычный голос визитера. Они остановились и вслушались. Потом умоляющим тоном заговорила фру Хансен.

— Войдем! — решительно сказал брат.

И оба они — одна со стесненным сердцем, другой, дрожащий от нетерпения и гнева — оказались в большом зале, отворив тщательно прикрытую дверь.

Сандгоист сидел в кресле и даже не потрудился встать при виде брата и сестры. Он только повернул голову и взглянул на них поверх очков.

— Ага, вот и прелестная Гульда, если не ошибаюсь! — провозгласил он тоном, который очень не понравился Жоэлю.

Фру Хансен стояла перед этим человеком в униженной позе просительницы. Но, увидев детей, она резко выпрямилась и, по-видимому, пришла в сильное замешательство.

— А это, вероятно, ее брат? — добавил мужчина.

— Да, ее брат! — ответил тот.

И, шагнув к креслу, в котором сидел гость, спросил:

— Чем могу служить?

Сандгоист бросил на него недобрый взгляд и, по-прежнему не вставая, заявил, грубо и бесцеремонно:

— Сейчас узнаете, юноша! По правде говоря, вы явились вовремя. Мне не терпелось увидеть вас, и, думаю, мы сговоримся, если только сестрица ваша не вздумает капризничать. А ну-ка, садитесь, и вы тоже, девушка!

Невежа приглашал их сесть, словно находился у себя в доме, и Жоэль вслух отметил это.

— Ах, ах, какие мы обидчивые! Черт подери, да этот парень на рожон лезет!

— Жоэль! — воскликнула фру Хансен.

— Братец... братец! — взмолилась и Гульда, взглядом упрасывая брата сдержаться.

Молодой человек величайшим усилием воли овладел собою и, подавив желание вышвырнуть грубияна за дверь, отошел в угол зала.

— Ну, могу я, наконец, говорить? — спросил Сандгоист.

В ответ последовал лишь кивок фру Хансен, но этого ему оказалось достаточно.

— Итак, я изложу дело и прошу всех вас слушать внимательно, я повторяться не люблю.

Судя по этим словам, он чувствовал себя полным хозяином положения.

— Из газет я узнал о происшествии с неким Оле Кампом, молодым моряком из Бергена, пославшим лотерейный билет своей невесте Гульде в тот момент, когда его судно «Викен» терпело крушение. Я узнал также, что большинство людей считает этот билет чуть ли не волшебным, в силу обстоятельств, при коих он был найден. Кроме того, я узнал, что все приписывают ему особые шансы на выигрыш в лотерее. И наконец, я узнал, что Гульде Хансен были сделаны предложения о продаже билета, и предложения наивыгоднейшие.

Он на мгновение смолк, затем спросил:

— Это все правда?

Ответ последовал далеко не сразу.

— Да, правда, — сказал наконец Жоэль. — Что дальше?

— Дальше? — переспросил Сандгоист. — А дальше вот что: разумеется, все эти предположения основаны на глупейших суевериях, вот каково мое мнение на сей счет. Но от этого цена на билет не упадет, а будет подниматься, как я полагаю, все выше и выше, по

мере приближения дня розыгрыша. Я же коммерсант и намерен заняться этим делом самолично. Вот почему я выехал вчера из Драммена в Дааль и желаю взять на себя куплю-продажу этого билета, а фру Хансен должна уступить мне право первенства среди прочих желающих приобрести его.

Первым порывом девушки было желание сообщить Сандгоисту, как она отнеслась ко всем сделанным ей предложениям, хотя тот обращался не прямо к ней, однако Жоэль опередил ее.

— Перед тем как дать ответ господину Сандгоисту, — сказал он, — я хотел бы спросить: знает ли он, кому принадлежит билет?

— Ну разумеется, Гульде Хансен.

— Так, стало быть, у Гульды Хансен и надобно спросить, намерена ли она продать его.

— Жоэль! — вмешалась фру Хансен.

— Позвольте мне договорить, матушка, — продолжал ее сын. — Разве билет не принадлежал на вполне законных основаниях нашему кузену Оле Кампу, и разве он не имел права завещать его своей невесте?

— Несомненно! — отвечал Сандгоист.

— Значит, для того, чтобы приобрести его, следует обращаться к Гульде Хансен, и только к ней!

— Согласен, господин формалист,⁹⁵ — сказал гость. — Итак, я прошу Гульду продать мне билет за номером девять тысяч шестьсот семьдесят два, полученный ею от Оле Кампа.

— Господин Сандгоист, — твердо объявила девушка, — мне было сделано множество таких предложений, но я все их отклонила. И вам я отвечу то же, что ответила другим. Если мой жених послал мне билет со своим последним «прости», значит, он хотел, чтобы я сохранила его, а не продавала. Поэтому я не расстанусь с ним ни за какие деньги.

С этими словами Гульда собралась покинуть зал, полагая, что разговор, — по крайней мере, в том, что касалось ее лично, — исчерпан этим отказом. Но по знаку матери ей пришлось остановиться.

Фру Хансен невольным жестом выдала свое разочарование, а нахмуренные брови и сверкнувшие глаза Сандгоиста явно свидетельствовали о закипавшем в нем гневе.

— Да, Гульда, останьтесь! — приказал он. — Вы еще не сказали последнего слова, и, если я настаиваю на продаже билета, то, поверьте, имею на это право. Впрочем, я вижу, что неясно выразился или, скорее, что вы меня плохо поняли. Очевидно, что шансы билета на выигрыш не могли возрасти в силу того факта, что он был закупорен в бутылку рукою терпящего бедствие и что бутылку эту столь удачно выловили в море. Но разве можно спорить с безумцами? Они готовы на все, лишь бы завладеть этим волшебным билетом. Они жаждут купить его и не успокоятся, пока не добьются своего. И вот я повторяю: это выгодное дело, и я приехал предложить вам прибыльную сделку.

— Трудновато же вам будет договориться с моей сестрой, сударь, — иронически ответил ему Жоэль. — Вы ей толкуете о сделке, а она вам — о чувствах, вы говорите на разных языках.

— Все это пустая болтовня, молодой человек, — отрезал Сандгоист, — и когда я закончу объяснения, вы убедитесь, что дело это выгодно сколько для меня, столько и для нее самой. Добавлю, что оно в равной мере окажется выгодным и для ее матери, которая прямо в нем заинтересована.

Жоэль и Гульда переглянулись. Неужели они наконец узнают то, что фру Хансен так упорно скрывала?

— Итак, я продолжаю, — сказал Сандгоист. — Я не претендую на покупку билета по той цене, которую заплатил за него Оле Камп. Отнюдь! Разумно это или неразумно, ныне

⁹⁵ Формалист — блюститель пустых формальностей, то есть внешних требований и условий при исполнении какого-нибудь дела.

стоимость его возросла. И я готов понести некоторые расходы, чтобы стать его обладателем.

— Но ведь вам же сказали, — возразил Жоэль, — что Гульда отвергла предложения наверняка более выгодные, чем ваше.

— Да неужто?! — воскликнул наглый визитер. — Более выгодные предложения! Скажите на милость! А разве вам известны мои?

— Каковы бы они ни были, моя сестра отказывает вам, и я ее одобряю.

— Но с кем же я все-таки имею дело, с Жоэлем или с Гульдой Хансен?

— Моя сестра и я — одно целое, — ответил юноша. — Вы, может быть, не знали этого, ну так узнайте сейчас!

Ничуть не обескураженный, Сандгоист только пожал плечами. Потом он продолжил, как человек, абсолютно уверенный в своих доводах:

— Когда я говорил о цене билета, мне следовало разъяснить, что я готов предложить вам такие условия, какие Гульда, в интересах своей семьи, не сможет отвергнуть, как бы ей этого ни хотелось.

— Ах, вот как?!

— Да! А теперь, мой милый, объявляю вам, что я приехал в Дааль вовсе не для того, чтобы умолять вашу сестрицу уступить мне этот билет. Нет, тысяча чертей, нет и нет!

— Тогда зачем же?

— Я не просить приехал, а требовать! Да-да, я требую!

— А по какому праву? — вскричал Жоэль. — По какому праву вы, чужак, осмеливаетесь говорить таким тоном в доме моей матери?

— А по такому праву, — ответил Сандгоист, — по которому каждый человек может говорить все, что хочет и когда хочет, в своем собственном доме!

— В собственном доме?!

И Жоэль, вне себя от возмущения, бросился к Сандгоисту, который, не будучи пугливого нрава, все же торопливо выбрался из кресла. Но Гульда удержала брата; тем временем фру Хансен, спрятав лицо в ладонях, медленно отошла на другой конец зала.

— Братец!.. Взгляни на нее! — крикнула девушка.

Жоэль резко обернулся, и при виде матери вся его ярость вмиг угасла. Одного взгляда на фру Хансен было достаточно, чтобы понять: она находится в полной власти негодяя.

А тот, заметив колебания юноши, сразу воспрянул духом и вернулся на свое место.

— Да, я у себя в доме! — еще более угрожающе объявил он. — После смерти своего супруга фру Хансен пускалась в различные аферы,⁹⁶ которые кончились крахом, и потеряла те немногие деньги, что он оставил ей. Пришлось занимать у одного банкира в Христиании. А в залог она предложила вот этот дом, оцененный в пятнадцать тысяч марок, и получила заем под обязательство, оформленное по всем правилам, которое я, Сандгоист, и выкупил у ее заимодавца. И теперь гостиница принадлежит мне или, вернее, будет принадлежать очень скоро, если долг не будет возвращен в срок.

— Какой же это срок? — спросил Жоэль.

— Двадцатое июля, через восемнадцать дней, — ответил гость. — И в указанный день, понравится вам это или нет, я стану здесь хозяином!

— Вы станете здесь хозяином только тогда, когда вам не уплатят в срок! — возразил молодой человек. — А до тех пор я запрещаю вам говорить таким тоном в присутствии моей матери и сестры!

— Он мне запрещает! Мне! — заорал Сандгоист. — А вот осмелится ли его мать запретить мне что бы то ни было?

— Да говорите же, матушка! — взмолился Жоэль, подойдя к матери и пытаясь развести руки, которыми она закрывала лицо.

— Братец, братец! — вскричала Гульда. — Пожалей ее... прошу тебя, успокойся!

⁹⁶ Афера — темное дело, жульническое мероприятие.

Фру Хансен, в отчаянии склонившая голову, не осмеливалась взглянуть на сына. Увы! Все сказанное было правдой: в течение нескольких лет после смерти мужа она пускалась в разные сомнительные предприятия, надеясь таким образом приумножить свое скромное состояние. Но малая толика денег, которыми она располагала, быстро обратилась в ничто, и вскоре ей пришлось решиться на разорительный заем. А теперь залоговое обязательство попало в лапы Сандгоиста из Драммена, известного всей стране бессердечного, жестокого ростовщика.⁹⁷ Фру Хансен впервые увидела его в тот день, когда он явился в Дааль, желая воочию оценить стоимость гостиницы.

Так вот она — тайна, довлевшая над жизнью фру Хансен! Вот чем объяснялось ее поведение, ее неприступная замкнутость и нежелание довериться своим детям! Вот отчего она чуждалась их: ей было стыдно признаться в том, что она разрушила их будущее.

Гульде даже страшно было представить, что их теперь ждет. Да, Сандгоист вполне мог командовать и навязывать им свою волю. Ведь через две недели билет, который он намерен купить, потеряет свою ценность, и, если она не уступит его, их ожидает разорение, дом будет продан, а семья Хансен останется на улице без гроша. Им грозит нищета.

Девушка боялась взглянуть на брата. Но тот, исполненный гнева, не думал о предстоящем несчастье. Он видел перед собою только Сандгоиста: если этот человек опять заговорит таким наглым тоном, он, Жозель, не сможет больше владеть собой.

А ростовщик, вообразив себя хозяином положения, дал волю грубой бесцеремонности.

— Я желаю получить этот билет, и я его получу! — повторил он. — А в обмен я предлагаю не деньги, разумеется, да и кто определит истинную стоимость билета? — но отсрочку платежа по обязательству, подписанному фру Хансен, на год... даже на два!.. Ладно, Гульда, так и быть, назовите срок сами!

Девушка, чье сердце разрывалось от боли, не в силах была ответить. Это сделал за нее брат, воскликнув:

— Билет Оле Кампа не может быть продан Гульдой Хансен! На что бы вы ни замахивались, чем бы ни грозили, моя сестра отказывается это сделать! А теперь уходите!

— Уйти! — закричал негодяй. — Ну нет, я отсюда не уйду! Если вам этого мало... я предложу больше!.. Да, да!.. Я предложу за билет... предложу... предложу...

Похоже было, что Сандгоист и впрямь жаждал завладеть билетом, — вероятно, он истово верил в то, что дело это крайне выгодное. Он бросился к столу, где стояла чернильница с пером, схватил лист бумаги и миг спустя объявил:

— Вот что я предлагаю!

Это была расписка на сумму, которую задолжала фру Хансен и в обмен на которую он возвращал ей дом в Даале.

Умоляюще стиснув руки, почти коленапреклоненная, фру Хансен взглядом заклинала дочь.

— А теперь давайте билет! — заключил Сандгоист. — Я хочу получить его... немедленно... сейчас же!.. Я не уеду без него из Даала! Я хочу его, Гульда!.. Я хочу его!

И он двинулся к бедной девушке с таким видом, словно намеревался обыскать ее, чтобы вырвать билет Оле.

Этого Жозель стерпеть не мог, тем более что он услышал возглас сестры:

— Братец!.. Братец!..

— Да уберетесь ли вы наконец! — закричал он.

И, поскольку Сандгоист не останавливался, Жозель было кинулся на него, как вдруг Гульда сказала:

— Матушка, вот билет!

И пока фру Хансен, проворно схватив его, обменивала на расписку Сандгоиста, Гульда в полуобмороке упала в кресло.

⁹⁷ Ростовщик — тот, кто дает деньги «в рост», в долг под большие проценты.

— Гульда, Гульда! — воскликнул Жоэль. — Опомнись! Ах, сестра, что ты наделала!

— Что она наделала? — отозвалась фру Хансен. — Не упрекай ее, Жоэль! Это я во всем виновата! Да, я одна! Я хотела умножить деньги вашего отца в ваших интересах, а вместо этого разорила вас, навлекла нищету на этот дом... Но Гульда спасла всю семью... Вот что она сделала... Благодарю тебя, Гульда... благодарю!

Сандгоист все еще стоял рядом. Жоэль оглянулся на него.

— Вы еще здесь?! — вскричал он.

Подбежав к ростовщику, он схватил его, приподнял и, не обращая внимания на вопли и сопротивление, вышвырнул прочь, за дверь.

Глава XV

Вечером следующего дня Сильвиус Хог вернулся в Дааль. Он ни словом не обмолвился о своей поездке в Берген, и никто так и не узнал, что он побывал там. Пока розыски не дадут каких-нибудь результатов, профессор не хотел сообщать о них семье Хансен. Он попросил адресовать все письма и депеши⁹⁸ из Бергена и Христиании ему лично, в гостиницу, где собирался следить за дальнейшим ходом событий. Надеялся ли он на благоприятный исход? Да, надеялся, но теперь приходилось признать, что это было лишь смутное предчувствие, и ничего более.

Едва переступив порог гостиницы, профессор заметил, что в его отсутствие случилось нечто серьезное. Поведение Гульды и Жоэля явно свидетельствовало о том, что между ними и их матерью произошло решительное объяснение. Какое же новое несчастье обрушилось на семью Хансен?

Молчание брата и сестры тяжело удручало Сильвиуса Хога. Он проникся к ним столь искренними отеческими чувствами, что не смог бы привязаться сильнее и к собственным детям. Ему очень не хватало их во время короткой отлучки, как, вероятно, и им не хватало его.

«Они расскажут мне, в чем дело, — думал он. — Непременно расскажут! Ведь я — член их семьи!»

Да, теперь Сильвиус Хог полагал, что обрел право вмешиваться в личную жизнь своих юных друзей, знать, отчего Жоэль и Гульда выглядят еще более несчастными, чем до его отъезда. И он не замедлил выяснить это.

В самом деле, брат и сестра собирались поведать о своей беде этому добрейшему человеку, которого полюбили как отца. Они только ждали, чтобы он сам начал разговор. В течение последних двух дней они чувствовали себя одинокими и покинутыми, тем более что Сильвиус Хог не сообщил, куда едет. Никогда еще время не тянулось так невыносимо медленно! Им и в голову не приходило, что отлучка была связана с поисками «Викена» и что Сильвиус Хог скрыл от них цель поездки, боясь причинить лишнюю боль в случае неудачи.

И каким необходимым стало для них теперь присутствие профессора! Как нужно было им видеть его, советоваться с ним, да просто слышать его успокаивающий, уверенный, бодрый голос! Но, с другой стороны, как осмелиться описать ему сцену, произошедшую между ними и ростовщиком из Драммена, признаться в том, что фру Хансен разорила их семью?! Что подумает их старший друг, узнав, что Гульда рассталась с билетом и что мать использовала его, чтобы избавиться от мертвой хватки безжалостного кредитора?!⁹⁹

И все же Сильвиус Хог узнал все. Неизвестно, кто заговорил первым — сам он, Жоэль или его сестра. Да это и не важно! Главное, профессор был посвящен в курс дела, в положение фру Хансен и ее детей. Через две недели ростовщик выбросил бы их из

⁹⁸ Делепа — срочное письменное сообщение; телеграмма.

⁹⁹ Кредитор — дающий что-либо в долг, в кредит с выгодой для себя.

гостиницы на улицу, если бы они не погасили долг ценою этого билета.

Итак, Сильвиус Хог выслушал грустный рассказ Жоэля.

— Нельзя было отдавать билет! — вырвалось у него сперва. — Нет, ни в коем случае нельзя было!

— Но как я могла не отдать, господин Сильвиус?.. — ответила глубоко взволнованная девушка.

— Да... да, конечно!.. Вы не могли поступить иначе!.. И, однако... Ах, если бы я был при этом!..

Как поступил бы профессор Сильвиус Хог, будь он при этом? Он ничем не объяснил свои слова и лишь добавил:

— Да, милые мои Гульда и Жоэль, в сущности, вы лишь исполнили свой долг! Но меня просто бесит, что этот Сандгоист воспользуется суеверными ожиданиями людей и выжмет из билета бедняги Оле максимальный барыш для себя. И все же смешно, глупо, нелепо верить в то, что именно этот номер обязательно будет отмечен благосклонностью судьбы! Нет, если хорошенько подумать, я на вашем месте не отдал бы билета. Если уж Гульда отказала в нем Сандгоисту, то не должна была отдавать его и своей матушке.

Брат и сестра не нашлись что ответить на эти упреки. Уступая билет фру Хансен, Гульда следовала велению дочернего долга, — можно ли было порицать ее за такой поступок?! И ведь пожертвовала она не билетом, чьи шансы на выигрыш представлялись более чем сомнительными, нет! — она пожертвовала последней реликвией,¹⁰⁰ напоминающей о женихе, и тем самым нарушила его волю.

Но теперь делать было уже нечего. Билетом завладел Сандгоист. Он принадлежал ему. А ростовщик, конечно, продаст его с аукциона.¹⁰¹ Подумать только: этот алчный скряга набьет свою кошницу с помощью трогательного прощального привета погибшего моряка! Нет, Сильвиус Хог не мог мириться с этим!

Вот почему в тот же день он пожелал переговорить по этому поводу с фру Хансен: конечно, разговор этот ничего уже не мог изменить, но необходимость в нем назрела давно. Впрочем, фру Хансен показала себя весьма практичной женщиной, несомненно, наделенной в большей степени здравым смыслом, нежели материнской любовью.

— Вы, верно, осуждаете меня, господин Хог? — спросила она, дав сперва профессору выговориться вволю.

— Разумеется, фру Хансен.

— Если вы порицаете ту опрометчивость, с какою я бросилась в спекуляции, разорив своих детей, то вы правы. Но если вы упрекаете меня в том, каким образом я избавилась от угрозы разорения, то вы неправы. Что вы на это скажете?

— Ничего.

— Посудите сами, можно ли было отказаться от предложения Сандгоиста. Ведь он в конечном счете уплатил пятнадцать тысяч марок за ничего не стоящую бумажку. Я еще раз спрашиваю вас, можно ли было отказаться?

— И да и нет, фру Хансен.

— Двух ответов быть не может, только «нет»! Не будь положение столь безнадежным — по моей вине, я это признаю! — я поняла бы отказ Гульды!.. Да, я поняла бы, почему она не хочет расставаться с билетом, полученным из рук Оле Кампа. Но ведь через несколько дней нас выгнали бы из дома, где родились мои дети, где умер мой муж, так неужто же вы, господин Хог, поступили бы на моем месте иначе?

¹⁰⁰ Реликвия — особо чтимая, дорогая по воспоминаниям вещь, например, оставшаяся после известного, уважаемого или любимого человека.

¹⁰¹ Аукцион — публичная продажа, при которой продаваемая вещь или ценность приобретается лицом, предложившим за нее наивысшую сумму.

— Да, фру Хансен, да!

— Как же вы поступили бы?

— Я бы испробовал все возможное, лишь бы не жертвовать билетом, который попал к моей дочери при подобных обстоятельствах!

— Разве обстоятельства эти помогут делу?

— Это никому не известно, ни вам, ни мне.

— Да нет, господин Хог, напротив, очень даже хорошо известно. Билет этот — всего лишь билет, у которого всего лишь один шанс из миллиона выиграть что-либо. И оттого, что он побывал в бутылке, подобранной в море, шансов этих больше не станет.

Сильвиус Хог не нашелся с ответом на этот вполне разумный довод. Поэтому он обратился к сентиментальной¹⁰² стороне дела, сказав:

— Положение таково: в момент кораблекрушения Оле Камп завещал Гульде единственное свое достояние. И даже просил присутствовать на розыгрыше с билетом в руке, если тот каким-нибудь чудом попадет к ней. А теперь у нее нет этого билета.

— Если бы Оле Камп вернулся, — ответила фру Хансен, — он, не колеблясь, уступил бы билет Сандгоисту.

— Возможно, — согласился ее собеседник, — но только он один имел бы право решать это. Что же вы ответите ему, если он не погиб, если он спасся от смерти, если он вернется... завтра... или сегодня?

— Оле не вернется, — глухо произнесла фру Хансен. — Он погиб, господин Хог, и погиб безвозвратно.

— Этого пока утверждать нельзя, фру Хансен! — вскричал профессор с необычайной силой убеждения. — Начаты весьма серьезные поиски потерпевших бедствие! И они могут увенчаться успехом, да-да, успехом, еще до того, как состоится тираж лотереи. Стало быть, вы не имеете права говорить о смерти Оле Кампа, пока мы не получим неопровержимых доказательств тому, что он погиб, утонув вместе с «Викеном». И если я сейчас не сообщаю об этом вашим детям, то лишь потому, что не хочу подавать им надежду, которая может вылиться в тяжкое разочарование. Но вам, фру Хансен, я скажу все, что думаю. Я не верю, что Оле мертв, нет, я не могу в это поверить!.. Не могу и не хочу!..

В области чувств фру Хансен нелегко было тягаться с профессором. Она смолчала и, хотя была нетипичной норвежкой во всем, что касалось суеверий, все же испуганно вздрогнула и втянула голову в плечи, словно Оле Камп и впрямь вот-вот должен был предстать перед нею.

— Во всяком случае, — продолжал Сильвиус Хог, — до того, как распорядиться билетом Гульды, вы обязаны были сделать одну очень простую вещь, фру Хансен, а вы ее не сделали.

— Что же это за вещь, господин Хог?

— Вам следовало сперва обратиться за помощью к друзьям — друзьям вашей семьи. Они, верно, не отказали бы в помощи, либо перекупив у Сандгоиста ваше обязательство, либо предоставив вам необходимую сумму для уплаты по нему.

— Господин Хог, у меня нет друзей, к которым я могла бы обратиться с такой просьбой.

— Нет, есть, фру Хансен, по крайней мере, я знаю одного, и он сделал бы это не раздумывая, да притом в знак признательности.

— Кто же это?

— Депутат стортинга, некий Сильвиус Хог.

Бедная женщина даже не смогла ответить: она лишь низко склонилась перед профессором.

— Но, к сожалению, все уже потеряно, — продолжал тот. — Прошу вас, фру Хансен,

¹⁰² Сентиментальный — чувствительный, обращенный к чувству, а не к разуму.

ничего не говорить детям о нашем разговоре и никогда более не возвращаться к нему.

И они разошлись.

Профессор вернулся к обычному образу жизни, возобновив ежедневные экскурсии. Вместе с Жоэлем и Гульдой он совершал многочасовые прогулки в окрестностях Дааля, не забываясь, впрочем, слишком далеко, чтобы не утомлять молодую девушку. А вернувшись в гостиницу, принимался за свою корреспонденцию, поток которой все еще не иссякал. Сам он писал письмо за письмом в Берген и в Христианию, подстегивая собственной энергией усердие тех, кто соревновался теперь в благородном деле поисков «Викена». Все его существование свелось к одной-единственной задаче — найти Оле, разыскать Оле!

Ему даже пришлось на сутки отлучиться из Дааля по мотивам, несомненно, имевшим прямое отношение к делам семьи Хансен. Но он, как и в прошлый раз, ни словом не обмолвился о том, чем занимался — сам или с помощью других — во время отсутствия.

А здоровье Гульды, так сильно подорванное тяжкими испытаниями, восстанавливалось крайне медленно. Бедняжка жила теперь лишь воспоминаниями об Оле; надежда на его спасение все реже посещала ее и слабела день ото дня. Хорошо хоть, что возле нее постоянно находились два самых близких ей в этом мире человека, и один из них не уставал ободрять ее. Но разве этого было достаточно?! И как отвлечь Гульду от скорбных мыслей, на которых сосредоточилась вся ее душа и которые словно тяжелыми цепями приковали ее к погибшему жениху.

Так наступило двенадцатое июля.

Через четыре дня должен был состояться тираж Школьной лотереи Христиании.

Само собой разумеется, что выгодное дельце, которое Сандгоист обстряпал с билетом, стало достоянием широкой общественности. По его наущению все газеты объявили, что «знаменитый и чудесный билет за номером 9672» находится ныне у господина Сандгоиста из Драммена и может быть продан тому, кто предложит за него наивысшую цену. Откуда следовало, что, если ростовщик завладел этим билетом, значит, он купил его за немалые деньги у Гульды Хансен.

Вполне понятно, что подобное объявление могло сильно уронить репутацию девушки в общественном мнении. Как! Она соблазнилась высокой ценой и продала билет погибшего, билет своего жениха Оле Кампа! Она обратила в деньги последнее воспоминание о нем! Какой позор!

Но вот в «Morgen Blad» весьма кстати появилась статья, разъяснявшая читателям, что произошло на самом деле. Все узнали, чем вызвано вмешательство Сандгоиста в эту историю и каким образом билет попал к нему в руки. И теперь уже всеобщее негодование обрушилось на драмменского ростовщика, на этого алчного бессердечного процентщика, который не постыдился обратить себе на пользу несчастья семьи Хансен. Вот почему произошла удивительная вещь: словно по внезапному общему сговору, к новому владельцу билета перестали поступать предложения о продаже. Казалось, билет, обладавший в руках Гульды волшебными свойствами, разом утратил их, будучи осквернен прикосновением грязного дельца. Итак, Сандгоист заключил весьма убыточную сделку и ему грозило остаться ни с чем, имея в качестве утешения лишь знаменитый билет за номером 9672.

Разумеется, ни Гульда, ни Жоэль не были в курсе всего происходившего. И слава Богу! Им было бы тяжело сознавать себя замешанными во все перипетии¹⁰³ этого дела, принявшего, со вмешательством ростовщика, столь грязный оборот.

Вечером восемнадцатого июля на имя профессора Сильвиуса Хога пришло письмо.

В пакете с печатями Министерства морского флота лежало, кроме официального послания, еще и другое, отправленное из Кристиансанна — небольшого порта, расположенного у входа в залив Христиании. По всей видимости, оно не содержало ничего нового для депутата, ибо он сунул его в карман, ничего не сказав ни Жоэлю, ни его сестре.

¹⁰³ Перипетии — неожиданные осложнения, затруднительные, запутанные обстоятельства.

Но, пожелав им доброй ночи и уходя к себе в комнату, он заметил:

— Знаете, дети мои, ведь тираж лотереи состоится через три дня. Вы не хотели бы присутствовать на нем?

— Зачем, господин Сильвиус? — промолвила Гульда.

— И все же, — продолжал профессор, — Оле ведь просил, чтобы его невеста приехала на розыгрыш, он специально упомянул об этом в своем письме, и я думаю, следует уважать его последнюю волю.

— Но ведь у Гульды больше нет билета, — ответил Жоэль. — И один Бог знает, в чьи руки он теперь угодил.

— Это не важно, — возразил профессор. — Я тем не менее прошу вас обоих сопровождать меня в Христианию.

— Вам этого хочется, господин Сильвиус? — спросила девушка.

— Это не я, а Оле так хотел, и нужно выполнить его просьбу.

— Господин Сильвиус прав, сестра, — сказал Жоэль. — Да, мы должны сделать это. Когда вы думаете ехать?

— Завтра на рассвете, и да поможет нам Святой Олаф!

Глава XVI

На следующее утро повозка мастера Ленглинга увезла из Даалья Сильвиуса Хога и Гульду, усевшихся рядом в тесном пестром кузове. Как уже известно, для Жоэля места не хватало, вот почему этот славный парень шагал впереди лошади, весело потряхивающей на ходу гривой.

Четырнадцать километров, отделяющие Дааль от Мела, были для этого неутомимого ходока пустышной прогулкой.

Повозка ехала левым берегом Маана по живописнейшей долине Вестфьорддааля, представлявшей собою узкое мрачноватое ущелье с тысячами небольших, но бурных водопадов, что низвергались в реку с разной высоты. При каждом повороте прихотливо выходящей дороги в небе то возникала, то исчезала двойная макушка горы Геусты, увенчанная сверкающей снежной шапкой.

Небо очистилось, погода установилась великолепная: воздух был не слишком холодным, солнце — не слишком жарким.

Интересная подробность: с той минуты, как Сильвиус Хог покинул гостиницу, лицо его как бы прояснилось. Без сомнения, он заставил себя «повеселеть», чтобы поездка хоть немного развеяла Гульду и Жоэля.

Им понадобилось не более двух с половиной часов, чтобы достичь Мела, стоявшего на дальнем берегу озера Тинн. Здесь лошадь пришлось остановить — дальше пути не было, разве что повозка поплыла бы по воде. В этом месте начинались так называемые «озерные подставы» или, по-норвежски, «vand-skyde». Путников ждали легкие суденышки, бороздящие вдоль и поперек озеро Тинн.

Повозка остановилась подле маленькой церквушки селения, у подножия водопада высотой в пятьсот футов. Водопад этот, видимый лишь на одну пятую, теряется в глубочайшей горной расщелине и прямо оттуда низвергается в озеро.

У крайнего причала стояли двое перевозчиков, а на воде покачивалась готовая к переправе легонькая лодка из березовой коры, из тех неустойчивых суденышек, которые грозят опрокинуться при каждом неосторожном движении пассажиров.

Озеро сияло во всем своем утреннем великолепии. Едва выглянув из-за горизонта, солнце прогнало ночной туман, и теперь путников ждал редкий по красоте летний день.

— Вы не слишком устали, милый Жоэль? — спросил профессор, едва сойдя с повозки.

— Что вы, господин Сильвиус, я ведь привык к долгим переходам по Телемарку!

— Да, верно. Скажите-ка, известен ли вам самый короткий путь от Мела до Христиании?

— Конечно. Нужно сперва добраться до противоположного берега, в Тиннусет. Вот только не уверен, что мы достанем там повозку, — жаль, не послали вперед «forbud», чтобы он предупредил о нашем прибытии, как это обычно делают в здешних местах...

— Не беспокойтесь, мой мальчик, я это предвидел, — ответил профессор. — Я вовсе не намерен заставлять вас шагать пешком от Дааля до самой Христиании.

— Ну, если бы нужно было!.. — воскликнул Жоэль.

— Нет-нет, это не понадобится! Но вернемся к нашему маршруту: расскажите-ка мне дальнейший путь.

— Дальше, господин Сильвиус, мы выедем из Тиннусета, обогнем озеро Фоль, минуем Вик и Болькесьон, доберемся до Месы, а оттуда — до Конгсберга, Хангсунда и Драммена. Если будем ехать и днем и ночью, то не позже завтрашнего полудня попадем в Христианию.

— Прекрасно, Жоэль! Я вижу, вы хорошо знаете страну, и к тому же ваш маршрут включает в себя самые живописные места.

— И он самый короткий из всех.

— Ну, это как раз не важно! — заметил профессор. — Но послушайте, Жоэль, мне известен другой путь, который удлинит нашу поездку всего на несколько часов. И вы, мой мальчик, отлично его знаете, хотя на сей раз скромно умолчали о нем.

— Какой же это путь?

— А тот, что проходит через Бамбле.

— Через Бамбле?

— Да-да, через Бамбле! И не притворяйтесь глухим! Именно через Бамбле, где живут фермер Хельмбе и его дочь Зигфрид.

— Ах, господин Сильвиус!..

— И мы поедем именно по этому маршруту: ведь если, огибая озеро Фоль, свернуть не к северу, а к югу, мы все равно доберемся до Конгсберга, не так ли?

— Конечно, доберемся, и даже с большими удобствами, — отвечал улыбаясь Жоэль.

— Спасибо вам за брата, господин Сильвиус! — сказала Гульда.

— Надеюсь, вы благодарите также и за себя, милая Гульда, — ведь вам приятно будет увидеться с вашей подругой Зигфрид!

Тем временем лодку подготовили к переправе. Трое путников уселись ближе к корме, на охапку зеленых веток. Лодочники выгребли на середину озера, и водное путешествие началось.

Стоит отплыть подальше от берега, как становится видно, что озеро Тинн постепенно закругляется сразу же после Хекеноеса — крошечного поселка в два-три домика, угнездившегося на скалистом выступе, омываемом водами узкого фьорда, в который свободно изливаются воды Маана. Здесь озеро все еще зажато крутыми берегами, которые, однако, мало-помалу расступаются, давая путникам возможность оценить высоту окружающих гор: их величавая красота радует взгляд, когда суденышко, крошечное, как скорлупка, плывет вдоль их мощных гранитных подножий.

Повсюду на пути встречается множество островов и островков — то бесплодных, каменистых, то заросших пышной зеленью; на некоторых виднеются рыбацьи избышки. По волнам плывут стволы деревьев и бревенчатые плоты, спущенные на воду с близлежащих лесопилен.

Последнее обстоятельство заставило Сильвиуса Хога пошутить, — верно, ему уж очень хотелось развлечь своих спутников:

— Если, по словам наших норвежских поэтов, озера — это глаза Норвегии, то нужно признать, что у Норвегии в каждом глазу по бревну, подобно тому, что говорится в Библии.

К четверем часам дня лодка прибыла в Тиннусет, заштатное селенье, где туристам не приходилось рассчитывать на особые удобства. Впрочем, это было не важно: Сильвиус Хог и не намеревался останавливаться здесь хотя бы на час. Как он и сообщил Жоэлю, на берегу их уже ждала подстава. Ибо профессор в предвидении этой поездки, давным-давно уже им задуманной, написал в Христианию господину Бенетту, прося обеспечить ему средства

передвижения, не грозящие задержками или неудобствами в пути. Вот почему в условленный день в Тиннусете их ожидала старинная коляска с поставцом,¹⁰⁴ полным припасов. Итак, нашим путешественникам был обеспечен транспорт до самого места назначения и еда на все время поездки, что избавляло их от печальной необходимости питаться в пути полусваренными яйцами, кислым молоком и пустой похлебкой — этой спартанской пищей¹⁰⁵ селений Телемарка.

Тиннусет расположен едва ли не в самой дальней точке озера Тинн. Оттуда Маан низвергается довольно красивым водопадом в нижнюю долину, где возобновляет свой обычный бег. Лошади, приведенные с почтовой станции, были уже запряжены в коляску, и путники тотчас покатали в сторону Бамбле.

В те времена передвижение такого рода было единственным способом путешествий по Норвегии вообще и по Телемарку в частности. Что ж, быть может, когда-нибудь железные дороги заставят туристов пожалеть о типично норвежской повозке и старинных колясках господина Бенетта!

Само собой разумеется, что Жоэль как бывалый гид прекрасно знал эту часть страны, — ведь он нередко курсировал между Даалем и Бамбле.

Было восемь часов вечера, когда Сильвиус Хог, Гульда и Жоэль прибыли в это небольшое селение.

Там их не ждали, но от этого прием фермера Хельмбе не оказался менее радушным. Зигфрид нежно обняла подругу, отметив про себя, как та побледнела и поникла от горя. Молодые девушки на несколько минут остались одни и смогли поделиться друг с дружкой своими переживаниями.

— Прошу тебя, милая Гульда, не поддавайся печали! — сказала Зигфрид. — Я все еще надеюсь. Зачем же отчаиваться и ставить крест на бедном Оле! Мы недавно узнали из газет, что опять проводятся поиски «Викена». И они будут успешны, вот увидишь!.. Да и господин Сильвиус, я уверена, не теряет надежды!.. Гульда, милая, умоляю тебя... не горюй так!

Но та в ответ лишь заплакала, прикинув к плечу подруги.

Ах, какая радость воцарилась бы в доме фермера Хельмбе, в душах всех этих славных, добрых, простых людей, если бы судьба распорядилась иначе!

— Значит, вы едете напрямик в Христианию? — спросил фермер у Сильвиуса Хога.

— Да, господин Хельмбе.

— Хотите присутствовать на розыгрыше?

— Разумеется.

— К чему это теперь, — ведь билет Оле Кампа попал в лапы негодяя Сандгоиста!

— Оле хотел, чтобы Гульда присутствовала на тираже, — ответил профессор. — Нужно уважать его последнюю волю.

— Говорят, драмменский ростовщик купил этот билет задорого, а вот покупателя-то на него не нашел.

— Да, так говорят, господин Хельмбе.

— Ну, что ж, по заслугам ему и честь, этому мерзавцу, этому жулику... Да-да, жулику, господин Хог! Так ему и надо!

— Верно, господин Хельмбе, так ему и надо!

Разумеется, им пришлось задержаться на ферме, чтобы поужинать. Зигфрид и ее отец ни за что не отпустили бы своих друзей, не приветив и не угостив их. Но и тянуть с отъездом тоже не следовало, ведь путникам необходимо было наверстать за ночь те несколько часов, что они провели в Бамбле. Вот почему к девяти часам вечера один из местных парней привел лошадей с почтовой станции и запряг их в коляску.

¹⁰⁴ Поставец — сундучок с провизией, взятой в дорогу.

¹⁰⁵ Спартанская пища — скудная, простая.

— Ну, до следующего свидания, господин Хельмбе, — сказал Сильвиус Хог фермеру. — В другой раз я не стану спешить и просижу с вами за столом хоть шесть часов, коли захотите. Но сегодня давайте-ка заменим десерт добрым крепким рукопожатием между нами и дружеским поцелуем между вашей прелестной Зигфрид и моей милой Гульдой.

С тем путешественники и отбыли.

На этой северной широте в июле долго не темнеет, вот почему ночь еще не спустилась на землю и горизонт был ясно виден еще в течение нескольких часов после заката.

От Бамбле к Конгсбергу ведет живописная, хотя и довольно ухабистая дорога, проходящая через Хаттердааль и южную оконечность озера Фоль. Она пересекает также значительную часть южного Телемарка, являясь связующим звеном между поселками, фермами и селениями этого района.

Спустя час Сильвиус Хог и его спутники проехали мимо церкви Хаттердаала, старинного, довольно любопытного строения, увенчанного множеством остроконечных шпилей,¹⁰⁶ теснящихся там, наверху, с полным пренебрежением к чистоте архитектурного стиля. Все было сделано из дерева, начиная со сруба из толстых бревен, обшитых сверху досками внахлест, и кончая флюгером¹⁰⁷ самой высокой колоколенки. Эта церковь, являющая собой целое скопление разновысоких башенок, известна как весьма почтенный и почитаемый памятник скандинавской архитектуры XIII века.

Постепенно наступила ночь — одна из тех ночей, что еще пронизаны последними отблесками дня и, не успев окончательно победить его, почти сразу после полуночи вновь растворяются в забрезжившей заре.

Жоэль о чем-то хмуро размышлял на передней скамье экипажа, Гульда забилась в глубь коляски и молчала. Один Сильвиус Хог заговорил, да и то всего лишь попросил возницу подстегнуть лошадей. А потом тишина нарушалась лишь звоном бубенчиков на сбруе, шелканьем кнута да скрипом колес на разбитой дороге.

Так они ехали всю ночь, не сменяя лошадей. Решено было не останавливаться в Листьюсе — на весьма неудобной почтовой станции, затерянной в котловине среди поросших ельником гор, которые, в свою очередь, окружены вторым кольцом каменистых хребтов, голых и диких. Также, без остановки, они миновали Тунесс, красивое селение, где некоторые дома стоят на деревянных сваях. Коляска неслась вперед, громяхая и звеня всеми своими железными частями — незакрепленными болтами, ослабленными рессорами; зато кучера упрекнуть было не в чем: этот добродушный старикан, полудремлющий на облучке, исправно, хотя и беззлобно, нахлестывал лошадей, отдавая притом особое предпочтение левой. Дело в том, что правая лошадь принадлежала ему лично, а левая — соседу.

В пять часов утра Сильвиус Хог открыл глаза, потянулся и с наслаждением вдохнул свежий, напоенный хвойным ароматом, утренний воздух.

Они прибыли в Конгсберг. Коляска проехала по мосту через Лааген и, миновав церковь, остановилась неподалеку от водопада Ларбре.

— Друзья мои, — сказал Сильвиус Хог, — с вашего позволения, мы здесь только сменим лошадей. Обедать все равно еще рано. Лучше сделаем остановку в Драммене и там уж как следует угостимся, чтобы сэкономить припасы господина Бенетта.

Так и решили. Профессор и Жоэль пропустили по стаканчику водки в гостинице «Рудники». Четверть часа спустя им привели свежих лошадей, и поездка продолжилась.

При выезде из города экипажу пришлось одолеть довольно крутой подъем дороги, дерзко вырубленной прямо по склону горы. Вскоре вдали зачернели силуэты высоких

¹⁰⁶ Шпиль — здесь: вертикальное острие, «игла», венчающая крышу.

¹⁰⁷ Флюгер — прибор для указания направления ветра (в простейшем виде — металлический флажок, свободно вращающийся на вертикально поставленном шесте).

терриконов¹⁰⁸ — то были серебряные рудники Конгсберга. Но минуто спустя их заслонил густой ельник; под его темные, холодные, как погреб, своды не проникали ни летнее тепло, ни солнечные лучи.

В городке сплошных деревянных домиков Хангсунде путников ждала новая подстава. Дальше коляска помчалась по нескончаемо длинным дорогам, кое-где перегороженным шлагбаумами: здесь полагалось уплатить дорожную пошлину — пять-шесть скиллингов. Это был район плодородных земель, со множеством фруктовых деревьев, походивших на плакучие ивы, — так низко склонились их отягощенные плодами ветви. Ближе к Драммену местность опять вздыбилась холмами.

В полдень они завидели расположенный в одном из рукавов фьорда город с двумя бесконечно длинными улицами, ярко раскрашенными домами и всегда оживленной гаванью, где между плотами сплавного леса, заполонившего почти всю акваторию, с трудом пробирались прибывшие за рыбой суда.

Коляска остановилась перед гостиницей «Скандинавия». На пороге появился хозяин заведения, важный седобородый толстяк.

При виде новоприбывших он тут же заявил с тонкой проницательностью, свойственной всем рестораторам мира:

— Не удивлюсь, если господа, равно как и юная фрекен, пожелают отобедать у меня!

— Вот именно, не удивляйтесь, — отвечал Сильвиус Хог, — и велите поскорее подавать на стол.

— Сию минуту, сударь.

Обед и в самом деле был скоро подан; он оказался выше всяческих похвал, особенно одно блюдо — рыба из фьорда, начиненная душистыми травами, которую профессор отведал с явным удовольствием.

В половине первого экипаж, запряженный свежими лошадьми, забрал путников у гостиницы «Скандинавия» и неторопливо покатил вверх по главной улице Драммена.

Когда он поравнялся с неказистым, приземистым строением, угрюмо стоящим среди веселых соседних домиков, Жоэль вдруг гадливо передернулся и невольно вскрикнул:

— Сандгоист!

— Ага, стало быть, вот он каков, этот господин Сандгоист! — заметил Сильвиус Хог. — Физиономия у него и впрямь злобная.

Действительно, то был Сандгоист; он курил, стоя в дверях своего дома. Неизвестно, успел ли он узнать Жоэля, сидевшего на передней скамейке экипажа, который быстро скрылся за штабелями бревен и досок.

Промчавшись по дороге, обсаженной рябинами с тяжелыми кистями коралловых ягод, коляска въехала в густой сосняк, обрамляющий так называемую Райскую долину — величественную, необычайной красоты впадину, идущую уступами вниз до самого горизонта. В глаза путникам бросились сотни холмов и пригорков; чуть ли не у каждого на вершине красовалась либо вилла, либо хуторок. С наступлением вечера, когда экипаж, минуя обширные заливные луга, начал спускаться к морю, на его пути стали попадаться фермы; их ярко-красные стены резко выделялись на черно-зеленом фоне леса. И наконец путники увидели сам фьорд Христиании, в окружении живописных холмов, с его бесчисленными бухтами и заливами, миниатюрными портами, деревянными причалами, куда подходили и легкие лодки, и пассажирские пароходы.

В девять часов вечера — время, когда на этой широте еще совершенно светло, — старинная коляска въехала в город, будя грохотом колес уже дремлющие улицы.

Следуя указаниям Сильвиуса Хога, кучер остановился у гостиницы «Виктория». Там предстояло заночевать Гульде и Жоэлю. Комнаты им были сняты заранее. Сердечно попрощавшись с ними, профессор направился в свой дом, где его старые слуги Кэт и Финк с

¹⁰⁸ Террикон — конической формы отвал пустой породы, извлеченной из шахты, рудника.

нетерпением ожидали хозяина.

Глава XVII

Христиания, которая считается крупнейшим городом Норвегии, выглядела бы в Англии или во Франции совсем небольшим городком. Если бы не частые пожары, она и донныне сохранила бы свой облик XI века. Свое современное летосчисление она ведет с 1624 года, когда король Кристиан полностью перестроил ее, дав городу вместо женского имени Опселе свое собственное. С тех пор Христиания и носит имя своего царственного зодчего. Ныне это аккуратно распланированный город с широкими прямыми улицами и ровными рядами домов, сложенных из белого камня или красного кирпича. Посреди довольно красивого парка возвышается королевский дворец Оскарслот — обширное квадратное здание без определенного стиля. Там и сям высятся церкви, чье скромное внутреннее убранство вряд ли способно отвлечь верующих от их благочестивых мыслей. И наконец, здесь имеется несколько общественных зданий и заведений, а кроме того, огромный рынок под купольной крышей, куда свозятся все иностранные и местные продукты питания.

В целом городской ансамбль не вызывает особого интереса. Зато беспредельного восхищения заслуживает его местоположение в котловине, окруженной горными хребтами, столь разнообразными по красоте, что они являют собой поистине роскошную оправу для города. Если центральная часть Христиании с современными богатыми кварталами расположена на почти плоской равнине, то окраины, образующие род касбы,¹⁰⁹ карабкаются вверх по взгорьям; здесь обитает народ победнее, и домишки, деревянные либо кирпичные, отличаются грубой, кричащей раскраской, скорее тревожащей, нежели чарующей взгляд.

Не следует думать, что слово «касба», привычное для африканских городов, не может быть приложимо к северной Европе. Взять Христианию: разве не походят ее портовые кварталы на тунисские, марокканские, алжирские? И хотя здесь не сыщешь тунисцев, марокканцев и алжирцев, все-таки местное пестрое, постоянно меняющееся население вполне стоит того, что обитает на севере Африки.

Одним словом, как и всякий город, чье подножие омывается морем, а голова высится над изумрудно-зелеными холмами, Христиания необыкновенно красочна. Не будет преувеличением сравнить ее залив с Неаполитанской бухтой. Так же, как и берега Сорренто и Каstellамаре, ее побережье усеяно виллами и шале, полускрытыми темной зеленью ельников и той легкой дымкой, что придает им типичный «туманный» характер гиперборейских¹¹⁰ краев.

Итак, Сильвиус Хог вернулся в родную Христианию. Правда, возвращение это произошло в условиях, которые он и предвидеть не мог, начиная свое путешествие. Ну что ж, не беда, если оно и прервалось столь необычным образом, — он довершит его в следующем году! А сейчас нужно было заняться делами Жоэля и Гульды Хансен. Он не поселил их у себя в доме, по его словам, лишь потому, что для этого требовалось подготовить две комнаты. Разумеется, его старые слуги Финк и Кэт оказали бы гостям самый радушный прием. Но для этого нужно было много времени. Вот почему профессор предпочел поселить их в гостинице «Виктория», особо рекомендовав хозяину этих постояльцев. А рекомендация депутата стортинга Сильвиуса Хога стоила того, чтобы оказать им исключительное внимание.

Однако, прося о таком обслуживании, какое предоставили бы ему самому, профессор поостерегся назвать в «Виктории» имена своих гостей. Сохранить их инкогнито казалось ему вполне благоразумным и в отношении Жоэля, и, главное, Гульды Хансен. Известно, какая

¹⁰⁹ Касба — здесь: квартал городской бедноты, расположенный на возвышенности.

¹¹⁰ Гиперборейский — здесь: северный.

шумиха поднялась вокруг девушки и как она могла досадить ей здесь, в городе. Лучше было никому не знать о ее приезде в Христианию.

Они договорились встретиться на завтра к обеду, иначе говоря, между одиннадцатью и двенадцатью часами дня.

Дело в том, что Сильвиусу Хогу предстояло уладить кой-какие проблемы, обещавшие занять все утреннее время, и он должен был прийти за своими юными друзьями, как только все закончит. После чего они уже не расстанутся до самого тиража, который состоится в три часа пополудни.

Проснувшись, Жоэль тотчас поспешил к сестре. Она уже оделась и ждала его в своей комнате. Решив отвлечь сестру от тягостных мыслей, которые нынче должны были особенно печалить ее, он предложил прогуляться по городу. Гульда, в свою очередь, не желая огорчать брата, согласилась, и они побрели наугад по улицам.

Было воскресенье. В противоположность чинной тишине, типичной для северных городов по воскресным дням, когда гуляющих почти не видно, нынче на улицах царило необычное оживление. Их заполняли горожане, отказавшиеся сегодня от поездки в деревню, и деревенские жители, хлынувшие в столицу из окрестных селений. По местной железной дороге, обслуживающей район Христиании, пустили даже дополнительные поезда, столько любопытных и прямо заинтересованных лиц привлекла популярная в народе Школьная лотерея.

Вот отчего люди шли по улицам города целыми семьями, даже целыми деревнями, — все с тайной надеждой, что поездка их не окажется бесплодной. Подумать только! Ведь распродан был миллион билетов: сколько же славных людей могли выиграть хотя бы сто или двести марок и, благословляя судьбу, вернуться обратно в свои жалкие домишки или на бедные хутора!

Покинув гостиницу «Виктория», Жоэль и Гульда первым делом спустились к набережной, которая полукружием огибала восточную оконечность бухты. Здесь, у воды, народу было поменьше, люди теснились главным образом в кабачках, где пиво и водка, подаваемые полными кружками и не менее полными стаканами, освежали пересохшие от постоянной жажды глотки.

Пока брат с сестрой пробирались между лавками, грудями бочек и штабелями ящиков самого различного назначения, глаза их были прикованы к кораблям, стоящим у причала и на рейде. Наверняка какие-нибудь из них приписаны к бергенскому порту, куда «Викену» уже не суждено вернуться.

— Оле!.. Бедный мой Оле!.. — прошептала Гульда.

Жоэль поспешил увести сестру подальше от гавани, в верхние кварталы города. Но там, на улицах и на площадях, посреди оживленно толкующих групп людей, им пришлось выслушать немало слов, прямо их касающихся.

— Ну как же! — заявлял один из беседующих. — За этот номер девять тысяч шестьсот семьдесят два им ведь предложили целых десять тысяч марок!

— Десять тысяч? — воскликнул другой. — А я слышал, будто давали не меньше двадцати!

— А господин Вандербильд из Нью-Йорка дошел аж до тридцати!

— Господа Беринги из Лондона — до сорока!

— А господа Ротшильды из Парижа покупали за шестьдесят тысяч!

Читатели знают, насколько достоверны все эти преувеличения, столь охотно распространяемые толпой. Еще немного, и цена билета превзошла бы размеры главного выигрыша!

Но если авторы новостей не сходились в вопросе о предложенных Гульде суммах, то все они вполне единодушно оценивали козни ростовщика из Драммена.

— Ну и гнусный же мошенник Сандгоист! Как было не пожалеть таких славных людей!

— Да его уж давно знает весь Телемарк, это ведь не первая его проделка!

— Говорят, он выложил за билет кругленькую сумму, а покупателя-то на него и не нашлось.

— Верно! Никто не захотел с ним якшаться.

— И неудивительно! Билет был хорош, только пока им владела Гульда Хансен!

— Ясное дело! В лапах Сандгоиста он и гроша ломаного не стоит!

— Так ему и надо! Пускай потеряет те пятнадцать тысяч, что выложил за него!

— А вдруг этому негодяю достанется главный выигрыш!

— Ему-то!.. Ну уж вы скажете!

— Такое было бы совсем несправедливо! Во всяком случае, пусть поостережется соваться нам на глаза!

— Верно, уж мы его встретим по-свойски!

Вот каково было всеобщее мнение о Сандгоисте. Впрочем, по этой ли, по другой ли причине, ростовщик как будто не намеревался приезжать на розыгрыш лотереи: мы уже знаем, что накануне он еще находился у себя дома, в Драммене.

Гульда пришла в крайнее замешательство, она тяжело опиралась на руку брата, который старался побыстрее миновать беседующих и не вслушиваться в их речи; оба вдруг испугались, что многочисленные доброжелатели из толпы узнают их и, чего доброго, вздумают приветствовать.

Они питали смутную надежду повстречать где-нибудь на улице Сильвиуса Хога. Но этого не случилось. Однако по нескольким замечаниям, оброненным в толпе на площади, они поняли, что о возвращении профессора в Христианию уже стало известно. С утра его видели шагающим по городу с озабоченным видом человека, у которого нет ни минуты свободной ни для расспросов, ни для ответов; путь его лежал то в сторону порта, то в Министерство морского флота.

Конечно, Жоэлю достаточно было спросить у любого прохожего, где живет профессор Сильвиус Хог, и ему тотчас поспешили бы указать его дом или даже проводили бы. Но он побоялся проявить назойливость и, поскольку встреча их была назначена в гостинице, решил вернуться именно туда.

Да и Гульда в половине одиннадцатого попросила брата о том же. Она чувствовала себя усталой и разбитой, к тому же пересуды толпы, где то и дело звучало ее имя, сильно расстроили ее.

Вернувшись в «Викторию», она тотчас поднялась в свою комнату, чтобы дожидаться там прихода Сильвиуса Хога.

Что же касается Жоэля, то он остался в вестибюле гостиницы. Зайдя в читальный салон, он машинально принялся перелистывать газеты Христиании.

Вдруг лицо его покрылось бледностью, взгляд помутился и газета выпала из рук.

В «Morgen Vlad», среди новостей с моря, он прочел следующее сообщение, поступившее с Ньюфаундленда:

«Сторожевой корабль «Телеграф», прибыв в предполагаемый район кораблекрушения шхуны «Викен», не обнаружил там никаких следов бедствия. Поиски на Гренландском побережье также не дали никаких результатов. Следовательно, можно утверждать с полной уверенностью, что ни одному члену экипажа «Викена» спастись не удалось».

Глава XVIII

— Здравствуйте, господин Бенетт! Мне всегда приятно пожать вам руку, когда представляется такой случай!

— А для меня это всегда почетно, господин Хог!

— Приятно, почетно, почетно, приятно... что ж, одно стоит другого, не правда ли? —

весело отвечал профессор.

— Я вижу, ваше путешествие по Норвегии завершилось благополучно?

— Оно еще не завершено, оно лишь окончено в нынешнем году, вот так-то, господин Бенетт.

— Ну что ж, господин Хог, расскажите мне о тех славных людях, с которыми вы свели знакомство в Даале.

— Они и в самом деле славные, славные и мужественные, и то и другое.

— Судя по тому, что пишут в газетах, они достойны всяческого сожаления.

— Это правда. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы несчастья столь упорно преследовали одну и ту же семью.

— Да, вы правы, господин Хог. Сперва эта беда с «Викеном», потом дело с мошенником Сандгоистом.

— Вот именно, с гнусным мошенником, господин Бенетт.

— В конечном счете Гульда Хансен поступила правильно, обменяв свой билет на закладную под дом.

— Вы находите? А почему вы так думаете, господин Бенетт?

— Ну как же — получить пятнадцать тысяч марок за почти несбыточный шанс...

— Ах, вы рассуждаете как практичный человек и негоциант! — возразил профессор. — Но можно ведь взглянуть на эту сделку и с другой стороны, а именно, со стороны сентиментальной, а чувства не поддаются трезвому расчету.

— Разумеется, господин Хог, но позвольте мне заметить, что ваша протезе, вероятно, получила за свои чувства сполна!

— Откуда вы знаете?

— Да вы прикиньте сами! Что представлял из себя этот билет? Один шанс на выигрыш из миллиона.

— Вы правы, это очень мало, это ничтожно мало!

— Вот люди очнулись от своей горячки и пораскинули мозгами. А теперь говорят, что Сандгоист, который купил билет, надеясь разбогатеть на нем, не может найти покупателя.

— Похоже на то, господин Бенетт.

— Вот выйдет скандал, если этот чертов ростовщик все-таки сорвет главный выигрыш!

— Да, вы не преувеличили, выйдет именно скандал, и прегромкий!

Говоря это, Сильвиус Хог прохаживался по магазину или, вернее, по базару господина Бенетта, столь известному и в Христиании, и по всей Норвегии. И в самом деле, чего только здесь не было! Коляски и повозки — целыми дюжинами, сундучки и поставцы для провизии, корзины с винами, штабеля ящиков с консервами, одежда и снаряжение для туристов, даже путеводители, описывающие всевозможные маршруты — от самых затерянных селений Финмарка до Лапландии, да что там! — даже до Северного полюса! И это еще далеко не все! Знайте, что господин Бенетт предлагал любителям естествознания различные образцы минералов и руд, чучела любых птиц, пресмыкающихся и прочих представителей норвежской фауны.¹¹¹ И нелишним будет сообщить также, что именно здесь вы могли бы увидеть самую полную коллекцию драгоценностей и безделушек в национальном стиле.

Так что этот господин был добрым гением¹¹² туристов, желавших посетить Норвегию, — гением поистине универсальным, без которого Христиании трудно было бы обойтись.

— А кстати, господин Хог, — сказал он, — надеюсь, вы нашли в Тиннусете коляску, которую заказывали у меня?

¹¹¹ Фауна — совокупность всех видов животных какой-либо местности, страны или геологического периода.

¹¹² Добрый гений — здесь: добрый дух, иначе говоря, человек, бескорыстно помогающий ближним во всем, материально и духовно.

— Поскольку я ее заказывал, господин Бенетт, я был совершенно уверен, что найду ее там, и действительно нашел точно в условленное время!

— Ну, вы мне льстите. Однако, судя по вашему письму, вы путешествовали втроем...

— Верно, втроем.

— И эти люди... ваши спутники...

— Они прибыли вчера вечером вместе со мною, в добром здравии, и теперь ждут меня в гостинице «Виктория», куда я сейчас и отправлюсь.

— Это уж не они ли?..

— Именно, именно... Но, прошу вас, не говорите никому. Я не хотел бы, чтобы из-за их приезда поднялся шум, по крайней мере, сейчас.

— Бедная девушка!

— Да... она много выстрадала.

— И вам захотелось, чтобы она присутствовала на розыгрыше, хотя у нее уже нет билета, завещанного женихом?

— Это не мое желание, господин Бенетт, — так захотел Оле Камп, и я скажу вам то же, что и всем остальным: нужно уважать последнюю волю погибшего.

— О, я уверен: все, что вы делаете, разумно и правильно, дорогой господин Хог!

— Теперь вы мне льстите, дорогой господин Бенетт?

— Нет, но какое счастье, что семья Хансен повстречала вас на своем пути.

— Ба! Для меня еще большее счастье, что я повстречал семью Хансен на своем!

— Я вижу, у вас по-прежнему доброе, великодушное сердце.

— Господин Бенетт, коли у человека есть сердце, пусть лучше оно будет добрым и великодушным, чем наоборот, вы согласны?

И Сильвиус Хог сопроводил сей ответ почтенному торговцу сияющей улыбкой.

— Надеюсь, — продолжал он, — вы не думаете, что я сюда явился в поисках комплиментов?¹¹³ Меня привело к вам одно дело.

— К вашим услугам, господин Хог.

— Вам известно, что без помощи Жозля и Гульды Хансен Рьюканфос вернул бы меня на свет Божий в виде трупа, не так ли? И я сейчас не имел бы удовольствия беседовать с вами.

— Да-да, я все знаю! — ответил господин Бенетт. — Газеты описывали ваше приключение... По правде сказать, эти храбрые молодые люди сполна заслужили, чтобы им достался главный выигрыш лотереи!

— Я держусь того же мнения, — согласился профессор. — Но, поскольку теперь это невозможно, мне хотелось бы, чтобы моя маленькая Гульда вернулась в Дааль с подарком... на память...

— Вот это прекрасная мысль, господин Хог!

— И, стало быть, я прошу помочь мне выбрать среди ваших сокровищ какую-нибудь вещь из тех, что нравятся молодым девушкам.

— Охотно! — воскликнул господин Бенетт.

И он пригласил покупателя пройти к витринам с национальными норвежскими украшениями. Не правда ли, такая безделушка — прелестный памятный подарок, лучший из всех, что можно увезти из Христиании, а именно из великолепных магазинов господина Бенетта?!

Так подумал Сильвиус Хог, когда любезный торговец поспешил открыть перед ним все витрины.

— Признаться, я не разбираюсь в подобных вещах и полагаюсь на ваш собственный вкус.

— О, мы с вами поладим, господин Хог!

¹¹³ Комплимент — лестное выражение, похвала.

Перед ними лежали всевозможные ювелирные изделия шведских и норвежских мастеров, украшения тончайшей работы, которая иногда стоит дороже, чем драгоценный металл, из которого они сделаны.

— Что это такое? — спросил профессор.

— Это кольцо из накладного золота с висюльками, — послушайте, как они мелодично звенят!

— Очень красиво! — подтвердил Сильвиус Хог, примеряя кольцо на кончик мизинца. — Отложите-ка его, господин Бенетт, и покажите мне еще что-нибудь.

— Браслеты, ожерелья?

— И то и другое, с вашего позволения, и то и другое... А вот это что?

— Парные медные пуговицы для корсажа. Поглядите, как сияет медь на пурпурной¹¹⁴ плиссированной¹¹⁵ шерсти! С большим вкусом сделаны, и притом совсем недорого стоят!

— В самом деле, прелестно, господин Бенетт, отложим-ка и их.

— Однако, позволю себе заметить, господин Хог, что такие пуговицы предназначены исключительно для наряда невесты... в день свадьбы... а вы же знаете...

— Клянусь Святым Олафом, вы правы, господин Бенетт, вы совершенно правы! Бедняжка Гульда! К несчастью, не Оле делает ей этот подарок, а я, и преподношу я его не невесте!

— Вот именно, господин Хог.

— Что ж, давайте поглядим другие украшения для молодых девушек. Ага! Что это за крестик?

— Это шейный крестик с подвесками, что звенят при каждом движении.

— Очень красиво, просто прелестно!.. Отложите-ка и его тоже, господин Бенетт. Сейчас осмотрим то, что лежит в остальных витринах, и тогда выберем окончательно.

— Да, но...

— Что «но»?

— Такие крестики у нас, в Скандинавии, надевают только невесты... на венчании в церкви...

— Вот тебе на!.. Признайте, господин Бенетт, что мне чертовски не везет!

— Видите ли, господин Хог, это потому, что я в основном торгую свадебными украшениями, и в больших количествах. Так что не удивляйтесь...

— О, я ничуть не удивляюсь, просто я слегка озадачен.

— Мой вам совет: возьмите то золотое кольцо, что вы попросили отложить вначале.

— Гм... золотое кольцо... И все же мне хотелось бы подобрать у вас еще какое-нибудь украшение... как бы это выразиться... более декоративное, что ли...

— Ну, тогда смело берите вот эту серебряную филигранную нагрудную пластину, ее цепочки в четыре ряда так прекрасно смотрятся на шейках молодых девушек! Поглядите-ка: она вся усыпана искусственными бриллиантками, блестящими латунными шариками и цветными гранеными бусинками. Это один из самых интересных образцов норвежского ювелирного искусства.

— Да-да, понимаю, — отозвался Сильвиус Хог. — Чудесная вещица, но, мне кажется, слишком уж претенциозная¹¹⁶ для такой скромной девушки, как моя Гульда. По правде говоря, я все же предпочел бы те пуговицы и крестик, что вы мне показали. Неужто они предназначены только для невест и их нельзя подарить девушке по другому случаю?

— Господин Хог! — заявил Бенетт. — Насколько мне известно, стортинг не принимал

¹¹⁴ Пурпурный — темно-багрового цвета.

¹¹⁵ Плиссированная ткань — украшенная мелкими незастроченными складками.

¹¹⁶ Претенциозный — подчеркивающий преувеличенное самомнение.

закона, запрещающего делать подобные подарки... Конечно, это его упущение...

— Хорошо, хорошо, господин Бенетт, мы примем это к сведению. А пока я все-таки возьму и пуговицы и крестик... И потом, разве моей милой Гульде навсегда заказано замужество?.. Она хороша собою, она очаровательна, и, я думаю, ей еще представится случай надеть эти украшения! Итак, решено, я беру их и уношу с собой!

— Как вам угодно.

— Будем ли мы иметь удовольствие видеть вас на розыгрыше лотереи, господин Бенетт?

— Ну разумеется!

— Я думаю, это будет очень интересно.

— Уверен, что так!

— Значит, до скорого свидания!

— До скорого свидания, господин Хог!

— Ага! — воскликнул профессор, склоняясь над очередной витриной. — Вот еще два красивых кольца, которые я не заметил.

— О, они вам не подойдут. Это обручальные кольца, которые пастор надевает брачующимся во время венчания.

— Вот как? Ба! Я все же возьму и их. До свидания, господин Бенетт, скоро увидимся.

И Сильвиус Хог, выйдя из лавки легкой, как у двадцатилетнего юноши, поступью, направился к гостинице «Виктория».

Войдя в вестибюль, он сразу же заметил надпись «Fiat lux»,¹¹⁷ красовавшуюся на виду у всех, над газовым рожком.¹¹⁸

«Ага! — сказал он себе. — Вот изречение, весьма подходящее к случаю! Да-да, весьма! Fiat lux! Fiat lux!..»

Гульда сидела в своей комнате у окна и ждала. Профессор постучался в дверь и приоткрыл ее.

— Ах, господин Сильвиус! — воскликнула она, вставая.

— Да, это я! Это я собственной персоной! Но речь сейчас не обо мне, милая Гульда, а об обеде. Я голоден как волк! Где Жоэль?

— Он в читальном салоне.

— Прекрасно! Я иду за ним. А вы одевайтесь, милое дитя, и поскорее спускайтесь к нам!

И Сильвиус Хог, выйдя из комнаты девушки, пошел разыскивать Жоэля, который ждал его в полном отчаянии.

Бедный парень показал ему злополучный номер «Morgen Blad». Сообщение капитана «Телеграфа» не оставляло никаких сомнений в гибели «Викена» со всем его экипажем.

— Гульда не читала эту статью? — живо спросил профессор.

— Нет, господин Сильвиус, нет! И чем позже она об этом узнает, тем будет лучше!

— Вы правильно рассуждаете, мой мальчик!.. А теперь идемте обедать.

Минуту спустя все трое сидели в ресторане за отдельным столом. Сильвиус Хог ел с большим аппетитом.

Впрочем, обед — вкусный и обильный — вполне того заслуживал. Судите сами: холодный суп с пивом, лимонными дольками, корицей и гренками из ситного хлеба, лососина под сладким белым соусом, панированная телятина, бифштекс с кровью, салат — без приправы, но с пряностями, ванильное мороженое, конфитюр из картофеля, малины, вишен и орехов; все это запивалось выдержанным французским Сен-Жюльеном.

— Превосходно! Превосходно! — восхищенно повторял большой гурман. — Можно

¹¹⁷ Да будет свет (*лат.*).

¹¹⁸ Газовый рожок — светильник, работающий от горячего газа.

подумать, что мы обедаем в Даале, в гостинице фру Хансен!

И, поскольку рот у него был набит, он улыбался глазами так радостно, как только могут смеяться глаза.

Жозель и Гульда пытались разделить с профессором его ликование, но это им никак не удавалось, особенно молодой девушке, которая едва притронулась к блюдам. Когда с обедом было покончено, Сильвиус Хог сказал:

— Дети мои, напрасно вы не отдали должное этой замечательной стряпне. Но принуждать я не могу. В конце концов, если вы сейчас не доели, сможете взять свое за ужином. И я уверен, что смогу соревноваться с вами за столом нынче вечером! А теперь пора отправляться.

Профессор уже стоял, собираясь надеть шляпу, которую протянул ему Жозель, когда Гульда спросила:

— Господин Сильвиус, вы по-прежнему хотите, чтобы я пошла вместе с вами на розыгрыш лотереи?

— Ну разумеется, дорогое мое дитя, очень хочу!

— Мне будет тяжело!

— Согласен, милая, крайне тяжело. Но Оле хотел, чтобы вы присутствовали, на розыгрыше, и нужно уважать его волю, Гульда!

Решительно, эта последняя фраза стала постоянным рефреном в устах Сильвиуса Хога.

Глава XIX

Невозможно описать, какая толпа заполонила большой зал университета Христиании, где должен был состояться тираж лотереи; конечно, не все смогли втиснуться в него и теснились во дворе и даже на прилегающих улицах, поскольку двор также оказался слишком мал для желающих присутствовать на этом действе.

Поистине, в тот день пятнадцатого июля трудно было бы назвать норвежцев спокойными и невозмутимыми, — сегодня их охватило необычное возбуждение. Чем оно объяснялось? Интересом ли к розыгрышу или летней жарой? Вероятнее всего, и тем и другим. Во всяком случае, возбуждение не удавалось погасить даже теми освежающими фруктами «multers», великое множество которых потребляется летом в Скандинавии.

Тираж должен был начаться ровно в три часа дня. Розыгрывалось сто лотов, поделенных на три серии: первая — девяносто лотов от ста до тысячи марок каждый, на общую сумму в сорок пять тысяч марок; вторая — девять лотов от тысячи до девяти тысяч марок каждый, на ту же общую сумму; и третья — единственный лот на сто тысяч.

В противоположность тому, что творится обычно на лотереях такого рода, главный эффект организаторы приберегли к самому концу. Самый большой выигрыш должен был пасть не на первый, а на последний номер, то есть на сотый. Отсюда и должен был идти постепенный накал страстей, впечатлений, волнений участников. Само собой разумеется, что каждый выигравший номер не мог участвовать вторично и в этом случае аннулировался.

Все это было заранее объявлено публике, и теперь оставалось лишь дожидаться назначенного часа. Стараясь сократить томительное время ожидания, присутствующие беседовали друг с другом, — конечно, большей частью о печальном положении Гульды Хансен. Сохрани она билет Оле Кампа, каждый из находящихся здесь искренне желал бы ей выиграть... во вторую очередь, разумеется, — после себя.

К атому часу несколько человек уже прочли сообщение, опубликованное в «Morgen Blad», и теперь пересказывали его окружающим. Вскоре все собравшиеся знали, что поиски сторожевика окончились неудачей и, следовательно, приходилось отказаться от надежды разыскать хотя бы обломки «Викена». Никто из его команды не спасся. И, значит, Гульда никогда больше не увидит своего жениха.

И еще одно сообщение взволновало толпу. Распространился слух о том, что Сандгоист решил-таки покинуть Драммен: кое-кто утверждал, будто его видели на улицах

Христиании. Стало быть, он все-таки осмелится заявиться на розыгрыш? Если так, то злодею придется туго пред лицом разгневанной толпы! Как! Сандгоист придет на лотерею?! Да нет, этого не может быть просто потому, что не может быть никогда! В общем, скорее всего, ложная тревога, и не более!

В четверть третьего толпа взволнованно всколыхнулась.

Во дворе университета показался Сильвиус Хог. Все знали, какое участие принимал он во всем этом деле и как стремился заплатить долг признательности спасшим его детям фру Хансен.

Люди тотчас расступились. Благожелательное перешептывание, на которое Сильвиус Хог отвечал любезными кивками, быстро Переросло в оглушительные приветственные крики.

Однако профессор был не один. Когда народ потеснился, чтобы пропустить его к дверям, все увидели, что он ведет под руку какую-то девушку, а за ними следует неизвестный молодой человек.

Девушка... Молодой человек!.. По толпе словно пробежал электрический ток. Одна и та же мысль, словно искра, вспыхнула в мозгу у всех собравшихся.

— Гульда! Гульда Хансен!

Это имя разом слетело со всех уст.

Да, то была Гульда, смущенная до того, что, не поддерживая ее рука Сильвиуса Хога, она наверняка упала бы. Но он крепко держал ее — трогательную героиню этого праздника, на котором, увы, отсутствовал Оле Камп. О, как Гульде хотелось бы сейчас оказаться в своей скромной комнатке в Даале! Каким тяжким испытанием было для нее жадное любопытство толпы, пусть даже исполненной симпатии и сочувствия! Но профессор захотел, чтобы девушка пришла сюда, и она пришла.

— Дайте им место! Дайте место! — кричали со всех сторон.

Люди протискивались к Сильвиусу Хогу, Гульде и Жоэлю. Десятки рук тянулись к ним для рукопожатия. Десятки приветствий и утешений звучали на их пути. И как же радостно Сильвиус Хог принимал все эти проявления симпатии!

— Да-да, это она, друзья мои... Это моя маленькая Гульда, которую я привез из Дааля, — повторял он.

И, обернувшись, добавлял:

— А это ее брат Жоэль!

Потом шутливо просил:

— Смотрите не задушите их!

И он тряс рукою, онемевшей от множества крепких рукопожатий, поскольку она не была такой крепкой, как у Жоэля, которому тоже пришлось потрудиться на славу. Глаза профессора ярко блестели, хотя их и застилала легкие слезы волнения. Но вот факт, достойный внимания офтальмологов:¹¹⁹ даже и слезы в его глазах излучали свет.

Депутату и его спутникам понадобилась добрая четверть часа и немало усилий, чтобы пересечь двор университета, войти в зал и разыскать стулья, приготовленные для них заранее. Наконец профессор уселся между своими юными друзьями.

В половине третьего на эстраде в глубине зала открылась дверь и оттуда вышел председатель бюро лотерей — внушительный, серьезный господин с типичной властной осанкой человека, призванного именно к председательству. Его сопровождали двое не менее серьезных ассистентов.¹²⁰ Вслед за ними появились шесть девочек, — все они были румяные, белокурые, голубоглазые, с пышными бантами в волосах и с теми красивыми руками невинных отроковиц, какими и подобает вытаскивать номера на розыгрыше лотереи.

¹¹⁹ Офтальмолог — врач по глазным болезням; окулист.

¹²⁰ Ассистент — здесь: помощник специалиста.

Их появление вызвало гул в толпе, выразившей таким образом свое удовольствие при виде руководителей лотереи, а затем нетерпение от того, что они заставили себя ждать.

Девочек было шесть по числу урн, стоящих на столе, — из них-то и предстояло извлекать шесть номеров при каждом очередном розыгрыше.

Каждая из этих урн содержала номера с цифрами от нуля до девяти, представляющие собою единицы, десятки, сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч, входящие в общее число миллион. Седьмая же урна отсутствовала, поскольку в этом тираже было принято следующее правило: если из всех шести урн одновременно вынимают нули, то они и означают этот миллион, — иными словами, выигрыш распределяется равномерно на все номера билетов.

Кроме того, решено было, что номера вынимаются по очереди из всех урн, начиная с крайней левой — ближайшей к публике. Таким образом, выигрышное число будет составляться на глазах у зрителей, начиная с самых крупных цифр, то есть с сотен тысяч, затем десятков и так далее, вплоть до единиц. Можете себе представить, с каким трепетом каждый участник станет следить за увеличением своих шансов с появлением очередной цифры!

Ровно в три часа председатель махнул рукой, давая знак к началу тиража.

Толпа встретила объявление взволнованным гулом, который через несколько мгновений стих, уступив место относительной тишине.

Тогда председатель встал и произнес краткую, но прочувствованную торжественную речь, где выразил сожаление, что главный выигрыш не падает на каждый билет. Вслед за тем он приказал приступить к тиражу первой серии. Как вы уже знаете, она включала в себя девяносто лотов и обещала поэтому быть довольно продолжительной.

Итак, шесть девочек начали действовать с размеренностью автоматов при напряженном, ни на миг не ослабевающем внимании публики. Действительно, поскольку размер выигрыша возрастал с каждым новым номером, соответственно росло и волнение присутствующих, и никому в голову не пришло бы покинуть свое место, даже тем, чьи номера уже не могли претендовать на выигрыш.

Тираж длился уже целый час, но ничего серьезного пока не произошло. Замечено было, однако, что номер 9672 еще не вышел, что лишило бы его всяких шансов на главный выигрыш в сто тысяч марок.

— Вот хорошенькое предзнаменование для негодяя Сандгоиста, — сказал один из соседей профессора.

— Ба! Странно, если на него свалится главный выигрыш! — отозвался другой. — Пусть даже он и владеет знаменитым билетом.

— Да, и в самом деле знаменитым! — согласился Сильвиус Хог. — Но только не спрашивайте меня, почему это так!.. Я не смог бы вам объяснить.

Тут начался тираж второй серии, включающей в себя девять лотов. Этот тираж обещал стать весьма интересным, поскольку девяносто первый номер падал на выигрыш в тысячу марок, девяносто второй — в две тысячи и так вплоть до девяносто девятого, равнявшегося девяти тысячам. Третья же серия, как вы помните, состояла из одного-единственного лота.

Номер 72521 выиграл пять тысяч марок. Билет этот принадлежал одному бравому моряку здешнего порта; присутствующие удостоили его бурными аплодисментами и возгласами, которые счастливцев принял с подобающим достоинством.

Следующий номер — 823752 — выиграл шесть тысяч марок. Какова же была радость Сильвиуса Хога, когда Жоэль сообщил ему, что билет принадлежит очаровательной Зигфрид из Бамбле!

И вот тут-то произошел инцидент,¹²¹ ввергший публику в волнение, вылившееся в глухой ропот. Когда вытащили номер 97, тот, что выигрывал семь тысяч марок, все на мгновение решили, будто судьба наградила Сандгоиста хотя бы этим лотом.

¹²¹ Инцидент — случай, происшествие.

Ибо выигрышный номер оказался 9627! Стоило лишь поменять местами две последние цифры, и он оказался бы билетом Оле Кампа.

Два следующих номера вышли совсем далекими от упомянутого выше: 775 и 76287.

На этом вторая серия завершилась. Оставалось разыграть последнюю — в сто тысяч марок.

Волнение зрителей к этому моменту достигло апогея,¹²² — трудно было представить себе весь накал страстей в зале.

Сперва он заполнился приглушенным гулом голосов, который захватил двор и прилегающие улицы. Прошло несколько минут, пока присутствующие не утихомирились; наконец воцарилось глубокое молчание. Публика буквально застыла в напряжении. В этой тишине таилось нечто вроде страха, если нам позволено сделать такое сравнение: того страха, который охватывает толпу в тот миг, когда приговоренный к смертной казни показывается на эшафоте. Только на сей раз кто-то неизвестный приговаривался к выигрышу в сто тысяч марок, а не к тому, чтобы потерять голову, — разве что от счастья.

Жозель, скрестив руки на груди, рассеянно смотрел на объятую трепетом толпу и, по всей видимости, оставался самым спокойным в зале.

Гульда же сидела, склонив голову на грудь, и думала только о своем бедном Оле. Временами она машинально искала его взглядом в толпе, словно он мог появиться здесь в последний момент.

Что же до Сильвиуса Хога... Нет, мы не в состоянии описать чувства, владевшие им в ту минуту!

— Тираж выигрыша в сто тысяч марок! — объявил председатель.

Какой голос! Казалось, он исходил из самой глубины сердца этого напыщенного господина. Объяснялось все очень просто: он обладал большим количеством билетов, которые еще не вышли в тираж и, стало быть, могли претендовать на главный приз.

Первая девочка вынула номер из левой крайней урны и показала его собравшимся.

— Нуль! — провозгласил председатель.

Этот номер не произвел большого впечатления, — казалось, все присутствующие были готовы к тому.

— Нуль! — опять выкрикнул председатель, сообщая следующую вынутую цифру.

Два нуля! Это означало, что теперь шансы увеличиваются для всех номеров от одного до девяти тысяч девятисот девяноста девяти. А билет Оле Кампа, как мы уже говорили, носил номер 9672.

Странное явление: Сильвиус Хог начал ерзать на своем стуле, двигая его так, словно тот был на колесиках.

— Девять! — назвал председатель номер, вынутый третьей девочкой из третьей урны.

Девять!.. То была первая цифра на билете Оле Кампа!

— Шесть! — продолжал председатель.

И действительно, четвертая девочка показала шестерку собравшимся, чьи застывшие взгляды были направлены на бедняжку подобно заряженным пистолетам и ввергли ее в крайнее смущение.

Теперь шансы на выигрыш сократились до одного из ста, то есть падали на номера от одного до девяноста девяти.

Неужто билет Оле Кампа доставит выигрыш в сто тысяч марок этому презренному Сандгоисту?! Вот уж когда придется усомниться в милости Господней!

Пятая девочка опустила руку в урну и вынула пятый номер.

— Семь! — сказал председатель таким сдавленным голосом, что его едва расслышали в первых рядах.

Но если его и не услышали, то цифру-то увидели все, и теперь пять девочек показывали

¹²² Апогей — здесь: высшая степень.

публике сложившийся номер:

00967

После этого выигрышный номер должен был прийти на одну из цифр между 9670 и 9679, иными словами, на одну из десяти.

Напряжение присутствующих достигло предела.

Сильвиус Хог вскочил с места, схватив за руку Гульду Хансен. Все взгляды устремились на несчастную девушку. Она пожертвовала последними воспоминаниями о своем женихе, неужто тем самым она лишилась состояния, которое он мечтал получить для них обоих?!

Шестая девочка никак не могла засунуть руку в урну, так сильно она дрожала, бедная малышка. Наконец номер был вынут.

— Два! — вскричал председатель и рухнул на стул, сраженный пережитым волнением.

— Девять тысяч шестьсот семьдесят два! — провозгласил один из его помощников звонким голосом, слышным во всем зале.

Это был номер билета Оле Кампа — билета, находившегося теперь в руках Сандгоиста! Все это знали, и все слышали, при каких обстоятельствах ростовщик завладел им. Вот почему гробовая тишина встретила это объявление вместо громового «ура!», от которого зазвенели бы стекла университета, находишь билет в руках Гульды Хансен.

Неужто этот жулик Сандгоист сейчас заявится сюда, чтобы получить главный выигрыш?

— Номер девять тысяч шестьсот семьдесят два выиграл сто тысяч марок! — повторил помощник. — Кто претендует на этот выигрыш?

— Я!

Чей голос откликнулся на вызов? Уж не ростовщика ли из Драммена?

Нет! Он принадлежал молодому человеку — исхудавшему, с бледным лицом, носящим следы долгих страданий, но живому, да-да, живому.

Услышав этот голос, Гульда вскочила с места и издала душераздирающий крик, разнесшийся по всему залу. Потом начала падать...

Но молодой человек, растолкав толпу, бросился к Гульде и успел подхватить на руки потерявшую сознание девушку.

Это был Оле Камп!

Глава XX

Да! Это был он, Оле Камп, который чудом спасся после кораблекрушения «Викена».

И если «Телеграф» не привез его в Европу, то лишь потому, что молодой человек не был в районе поисков сторожевика.

А не было его там потому, что он в это время находился на пути в Христианию, на борту судна, которое доставило его домой.

Вот что рассказывал Сильвиус Хог. Вот что он повторял еще и еще раз своим многочисленным слушателям. И, можете поверить, они внимали ему, затаив дыхание. Он повествовал об этом с видом истинного триумфатора.¹²³ А те, кто находился рядом, передавали его слова другим, не имевшим счастья сидеть рядом. Так и шла эта история от группы к группе, выходя за пределы зала и на прилегающие улицы.

Буквально в несколько минут всю Христианию облетела весть о том, что молодой моряк с «Викена» спасся, вернулся домой и выиграл главный приз Школьной лотереи.

И кому же было рассказывать эту историю, как не Сильвиусу Хогу?! Оле при всем

¹²³ Триумфатор — победитель.

желании не смог бы этого сделать: он чуть не задохнулся в объятиях Жоэля, пока его невеста приходила в себя.

— Гульда!.. Дорогая моя Гульда! — твердил Оле. — Взгляни, это я... твой жених... твой будущий муж!..

— И он станет им завтра же, дети мои, да-да, завтра же! — воскликнул Сильвиус Хог. — Мы нынче же вечером выедем в Дааль. И вы увидите то, чего еще никогда не видали: профессор законовещения, депутат стортинга будет плясать на свадьбе, как самый лихой из парней Телемарка!

Но откуда сам Сильвиус Хог узнал историю злоклучений Оле Кампа? Да очень просто: из последнего письма Министерства морского флота, которое он получил в Даале. В это письмо было вложено другое, присланное из Христиании. В нем-то и говорилось о том, что датский бриг «Ганиус» под командованием капитана Кромана высадил в Кристиансанне спасшихся с «Викена» моряков, в их числе молодого боцмана Оле Кампа, который должен был через три дня прибыть в Христианию.

В приписке объяснялось, что потерпевшие бедствие перенесли ужасные страдания и находятся между жизнью и смертью. Вот почему Сильвиус Хог остерегся сообщать Гульде о возвращении жениха и попросил в ответном письме держать эту новость в тайне; как мы видим, она и оставалась тайной до самого последнего момента.

А теперь объясним, почему сторожевой корабль «Телеграф» не обнаружил на месте катастрофы ни обломков «Викена», ни людей.

Когда шхуна находилась в двухстах милях к югу от Исландии, разразился жестокий шторм, который погнал потерявшее управление судно на северо-запад. В ночь с третьего на четвертое мая шквальный ветер швырнул его на один из тех гигантских айсбергов, что приплыли со стороны Гренландии. Удар оказался столь сильным и ужасным, что «Викен» начал тонуть.

Тогда-то Оле и написал письмо Гульде. На лотерейном билете он начертал слова прощания своей невесте, положил его в бутылку и, запечатав, бросил в море.

Большая часть экипажа «Викена», включая и капитана, погибла в момент столкновения. Только Оле Кампу и четверым его товарищам удалось взобраться на обломок айсберга в последний миг, когда «Викен» ушел под воду. Их гибель была предрешена, если бы все тот же безжалостный шторм не погнал льдину к северо-западу. Два дня спустя пятерых потерпевших бедствие, измученных, умирающих от голода людей выбросило на пустынный берег южной оконечности Гренландии, где никто не мог оказать им помощи.

Еще несколько дней, и они, несомненно, погибли бы.

У них не хватило бы сил добраться до промысловых районов или датских факторий,¹²⁴ расположенных на другом конце Гренландии, в бухте Баффинова залива.

Но тут в море показался бриг «Гениус», также сбивтый с курса разразившимся штормом. Моряки подали сигнал бедствия и были взяты на борт.

Так они и спаслись.

Однако «Гениус», которому пришлось бороться со встречными ветрами, с большим опозданием преодолел сравнительно короткое расстояние между Гренландией и Норвегией. Вот почему он прибыл в Кристиансанн лишь двенадцатого июля, а в саму Христианию утром пятнадцатого.

В тот же день Сильвиус Хог побывал на борту «Гениуса». Там он нашел Оле Кампа крайне слабым и истощенным, и тот рассказал ему все, что с ним приключилось после отправки письма из Сен-Пьера и Микелона... Затем профессор перевез Оле к себе в дом, попросив экипаж «Гениуса» еще несколько часов хранить тайну... Остальное читателю известно.

Они договорились, что Оле Камп будет присутствовать при розыгрыше лотереи. Но

¹²⁴ Фактория — торговая контора и поселение, организуемые купцами в колониальных странах.

хватит ли у него на это сил?

Да, разумеется, хватит, коль скоро туда придет Гульда! Но сам тираж... Неужели он все еще представлял для Оле какой-то интерес? Да, тысячу раз да! Как для него самого, так и для его невесты.

Сильвиусу Хогу удалось вырвать билет из рук Сандгоиста. Он выкупил его за ту же цену, которую ростовщик из Драммена дал фру Хансен. И Сандгоист был еще счастлив, что так дешево отделался, — ведь никто больше не собирался покупать у него билет.

— Мой милый Оле, — сказал Сильвиус Хог, вручая билет моряку, — я хотел вернуть Гульде не шанс — весьма, впрочем, шаткий — на выигрыш, но последний привет, который вы послали ей, находясь на краю гибели.

Ну что ж, надо признать, профессор Сильвиус Хог оказался провидцем, и провидцем куда более дальновидным, нежели мошенник Сандгоист, который от бешенства чуть не разбил голову о стену, узнав о результатах тиража.

И теперь в дом Даала пришло целое богатство — сто тысяч марок. Да-да, именно сто, потому что Сильвиус Хог наотрез отказался получить то, что он заплатил за билет Оле Кампа.

Как же последний был счастлив, что может преподнести такой прекрасный свадебный подарок своей маленькой Гульде!

Быть может, неправдоподобно, что билет за номером 9672, вызвавший к себе столь пристальное внимание, выиграл именно главный, самый крупный приз лотереи.

Да, это и впрямь удивительно, но, согласитесь, отнюдь не невозможно; во всяком случае, так оно и вышло.

Сильвиус Хог, Оле, Жоэль и Гульда покинули Христианию тем же вечером. Их путь пролегал через Бамбле, поскольку нужно было передать Зигфриду ее выигрыш. Проезжая мимо маленькой церквушки Хиттердаала, Гульда вспомнила, какие скорбные мысли обуревали ее всего два дня назад, однако вид Оле быстро вернул ее к счастливой действительности.

Клянусь Святым Олафом, не было на свете невесты красивее Гульды, когда четыре дня спустя она вышла, увенчанная сияющей короной, из часовенки Даала под руку со своим мужем Оле Кампом! И до чего же веселая получилась у них свадьба; ее отзвуки достигли самых дальних селений Телемарка! И как же ликовали все присутствующие — и красивая подружка невесты, Зигфрид, и ее отец, фермер Хельмбе, и ее жених Жоэль, и даже фру Хансен, которую больше не мучил призрак Сандгоиста!

Вас, вероятно, интересует, что именно привлекло на свадьбу всех друзей и близких семьи Хансен — господ братьев Хелп и прочих: приехали ли они полюбоваться на счастье молодых или поглядеть, как отплясывает профессор законовещения и депутат стортинга господин Сильвиус Хог? Это трудный вопрос. Во всяком случае, танцевал он весьма достойным образом и, открыв бал в паре со своей дорогой Гульдой, завершил его с очаровательной Зигфрид.

На следующее утро под звучные приветствия обитателей долины Вестфьордаала он уехал, дав торжественное обещание присутствовать на свадьбе Жоэля, которую и отпраздновали спустя несколько недель, к великой радости жениха и невесты.

На сей раз профессор открыл бал об руку с очаровательной Зигфрид, а завершил его со своей дорогой Гульдой.

И с тех пор профессор больше уже не танцевал.

Сколько счастья выпало теперь на долю хозяев дома в Даале, перенесших суровые испытания! Конечно, их счастье было частично делом рук Сильвиуса Хога, но тот никак не соглашался признать это и лишь твердил:

— Ладно, ладно! Я еще в долгу перед детьми фру Хансен!

Что же до знаменитого билета, то он был возвращен Оле Кампу после окончания лотереи. И ныне красуется на почетном месте, в деревянной рамочке, на стене большой залы гостиницы Даала. Но повернут он не лицевой стороною, где виден памятный всем номер 9672, а обратной — с последним приветом, который гибнущий моряк Оле Камп посылал

своей невесте Гульде Хансен.

Конец